

АЗИЯ сегодня и АФРИКА

ISSN 0321-5075 (Print)
ISSN 2782-2389 (Online)

НАУКА
— 1727 —

ASIA & AFRICA today

2024 № 12

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня **и АФРИКА**

2024 № 12

Ежемесячный научный журнал

Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. – «Современный Восток»).

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтеринва (Нигерия), В.Я. Белокрыцкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт
всеобщей истории РАН, Москва, Россия), А.В. Денисов (Москва, Россия),
Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия), С.С. Кунанбаева (Казахстан), Москва, Россия),
В.А. Мельянцев (Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия),
Д.В. Мосяков (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия), Ф.С. Муфамеди (ЮАР),
М. Наср аль-Гибали (Египет), У. Рено (США), С.В. Прожогина (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), О.И. Тетерин (Москва, Россия), Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения
РАН, Москва, Россия), В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

О.И. Тетерин, первый зам. главного редактора
А.В. Денисов, ответственный секретарь
Л.Ю. Тенякова, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2024 № 12

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title
“Sovremennyi Vostok” / “Contemporary East”). The journal is published under the supervision
of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya. Belokrenitsky (Institute
of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for Research and Islamic
Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS, Moscow, Russia),
A.V. Denisov (Moscow, Russia), Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China),
S.S. Kunanbayeva (Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages,
Kazakhstan), V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State
University, Moscow, Russia), D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams
University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), W. Reno
(Northwestern University, USA), T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow),
V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia), O.I. Teterin (Moscow, Russia),
H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

O.I. Teterin, First Deputy Editor-in-Chief
A.V. Denisov, Executive secretary; L.Yu. Tenyakova, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

Институту Африки РАН – 65 лет	5
Васильев А.М. Африка: новые трещины в системе неокOLONиализма	7
Стрельцов Д.В. Политический кризис в Японии 2023–2024 гг.: состоялся ли выход?	14
Изотов Д.А. (Хабаровск). Внешняя торговля КНР: зарубежный и отечественный секторы экономики	24
Вахрушин И.В. Пекинская фондовая биржа: итоги двух лет работы, задачи и перспективы	33
Глухов Я.А. Перспективы роста экономики Танзании за счет членства в ВАС и САДК	42
<i>Вода – Африка</i>	
Денисова Т.С., Костелянец С.В. «Проблема воды» в бассейне реки Конго	49
Шубин В.Г. Водный кризис в ЮАР	58
Константинова О.В. О проблеме доступа к чистой воде в Африке	65

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бадмаев В.Н. (Улан-Удэ). «Интеллектуальное паломничество в буддизм»	73
--	----

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Зайцев А.С. Россия – Африка: помня уроки прошлого, мостить дорогу в будущее (заметки советского/российского посла)	77
Новая книга академика А.М. Васильева	82

© Российская академия наук, 2024
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2024

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

Журнал включен в РИНЦ, входит в список ВАК, ядро РИНЦ и в базу RSCI.

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1
Тел.: **+7 495-697-95-66**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Интернет: **www.asaf-today.ru**

CONTENTS

POLITICS, ECONOMICS

Institute for African Studies is 65 Years Old (In Russian)	5
Vasiliev A.M. Africa: New Cracks in the System of Neocolonialism	7
Streltsov D.V. The Political Crisis in Japan in 2023–2024: Has an Escape Taken Place?	14
Izotov D.A. (Khabarovsk). China's Foreign Trade: The Role of Foreign and Domestic Sectors	24
Vakhrushin I.V. Beijing Stock Exchange: Results of Two Years Operation, Challenges and Prospects	33
Glukhov Ya.A. Tanzania's Economic Growth Prospects through EAC and SADC Membership	42
<i>Clean Water and Africa</i>	
Denisova T.S., Kostelyanets S.V. The "Water Problem" in the Congo River Basin	49
Shubin V.G. Water Crisis in South Africa	58
Konstantinova O.V. On the Problem of Access to Clean Water in Africa	65

SCIENTIFIC LIFE

Badmaev V.N. (Ulan-Ude). "An Intellectual Pilgrimage to Buddhism"	73
--	----

PAGES OF HISTORY

Zaytsev A.S. Russia – Africa: Remembering the Lessons of the Past, Pave the Way for a Future	77
New Book by Prof. Alexey Vasiliev (In Russian)	82

© Russian Academy of Sciences, 2024
© Editorial board of «Asia & Africa today» (compiler), 2024

The authors opinions may not coincide with position
of the Editorial.

Included in RSCI (Russian Science Citation Index).

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian
Federation
Tel.: **+7 495-697-95-66**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Website: **www.asaf-today.ru**

Институту Африки РАН – 65 лет

30 октября 2024 г. состоялось празднование 65-летия Института Африки Российской академии наук.

Мероприятие открыли выступления директора Института Африки РАН, члена Президиума РАН, члена-корреспондента РАН, д.э.н., профессора **И.О.Абрамовой** и почетного президента Института Африки РАН, академика РАН, д.и.н., профессора **А.М.Васильева**.

И.О. Абрамова

А.М. Васильев

М.Л. Богданов

С приветственными словами к собравшимся обратились специальный представитель Президента России по Ближнему Востоку и странам Африки, заместитель Министра иностранных дел Российской Федерации **М.Л.Богданов**, заместитель начальника Управления Президента Российской Федерации по внешней политике **Ф.Г.Ильичев**, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации **Н.В.Новичков**, академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений, член Президиума РАН, академик РАН, президент ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, д.э.н., профессор **А.А.Дынкин**, Посол Республики Сьерра-Леоне в Российской Федерации г. **М.Йонгаво**, Директор Департамента международного сотрудничества Министерства науки и высшего образования Российской Федерации **К.О.Тринченко**, Посол Республики Экваториальная Гвинея в Российской Федерации г. **Л.Н.Ндонг Айекаба**, директор Департамента стран Азии, Африки, Латинской Америки Министерства промышленности и торговли Российской Федерации **С.С.Носов**, директор Департамента развития двустороннего сотрудничества Минэкономразвития Российской Федерации **П.А.Калмычек**.

В рамках торжественного заседания было зачитано поздравление начальника Управления Президента Российской Федерации по внешней политике **И.С.Неверова**. В адрес Института Африки РАН также поступили поздравления от председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации **В.В.Володина**, председателя Комитета Совета Федерации по международным делам **Г.Б.Карасина**, вице-президента РАН, председателя ВАК, академика РАН, д.ф.-м.н., профессора

В.Я.Панченко, научного руководителя Института востоковедения РАН, академика РАН, д.и.н., профессора **В.В.Наумкина** и директора Института востоковедения РАН, д.и.н. **А.К.Аликберова**, депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации **А.Е.Глазковой**.

С докладом на тему «Институт Африки – моя жизнь, моя судьба» выступила к.и.н., с.н.с. Центра социологических и политологических исследований, руководитель Группы гендерных исследований Института Африки РАН **Н.А.Ксенофонтова**, работающая в Институте Африки РАН с 1966 г. В своем выступлении **Н.А.Ксенофонтова** вспомнила яркие страницы истории Института и его выдающихся сотрудников.

А.В. Кузнецов

С поздравительными словами также выступили д.и.н., г.н.с. Центра изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки Института Африки РАН **А.Ю.Урнов**, Посол Алжирской Народной Демократической Республики в Российской Федерации г. **Б.Геннад**, директор ИНИОН РАН, член-корреспондент РАН, д.э.н. **А.В.Кузнецов**, директор Института Латинской Америки РАН, к.и.н. **Д.М.Розенталь**, заместитель директора по научной работе Института всеобщей истории РАН, д.и.н., профессор **В.С.Мирзеханов**, заместитель директора по научной работе Института Европы РАН, д.полит.н. **Р.Н.Лункин**, директор Института международных исследований МГИМО МИД России, к.полит.н., доцент **М.А.Сучков**, заведующий кафедрой международных экономических отношений Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор **В.А.Мельянцева**.

В выступлениях и поздравительных адресах отмечалась важная роль Института Африки в формировании и реализации экономической и политической стратегии СССР/России на африканском направлении (включая активное участие в организации саммитов Россия – Африка в 2019 и 2023 гг.), вклад сотрудников Института в изучение стран Африки. Отмечены плодотворные и устойчивые связи Института с другими научно-исследовательскими организациями, органами власти, общественными объединениями и деловым сообществом как в нашей стране, так и в Африке.

Г.К. Сугаков,
м.н.с. Центра глобальных и стратегических
исследований Института Африки РАН

Африка: новые трещины в системе неокOLONиализма

© Васильев А.М.^{a,b}, 2024^a Институт Африки РАН, Москва, Россия^b НИУ ВШЭ, Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-1216-1509; dir@inafr.ru

Резюме. Кризис неокOLONиализма в Африке проявляется в различных формах. За последние годы стала рушиться вся система «Франсафрик», на основе которой существовала почти 60 лет французская неокOLONиальная империя на континенте. Автор анализирует составные части этой системы: военно-политический, финансовый контроль Парижа в прежних колониальных владениях, прямое военное вмешательство в события, использование «мягкой силы» в виде Международной организации Франкофонии.

Ухудшение безопасности, разложение профранцузских коррумпированных элит, массовое недовольство населения породило несколько государственных переворотов в Мали, Буркина-Фасо, Нигере, поддержанных антифранцузски настроенным большинством. Новые руководители ищут и находят поддержку России в деле укрепления безопасности, суверенитета государств, экономического развития, независимости их внешней политики. Приводятся примеры военно-политического сотрудничества РФ с Центральноафриканской Республикой и другими странами.

Борьба африканцев за свое будущее вызывает сопротивление стран Запада, заинтересованных в неокOLONиальной эксплуатации континента.

Ключевые слова: Африка, Франция, «Франсафрик», Франкофония, неокOLONиализм, госперевороты, военное вмешательство, безопасность, суверенитет, Россия

Благодарность. Работа выполнена в рамках гранта РНФ № 24-18-00650 «Социально-политическое развитие стран Африки южнее Сахары в контексте внешнеполитических интересов России».

Для цитирования: Васильев А.М. Африка: новые трещины в системе неокOLONиализма. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 12. С. 7–13. DOI: 10.31857/S0321507524120017

Africa: New Cracks in the System of Neocolonialism

© Alexey M. Vasiliev^{a,b}, 2024^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia^b HSE University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-1216-1509; dir@inafr.ru

Abstract. The crisis of neocolonial system in Africa has lately been shown by disintegration of “Françafrique” or the French neocolonial empire in the continent existing for about 60 years. The author is analyzing its political-military component, direct military intervention and use of the “soft power” such as the International Organization of La Francophonie. Rejection of this system, absence of security, corruption of the pro-French elites have produced a series of coups d’état in Mali, Burkina Faso, Niger supported by the majority of population with its anti-French feelings.

The new leaders are seeking and finding an alternative cooperation with Russia to strengthen the security, national sovereignty and economic development of their countries. There are examples of the military and political cooperation of Russia with the Central African Republic and other states.

This course meets countermeasures of the West which is interested to keep on its neocolonial exploitation of the continent.

Keywords: Africa, France, “Françafrique”, Francophonie, coups d’état, military intervention, neocolonialism, security, national sovereignty, Russia

For citation: Vasiliev A.M. Africa: New Cracks in the System of Neocolonialism. *Asia and Africa today*. 2024. № 12. Pp. 7–13. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507524120017

ВВЕДЕНИЕ

Государственные перевороты в Мали (2020 и 2021 гг.), Буркина-Фасо (2022), Нигере и Габоне (2023) до основания потрясли неокOLONиальную французскую империю в Африке (см.: [2–6]). Особенно болезненно в Париже был воспринят переворот в Нигере, где новые власти разорвали военно-политическое соглашение с Парижем, потребовали ликвидировать французскую военную базу и вывести военный контингент – 1300 военнослужащих, прекратили экспорт урана во Францию, который покрывал примерно 15% потребностей французской атомной энергетики. Через несколько месяцев была закрыта и американская военная база и выведены американские военнослужащие.

Попытки организовать военную интервенцию ряда стран Западной Африки в Нигер столкнулись с их нежеланием применять военную силу против соседнего государства, в поддержку которого выступили Мали и Буркина-Фасо, заключившие тройственный военный союз с Нигером. Эти три страны с общим населением более 60 млн человек заявили о переориентации военного сотрудничества на Россию, как это прежде сделала Центральнаяафриканская Республика.

События в странах Западной и Центральной Африки привлекли внимание не только российских СМИ, но и академических исследователей. Институт Европы РАН опубликовал аналитический сборник, подготовленный Центром французских исследований ИЕ РАН, «Африканский вектор внешней политики Франции: трудное расставание с “Франсафрик”», который содержит взгляды ведущих отечественных специалистов по внутренней ситуации во Франции и Европейском союзе (см.: [1]). Среди других работ выделяется труд В.Р.Филиппова «Африканская политика президента Франции Э. Макрона» (см.: [2]). Стоит учитывать и материалы из журнала «Азия и Африка сегодня».

ПРИЧИНЫ И ЗАДАЧИ ПОЯВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ «ФРАНСАФРИК»

Франция потерпела поражение в Индокитае в 1954 г., признав независимость Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Крахом закончилась тройственная агрессия против Египта в 1956 г., в которой Франция воевала не только за свержение националистического режима Гамаль Абдель Насера, но и за сохранение своей империи в Африке, за возможность стать победителем в войне против восставшего Алжира.

Идея «Франсафрик», т.е. неокOLONиальной империи в Африке, принадлежит генералу де Голлю, который в очередной раз стал президентом в 1968 г. Убежденный националист, считавший, что величие Франции лежит в сохранении империи, был одновременно и стратегом крупного масштаба, и реалистом. Он понял неизбежность крушения прежней колониальной системы и принял идею «Франсафрик» – предоставить «независимость» африканским колониям Франции, на деле сохранить над ними ее военно-политический и экономический контроль.

««Франсафрик» представляла собой сеть неформальных связей между политическими, финансовыми, военными и дипломатическими деятелями Франции и африканских государств, – пишет В.И.Сальников, один из авторов упомянутого выше сборника ИЕ РАН. – Шла подготовка военных и гражданских кадров, способствующих сохранению зависимости бывших колоний от своей метрополии. Поощрение коррупции, тайные сделки, закулисные договоренности, подкуп государственных деятелей, политические убийства, организация военных мятежей и прямое вооруженное вмешательство – все это стало привычным инструментом французской политики на Африканском континенте. Широко использовался военный корпоративизм и частные связи между французской армией и рядом военных руководителей африканских государств, которых часто приводили к власти при помощи французских спецслужб. Париж навязал бывшим колониям серию военных соглашений, большей частью секретных. Иногда использовалась и военная сила» [1, с. 29].

На первом этапе политики «Франсафрик» во многих странах пришла к власти профранцузски настроенная культурная элита. Это обеспечивало доминирование Франции в образовании, здравоохранении, культуре и науке. В бывших колониях тогда находилось почти 20 тыс. преподавателей, экспертов-специалистов с высокими зарплатами [1, с. 17]. Они и демонстрировали присутствие и «величие» Франции в Африке.

Будущий президент Франции, а тогда еще министр юстиции Франсуа Миттеран писал: «Без Африки не будет истории Франции в XXI веке» [2, с. 183].

Орудием «мягкой силы» в рамках «Франсафрик» стала Международная организация Франкофонии, которая «помогала» в сотрудничестве государств, объединенных французским языком.

Во Франкофонию входят 54 полноправных члена, 7 ассоциированных и 27 государств со статусом наблюдателей. В 32 из этих государств французский имеет статус официального или второго официального языка. Организация Франкофонии охватывает более 300 млн человек, большинство из которых живет в Африке. Цифры эти условны, но несомненно, что французский язык преподается, затем используется в государственном аппарате и других службах не только в бывших колониях, но, в частности, и в огромной Демократической Республике Конго, где сейчас примерно 130 млн жителей, – бывшем Бельгийском Конго. В некоторых случаях Франкофония теряет позиции перед английским языком¹ и американским влиянием, поэтому США и Великобритания у французской политической элиты по-прежнему пользуются определенным недоверием.

Основой валютной системы, привязавшей экономику бывших колоний к метрополии, стал франк КФА (*CFA*) – аббревиатура, отражавшая слова «французские колонии в Африке». Франк КФА используется в 14 государствах Западной и Центральной Африки. Он обменивался по твердому курсу французским франком, а позднее – евро. Со временем смысл этой уничижительной аббревиатуры изменился (*CFA* стала означать «финансовое сообщество Африки»), но суть использования этой валюты осталась прежней.

Устойчивый обменный курс КФА на твердую валюту обеспечивал возможность обменивать на евро местную валюту, а крупные суммы в случае необходимости выводить за рубеж. Это обеспечивало местным предпринимателям и филиалам французских компаний возможность переводить легальные и коррупционные прибыли в евро. Никакую девальвацию в целях улучшения торговых позиций провести было невозможно. Местные товары становятся убыточными, дорогими, а самые прибыльные товары – это сырье. КФА обеспечивал доступ французских фирм к добыче и использованию сырья. Мало того, в руках французских компаний оказались железные дороги, порты, авиация, телекоммуникации, грузовые перевозки. Импорт был по курсу валют дешевле и убивал местное производство. Экспорт приходился на нефть, уран, алмазы, золото, которые вывозились по заниженным ценам.

Торговля нефтью и оружием по заниженным ценам составляла реальный доход французских спецслужб и, очевидно, конкретных политических деятелей и Африки, и Франции. Это сопровождалось коррупцией африканской элиты – покупкой недвижимости во Франции на десятки, а иногда сотни миллионов долларов [2, с. 106–109].

Валютные резервы 14 стран хранятся в Париже под французские гарантии. В любой момент доступ к ним мог быть только на 30% общей суммы. Большая сумма выделялась из этих же денег только под коммерческий процент.

Несправедливость ситуации была очевидной. Но лишь Гвинея и Мавритания стали печатать собственные деньги. Две другие страны – бывшая португальская Гвинея-Бисау и Испанская Экваториальная Гвинея присоединились к «западной зоне КФА» вместо выбывших стран.

Во второй половине XX в. как минимум три национальных лидера, которые публично отказались или обещали отказаться от франка КФА, закончили жизнь или под пулями путчистов, или в тюрьме. Президент Того Сильванус Олимпио был арестован и расстрелян в 1963 г. Президент Мали Модибо Кейта в 1962 г. заменил франк КФА на собственные малийские франки, начал тесно сотрудничать с СССР, объявив себя «марксистом-ленинцем». Под ударами извне экономика страны была разрушена, Кейта был свергнут в 1968 г., брошен в тюрьму, из которой не вышел. КФА был восстановлен в Мали. Президент Буркина-Фасо Томас Санкара, известный как «африканский Че Гевара», в 1988 г. был убит путчистами за два дня до того, как должен был начать выпускать собственную валюту [2, с. 60].

Ситуация настолько ясная, что несправедливость ее понятна многим африканским деятелям. Задача создания собственных валют была намечена уже в 2019 г., но отложена из-за пандемии *COVID-19*.

«ФРАНСАФРИК» ПОД ВОПРОСОМ

Понимание контрпродуктивности использования военного вмешательства приходило постепенно, но пока что развал СССР как бы развязал Франции руки для действий на континенте в роли жандарма.

¹ Так, в Руанде с 2008 г. английский язык стал официальным наряду с киньяруанда, французским и суахили (*прим. ред.*).

Это открыто проявилось уже в ходе «арабской весны», когда Франция стала одним из инициаторов вмешательства НАТО в гражданскую войну в Ливии, что привело к развалу этой страны и «расползанию» ливийского оружия и джихадистов по всей зоне Сахеля.

Формально по просьбе профранцузских властей Мали Франция в 2013 г. решилась на военную операцию «Серваль» якобы для того, чтобы расправиться с джихадистами и сепаратистами Северного Мали, а фактически – укрепить «свое» правительство в Бамако. Осуществлять в одиночку военное вмешательство оказалось не по силам слабеющей стране. Сепаратистское движение туарегов на Севере Мали постепенно принимало все большую исламистскую, экстремистскую окраску и распространилось гораздо шире в зоне Сахеля, захватив несколько государств.

В 2014 г. «Серваль» французы переформировали в операцию «Бархан» за счет привлечения военных из Европейского союза (подробнее см.: [3]). США предпочли не вмешиваться. Но формально пять стран «Сахельской пятерки» (Мавритания, Буркина-Фасо, Нигер, Мали, Чад) под нажимом Парижа обещали участие в военных операциях, но фактически воздержались. Разгромить вооруженную оппозицию во время операции «Бархан» или не удалось, или Франция даже не ставила такой задачи. Наоборот, джихадисты усилили свои позиции в регионе, а внутри этих стран Сахеля из-за отсутствия безопасности и продолжающихся социально-экономических проблем выросли антифранцузские настроения.

Неудача операции «Бархан», слабость и разложение профранцузских элит не были тайной для Елисейского дворца, где в 2017 г. поселился новый президент. Шквал неконтролируемой эмиграции из Африки, особенно через разрушенные границы Ливии, стал головной болью Евросоюза [2, с. 84].

В начале своего правления Э.Макрон пытался было говорить об «амбициозной французской политике», но быстро сменил акцент на «взвешенное и взаимное партнерство». Уже в первой речи в Уагадугу (Центральноафриканская Республика) он говорил о якобы общих темах для Франции и Африки: климат, международное развитие, глобальное развитие, отношения континента с Европейским союзом. Визит сопровождался волнениями и некоторыми насильственными действиями. Покровительственный высокомерный тон Макрона в ходе первого визита отталкивал собеседников [2, с. 81]. Но факт заключался в том, что вес Франции в мире падал. Ни финансовых, ни военных сил для продолжения прежней политики не было. Провалившаяся операция «Бархан» была официально завершена в 2022 г. В Мали не осталось французского военного персонала.

Невнятность французской политики в Африке определялась и внутренними противоречиями во французском обществе [1, с. 10–12]. 20% избирателей Франции – потомки иммигрантов или сами иммигранты, получившие французское гражданство, но так и не ставшие «настоящими» французами. Они в большинстве за сотрудничество их новой родины со странами своего происхождения. Но жизнь становится их со сторонниками правых позиций, которые по-прежнему считают, что Франция была «цивилизатором» в Африке и занимают до настоящего времени антииммигрантские позиции, зачастую не прикрыто окрашенные расизмом.

Разнобой наблюдается и в позициях интеллектуальной элиты. Многие ее представители реалистически оценивают колониальный период, признавая его преступность, жестокость и эгоизм. На словах они признают особую культуру, традиции, идеологию африканских стран. Идет спор об отношении к реституции культурных африканских сокровищ, награбленных колонизаторами. Некоторые французы, занимающие левые позиции, требуют не только принести колониям извинения, но и возместить ущерб за прошлое, считая, что нужно безусловно сделать реституцию африканских артефактов обязательной.

Париж никак не мог сформулировать ясные планы будущей политики в регионе. Э.Макрон в 2023 г. заявил, что Франция «завершает цикл логики силы и военного присутствия», военные базы рассматривались как «наследие прошлого». Правда, они сохранились в Сенегале, Кот-д'Ивуаре, Чаде, Габоне и Джибути.

Африка быстро менялась. Новое поколение, более образованное, открытое миру, знакомое с Интернетом, задавалось вопросом о реальном содержании политики «Франсафрик» и результатах этой политики для их стран. Они относились с подозрением к действиям французских военных и их союзников. Недоверие к французам сопровождалось отчужденностью, а затем и просто ненавистью [1, с. 27].

В Африке активизировались Турция, Саудовская Аравия, ОАЭ, Южная Корея, не говоря об Индии и Бразилии [1, с. 190]. 60-летний опыт политики «Франсафрик» подтолкнул их к поискам альтернативы для создания системы безопасности, в частности, в лице России.

РОССИЯ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В АФРИКУ

Позиция России по отношению к операциям «Серваль» и «Бархан» сначала была сдержанной. Видимо, сказывалось нежелание политического столкновения с Парижем на континенте. Еще сидело в умах воспоминание о самостоятельной политике де Голля в Европе «от Лиссабона до Владивостока», в рамках которой бывшая французская Африка отходила на второй план. Но после распада СССР Париж считал, что его руки в Африке развязаны.

Это открыто проявилось уже в ходе «арабской весны», когда Франция была одним из инициаторов вмешательства НАТО в гражданскую войну в Ливии, что привело к развалу этой страны и расползанию и ливийского оружия, и джихадистов по всей зоне Сахеля. Начиная примерно с 2014 г. и до сегодняшнего дня Париж занял проатлантическую, проамериканскую и антироссийскую позицию как в Европе, так и в целом в мире, выразил готовность участвовать в антироссийских и антикитайских действиях США в Индо-Тихоокеанском регионе, куда переместился центр мировой экономики.

В ответ Россия считала возможным оказать помощь Центральноафриканской Республике в укреплении ее суверенитета, безопасности и стабильности.

Уже в октябре 2017 г. начались активные контакты президента Центральноафриканской Республики Ф.-А.Туадеры с руководством России, включая министра иностранных дел С.В.Лаврова и президента В.В.Путина. С ведома Комитета Совета безопасности ООН в 2018 г. в ЦАР были направлены российские военные и гражданские специалисты вместе с определенным оружием и техникой. В их числе были спецподразделения по охране главы государства, в ряд российских военных вузов были приняты граждане ЦАР. На конец 2023 г. в учебных центрах страны прошли подготовку более 10 000 военнослужащих республики. Всего на 2024 г. здесь находились почти 2000 российских инструкторов [7].

Попытка развязывания гражданской войны незаконными вооруженными формированиями и попытки срыва президентских выборов были пресечены национальными вооруженными силами при поддержке российских инструкторов и военнослужащих Руанды.

Примерно по таким же схемам (но без Руанды) началось (точнее, возобновилось) военно-политическое сотрудничество РФ с Мали, Буркина-Фасо, Нигером. Шло укрепление безопасности и суверенитета африканских партнеров РФ. Это было главным содержанием политики России. Постепенно развивалось и экономическое сотрудничество. Естественно, что это сопровождалось антироссийскими залпами западных СМИ.

Обстановка в регионе существенно менялась. Это происходило в условиях общеполитической напряженности в мире. Напомним, что в 2022 г. Вашингтон принял «Стратегию национальной безопасности США»², в которой было выражено стремление сохранить «лидерство», то есть доминирование США в мире, а также и «стратегию США в странах Африки южнее Сахары»³ с упором на сотрудничество «по правилам» Запада.

Возвращение России в Африку требовало выработки определенной позиции, которая соответствовала бы общей установке внешней политики страны – сотрудничество со всеми, кто готов участвовать в создании многополярного мира, укреплять свой суверенитет и безопасность и находить пункты взаимных интересов.

В Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной в марте 2023 г. был изложен подход к сотрудничеству с Африканским континентом: «Россия солидарна с африканскими государствами в их стремлении к установлению более справедливого многополярного мира и устранению социально-экономического неравенства, усиливающегося из-за изощренной неоколониальной политики ряда развитых государств в отношении Африки. Российская Федерация намерена способствовать дальнейшему становлению Африки в качестве самобытного и влиятельного центра мирового развития, уделяя приоритетное внимание: поддержке в обеспечении суверенитета и независимости заинтересованных государств Африки, в том числе посредством оказания содействия в сферах безопасности, включая продовольственную и энергетическую безопасность, военного и военно-технического сотрудничества»⁴.

² Стратегия национальной безопасности США. 12.10.2022. [whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-...](https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-...)

³ Стратегия США в отношении стран Африки южнее Сахары. 08.09.2022. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/press-briefings/2022/08/07/background-press-call-by-senior-administration-officials-pre...>

⁴ См.: Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (accessed 12.11.2024)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В любом случае нынешние события означают конец прежней формы французского неокOLONиализма, ослабление экономических и политических позиций Парижа. Просто косметические меры сохранить нереально.

Сама Африка решительно изменилась, как изменился вес Франции в мире. Явно просматривается стремление африканских стран укрепить свой суверенитет, свою безопасность, но одновременно есть и внешняя конкуренция за позиции в Африке. Вопрос еще и в том, насколько успешно удастся африканцам решить экономические проблемы. Африка, которая в первом – втором десятилетии XXI в. развивалась быстрее, чем Европа, застопорилась во время пандемии и оказалась колоссальным должником.

Если в конце XX в. общий долг африканских стран составлял более \$250 млрд, то сейчас он превзошел уже \$1 трлн. Без экономического развития, без решения экономических и финансовых задач говорить о стабильности невозможно, но и без безопасности добиться социально-экономического благополучия тоже невозможно. С этим придется считаться не только Франции, но и США, и России, и Китаю.

Кризис неокOLONиализма, массовые народные чувства могут порождать популистские настроения лидеров. Но вопрос в том, насколько смена режимов способна обеспечить улучшение экономики и оправдать социальные надежды большинства. Люди хотят безопасности, отсутствия голода, перспектив для своих детей в смысле учебы, здравоохранения, в целом – питают надежды на лучшую жизнь. Удастся ли это осуществить в странах, которые совершенно справедливо отвергают неокOLONиализм? Успех зависит от суммы условий, которые трудно предсказать.

«НеокOLONиализм является реальностью сегодняшней Африки, которой нужна реструктуризация, чтобы начать экспорт продукции в другие страны и прекратить выпрашивать подачки, – заявил в интервью РИА «Новости» бывший президент Ганы Джон Махама (2012–2017), когда он презентовал свою книгу «Мой первый государственный переворот» в Президиуме РАН. – НеокOLONиализм – это реальность сегодняшней Африки, и наш президент Нкрума (первый президент независимой Ганы. – А. В.) предупреждал об этом. Он сказал, что, хотя мы и вышли из-под колониального господства, мы вступаем в новую эру колониализма, когда колониальная власть не приходит извне, не сидит в нашей стране, не угнетает нас и не узурпирует наш суверенитет, но существует ограничение на возможность определять ее собственные ценности и направления процветания... Мы устали быть экспортерами сырья и потребителями готовой продукции. Мы должны производить готовую продукцию и экспортировать ее в другие страны. Поэтому, пока мы не проведем реструктуризацию, Африка всегда будет находиться в бедственном положении, и нам придется ходить и выпрашивать подачки»⁵.

В странах Африканского континента есть политические деятели крупного калибра, которые могут мыслить стратегически и быть реалистами. Но в оценках будущего, то есть их успехов и неудач, необходимо учитывать противодействие могущественных сил, которые не собираются расставаться со своим неокOLONиалистическим курсом. Предстоит борьба.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Африканский вектор внешней политики Франции: трудное расставание с «Франсафрик». Институт Европы РАН. М.: Издательство «Весь мир», 2024. 40 с. ISBN 978-5-98163-212-94; 978-5-7777-0937-0
2024. African vector of foreign policy of France: Difficult parting with “Françafrique”. Moscow. 40 p. (In Russ.)
2. Филиппов В.Р. Африканская политика президента Франции Э. Макрона: хроника действий и эволюция идей (2017–2022). М.: ИАФР РАН, 2023. 214 с.
Filippov V.R. 2023. African policy of E. Macron: Chronicle of Actions and Evolution of Ideas (2017–2022). Moscow. 214 p. (In Russ.)
3. Филиппов В.Р. Операция «Бархан»: бесславное завершение? *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 1. С. 40–47. DOI: 10.31857/S032150750018297-8
Filippov V.R. 2022. Operation “Barkhan”: An inglorious end? *Asia and Africa today*. № 1. Pp. 40–47. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750018297-8
4. Филиппов В.Р. Буркина Фасо: путч 2022 года. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 7. С. 40–47. DOI: 10.31857/S032150750020974-3

⁵ РИА «Новости», 14.06.2024.

- Filippov V.R. 2022. Burkina Faso: Putsch 2022. *Asia and Africa today*. № 7. Pp. 40–47. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750020974-3
5. Филиппов В.Р. Африканская политика Франции в 2017–2023 годах. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 5. С. 65–73. DOI: 10.31857/S032150750025686-6
- Filippov V.R. 2023. The African policy of France in 2017–2023. *Asia and Africa today*. 2023. № 5. Pp. 65–73. DOI: 10.31857/S032150750025686-6
6. Филиппов В.Р. Габон: путч 2023 года в контексте постколониальной истории. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 11. С. 23–30. DOI: 10.31857/S0321507524110033
- Filippov V.R. 2024. Gabon: The 2023 Coup in the Context of Postcolonial History. *Asia and Africa today*. 2024. № 11. Pp. 23–30. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507524110033
7. Хромов А.О., Накунне Яндоко Д.Н. (ЦАР). Центральнаяафриканская Республика и Российская Федерация: проблемы военно-экономического сотрудничества. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 9. С. 5–11. DOI: 10.31857/S0321507524090012
- Khromov A.O., Nakunne Yandoko J.N. (CAR). The Central African Republic and the Russian Federation: Problems of Military-Economic Cooperation. *Asia and Africa today*. 2024. № 9. Pp. 5–11. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507524090012

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Васильев Алексей Михайлович, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, почетный президент Института Африки РАН; профессор-консультант кафедры востоковедения и африканистики РУДН; главный редактор журнала «Азия и Африка сегодня», Москва, Россия.

Alexey M. Vasiliev, member, Russian Academy of Sciences, Dr.Sc. (History), Professor; Honorary President, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Consulting Professor, Center of Oriental and African Studies, RUDN University; Editor-in-Chief, “Asia and Africa today” journal, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 16.11.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 18.11.2024

Принята к публикации
(Accepted) 20.11.2024

Политический кризис в Японии 2023–2024 гг.: состоялся ли выход?

© Стрельцов Д.В.^{a,b}, 2024

^a МГИМО Университет, Москва, Россия

^b Институт Китая и современной Азии РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-7177-2831; d.streltsov@inno.mgimo.ru

Резюме. В создавшихся к лету 2024 г. условиях Либерально-демократическая партия Японии столкнулась с тремя острейшими вызовами, требующими, по мнению автора, незамедлительного ответа.

Во-первых, это кризис традиционной системы управления партией на основе межфракционного баланса, обострившийся на фоне скандала со злоупотреблениями политическими фондами. Во-вторых, это ослабление электоральных позиций партнера ЛДП по правящей коалиции партии «Комэйто», происходящее по мере постарения её сторонников из буддистской секты Сока гаккай. В-третьих, это усиливающаяся конкуренция со стороны оппозиционного лагеря, связанная с разочарованием в ЛДП со стороны критически мыслящих избирателей.

Несмотря на существенные электоральные успехи на выборах в палату представителей в октябре 2024 г., оппозиция остается разрозненной и неспособной объединиться между собой и сформировать коалиционное правительство. Основная проблема для Конституционно-демократической партии, которая в центр своей политической программы ставит вопросы внешней политики и безопасности, по мнению автора, заключается в её чрезмерной заикленности на критике правительства и поиске путей координации с другими партиями «против ЛДП», неспособности выдвинуть новое поколение лидеров, а также альтернативную ЛДП позитивную повестку в социальной и экономической сфере.

Ключевые слова: Либерально-демократическая партия, скандал с политическими фондами, роспуск фракций, Комэйто, Партия обновления, Конституционно-демократическая партия, «плавающие голоса», конституционный вопрос, смена власти

Для цитирования: Стрельцов Д.В. Политический кризис в Японии 2023–2024 гг.: состоялся ли выход? *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 12. С. 14–23. DOI: 10.31857/S0321507524120022

The Political Crisis in Japan in 2023–2024: Has an Escape Taken Place?

© Dmitry V. Streltsov^{a,b}, 2024

^a MGIMO-University, Moscow, Russia

^b Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences
ORCID ID: 0000-0001-7177-2831; d.streltsov@inno.mgimo.ru

Abstract. In summer of 2024, the Liberal Democratic Party of Japan faced three acute challenges requiring an immediate response. Firstly, it is a crisis of the traditional party management system based on inter-factional balance, which has sharpened amid the scandal around the abuse of political funds. Secondly, it is the weakening of the electoral positions of Komeito, LDP's partner in the ruling coalition, which proceeds along with aging of its supporters from the Buddhist sect Soka Gakkai. Thirdly, it is the increasing competition from the opposition camp, developing with disillusionment with the LDP from the critically minded voters.

Despite significant electoral successes in the general elections of October 2024, the opposition remains fragmented and unable to form a coalition government. The main problem for the Constitutional Democratic Party, which puts foreign policy and security issues in the center of its political program, according to the author, is its excessive fixation on criticizing the government and finding ways to coordinate with other parties “against the LDP”, its inability to nominate a new generation of leaders, as well as to put forward a positive agenda in the social and economic spheres alternative to the LDP.

Keywords: Liberal Democratic Party, political funds scandal, dissolution of factions, Komeito, Japan Innovation Party, Constitutional Democratic Party, “floating votes”, constitutional issue, change of power

For citation: Streltsov D.V. The Political Crisis in Japan in 2023–2024: Has an Escape Taken Place? *Asia and Africa today*. 2024. № 12. Pp. 14–23. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507524120022

ВВЕДЕНИЕ

В декабре 2023 г. правящая Либерально-демократическая партия Японии оказалась в центре мощнейшего скандала в связи со злоупотреблениями политическими фондами. Скандал привел к беспрецедентному падению общественного доверия как к администрации Фумио Кисиды, так и к ЛДП в целом и вызвал острый кризис системы политической власти в стране. В создавшихся к лету 2024 г. условиях ЛДП столкнулась с тремя острейшими вызовами: 1) кризис традиционной системы управления партией; 2) угрозы для единства правящей коалиции ЛДП и Комэйто; 3) вызовы для ЛДП со стороны оппозиционного лагеря.

Цель статьи – проанализировать ход политических процессов в 2024 г., вскрыть причины кризиса системы власти ЛДП, наметившегося после скандала, показать особенности внутрипартийной ситуации в условиях распада традиционной фракционной системы, обрисовать положение в оппозиционном лагере и попытаться дать прогнозную оценку дальнейшего политического развития.

ВНУТРИПАРТИЙНЫЙ КРИЗИС В ЛДП

В ЛДП традиционно существует практика сбора политических пожертвований с помощью т.н. политических вечеров – публичных выступлений депутатов, билеты на посещение которых стоят в среднем 30 тыс. иен (около \$200). Собранные средства направляются на нужды их политической деятельности. Как правило, вечера проходят при организационной поддержке партийных фракций, руководители которых нередко выступают на них в качестве ведущих, показывая свое расположение тому или иному депутату. Как правило, на конкретный вечер устанавливается количественная квота на продажу билетов в зависимости от парламентского стажа депутата, причем, если квота превышена, дополнительная прибыль может быть передана как самому депутату, так и фракции.

Законодательство, регулирующее политические пожертвования, требовало от организаторов вечеров (личных финансовых структур депутатов) детализированного декларирования всех доходов, включая информацию о любых покупках билетов на сумму более 200 тыс. иен (около \$1330) в год. Если взнос физического лица – посетителя политического вечера превышал эту сумму, в отчет требовалось вносить его имя, адрес и род занятий [1].

В конце 2023 г. были обнародованы сведения о том, что 85 законодателей от ЛДП были уличены в практике, заключающейся в занижении декларируемых доходов от продажи билетов и переводе незарегистрированной прибыли в специальные фонды, игравшие по сути роль «финансовых прачечных». Полученные средства затем «откатывались» законодателям без какого-либо декларирования¹.

Эта полукриминальная практика была связана с прочными традициями в ЛДП. Один из бывших функционеров, работавших в течение 30 лет на депутата от фракции Абэ, оценил её как «неизбежную реальность»: политикам приходится оплачивать банкеты и автобусные туры для влиятельных сторонников из их избирательных округов, что выходит за рамки Закона о выборах общественных должностных лиц и оценивается оппозицией как форма незаконного подкупа избирателей [1].

По оценкам прокуратуры, ЛДП за пятилетний период с 2018 по 2022 г. не задекларировала по меньшей мере 970 млн иен (около \$6,5 млн), причем основным их получателем были члены крупнейшей в партии фракции бывшего премьер-министра Синдзо Абэ [1].

В январе 2024 г. прокуратура предъявила обвинения 10 лицам, в т.ч. действующим депутатам парламента, активистам и бухгалтерам из политических структур, обслуживающих фракции Абэ, Кисиды и Никая. Обвинения в числе прочего были предъявлены 3 депутатам парламента от фракции Абэ, каждый из которых получил более 30 млн иен (\$200 тыс.) в виде незарегистрированных доходов [1]. Один из членов фракции, Ёситака Икэда, был арестован [2].

Чтобы снизить имиджевый ущерб для партии, премьер Кисида 14 декабря 2023 г. произвел перестановки в своем кабинете. Основной удар был направлен на фракцию Абэ, члены которой были исключены из правительства. 39 законодателей от ЛДП были подвергнуты различным формам наказаний, а 2 законо-

¹ Anger at party funding scandal in Japan threatens to bring down PM Kishida. *The Guardian*. 28.04.2024. <https://theguardian.com/world/2024/apr/28/anger-at-party-funding-scandal-in-japan-threatens-to-bring-down-pm-kishida> (accessed 04.08.2024)

дателя были вынуждены покинуть партию². Однако сам Кисида избежал санкций, несмотря на всплывшие доказательства того, что его собственная фракция также занижала данные о продажах билетов³.

Кисида объявил о создании рабочей группы в составе 38 членов руководства ЛДП, призванной разработать проект политической реформы. Однако объективность решений группы с самого начала была поставлена под сомнение, поскольку в нее вошли 10 членов фракции Абэ, 9 из которых получали незадекларированные доходы [1].

В партии развернулась дискуссия по вопросу о том, что делать с фракциями, которые, как считается, несут основную ответственность за нарушение закона о регулировании политических фондов, и каким образом следует изменить правила, связанные с политическим финансированием⁴. Бывший премьер-министр Ёсихидэ Суга, не входящий ни в одну из фракций, выступил с публичным призывом их роспуска, в то время как некоторые лидеры собственных фракций, включая заместителя председателя партии Таро Асо и действующего генерального секретаря ЛДП Тосимицу Мотэги, резко выступили против этого шага. Асо назвал предложения Кисиды попыткой сосредоточить власть и политическое финансирование в руках премьер-министра [2].

В ответ Кисида, возглавлявший собственную фракцию «Котикай», объявил о её роспуске и предоставил другим фракциям право самостоятельно решать свою судьбу. Фракции Абэ и Никая последовали примеру «Котикай» и объявили о самороспуске, тогда как фракции Асо и Мотэги заявили о продолжении своей деятельности.

В мае 2024 г. ЛДП опубликовала проект политической реформы, предусматривающий меры по ужесточению регулирования политических фондов, и прежде всего порядка финансовой отчетности в отношении политических вечеров. Было предложено сократить вдвое минимальный порог для отчетности о продажах билетов на мероприятия по сбору средств – до 100 тыс. иен (\$640). Предложения ЛДП, впрочем, не получили одобрения со стороны партнера ЛДП по правящей коалиции – партии «Комэйто», которая выступила за снижение этой планки до 50 тыс. иен (ок. \$315)⁵. В конечном счете предложения Комэйто были учтены в обновленном законе, принятом голосами правящей коалиции в июне 2024 г.⁶

Для Кисиды скандал обернулся ухудшением отношений с некоторыми членами руководства правящей партии. Бывший премьер-министр Ёсихидэ Суга, который считался сторонником Кисиды после своей отставки с поста главы кабинета, по сообщениям СМИ, был разочарован тем, что Кисида не покинул свою фракцию, когда стал премьер-министром, т.к. это в его глазах означало его приоритетную лояльность своей внутрипартийной группе, а не партии в целом. Другой тяжеловес – бывший премьер-министр Таро Асо, заместитель председателя ЛДП и глава её крупной фракции, был недоволен тем, как Кисида отреагировал на скандал с политическими фондами.

По мнению Асо и некоторых других партийных лидеров, Кисида совершил непростительную ошибку, когда распустил собственную фракцию, вынудив других фракционных лидеров последовать его примеру. Поскольку Асо отказался это сделать, он в глазах общественного мнения обрел неприглядный образ «политика старого образца». Кроме того, Кисида действовал против правил, когда своим единоличным решением пришел к компромиссу с другими партиями относительно двукратного по сравнению с первоначальным проектом снижения порога для отчетности по политическим вечерам, пойдя против мнения Асо⁷. Асо публично выразил недовольство пересмотренным законом о политических фондах, заявив, что он «оставит серьезные проблемы на будущее», затруднив сбор средств начинающим политикам⁸.

² LDP punishes 39 members over funds scandal, urging 2 to leave party. *Kyodo news*. 04.04.2024. <https://english.kyodonews.net/news/2024/04/2f64a9685c68-ldp-to-punish-39-members-over-funds-scandal-urge-2-to-leave-party.html> (accessed 04.08.2024)

³ Anger at party funding scandal in Japan...

⁴ Dissolving factions becomes focus of LDP funding scandal task force. *The Japan Times*. 17.01.2024. <https://www.japantimes.co.jp/news/2024/01/17/japan/politics/ldp-faction-debate/> (accessed 04.08.2024)

⁵ LDP submits its own proposal to revise political funds law. *The Japan Times*. 17.05.2024. <https://www.japantimes.co.jp/news/2024/05/17/japan/politics/ldp-submits-bill/> (accessed 04.08.2024)

⁶ Editorial: Japan's revised political funds law a stopgap that mocks public trust. *The Mainichi*. 20.06.2024. <https://mainichi.jp/english/articles/20240620/p2a/00m/0op/013000c> (accessed 23.07.2024)

⁷ Kishida fights for his political life. *The Japan Times*. 05.07.2024 <https://www.japantimes.co.jp/editorials/2024/07/05/fumio-kishida-prime-minister-survival/> (accessed 04.08.2024)

⁸ Japan's revised political funds law a stopgap that mocks public trust. *The Mainichi*. 20.06.2024. <https://mainichi.jp/english/articles/20240620/p2a/00m/0op/013000c> (accessed 23.07.2024)

Кисида оказался в сложном положении. С одной стороны, ему приходилось учитывать позицию «старой гвардии» ЛДП, недовольной чрезмерным радикализмом предложенных реформ, тем более что пост премьер-министра помогли ему занять именно партийные тяжеловесы из её числа, включая Асо и Мотэги. С другой стороны, Кисида не мог игнорировать общественный запрос на проведение радикальной политической реформы. К тому же депутаты из фракции самого Кисиды оказались вовлеченными в скандал, что бросало тень на главу кабинета и заставляло его действовать более решительно, чтобы отмежеваться от имиджа «потакателя» коррупции.

ПРОБЛЕМЫ В ПРАВЯЩЕЙ КОАЛИЦИИ

Серьезный вызов для ЛДП связан с усилившейся нестабильностью внутри правящей коалиции, в рамках которой ЛДП блокируется с партией «Комэйто». Эта партия опирается на поддержку необуддистской секты Сока гаккай, т.е. религиозной организации.

В Японии государство по Конституции отделено от религии, и Комэйто позиционирует себя как светскую партию, не имеющую с религией никакой связи. Однако в реальности без Сока гаккай, очевидно, эта партия не состоялась бы в политике, а без помощи Комэйто ЛДП было бы гораздо труднее удерживать власть.

Для сложившейся в Японии системы власти особые отношения правящей партии с религиозными движениями и связанными с ними организациями были крайне важны на протяжении всего послевоенного периода. Например, одной из мощнейших религиозных организаций, обеспечивающих эффективную мобилизацию голосов избирателей в пользу ЛДП, является *Дзиндзя хонтё* (Ассоциация синтоистских святилищ).

Еще одну грань данной проблемы высветило убийство Синдзо Абэ накануне выборов в палату советников в июле 2022 г. Его мотивом стала личная неприязнь убийцы к Церкви объединения, штаб-квартира которой находится в Южной Корее. В японских СМИ были обнародованы свидетельства жестокого обращения Церкви с женщинами и финансовых домогательств к её адептам, вызывавшие гнев японской общественности. В ходе расследования выяснилось, что консервативные политики не брезгуют «услугами» адептов этой организации в деле ведения предвыборных кампаний.

Правительство Кисиды приняло меры для подавления общественного недовольства и лишило Церковь статуса религиозной организации, мотивировав это недопустимостью вмешательства религии в политическую сферу. Однако такое решение создало напряженность внутри двухпартийной коалиции, т.к. Комэйто стала не без оснований опасаться применения этого же правила в отношении своей материнской организации.

Проблемы во взаимоотношениях партнеров по коалиции обсуждаются уже достаточно давно. С одной стороны, ЛДП по-прежнему зависит от электоральной поддержки Комэйто. Сока гаккай, объединяя около 8 млн домохозяйств по всей стране, обладает уникальным электоральным ресурсом, особенно с учетом того, что от 40 до 50% японских избирателей не проявляют приверженности какой-то одной партии⁹. Особенно сильно ЛДП зависит от поддержки Комэйто в одномандатных округах: в палате представителей летом 2024 г. насчитывалось 57 членов ЛДП, которые победили на последних всеобщих выборах в таких округах с отрывом менее 20 тыс. голосов. А ведь именно таким количеством «послушных» избирателей из числа адептов Сока гаккай, голосующих по команде за ЛДП, обладает в среднем в каждом мажоритарном округе Комэйто. Таким образом, без поддержки Комэйто представительство ЛДП в парламенте, очевидно, было бы гораздо менее внушительным.

Для самой Комэйто союз с ЛДП позволяет использовать свое положение части правящей коалиции для реализации своих предвыборных манифестов и, соответственно, укрепления своего авторитета среди электората. Кроме того, Комэйто защищает Сока гаккай от обременительного регулирования, а выход из правящей коалиции может поставить под угрозу её налоговые привилегии как религиозной организации.

Однако, с другой стороны, роль Комэйто как партнера ЛДП постепенно слабеет, что связано с старением её электората и соответствующим ослаблением потенциала электоральной мобилизации.

⁹ Challenges mount for Komeito amid rift with LDP. *The Japan Times*. 23.07.2024. <https://japantimes.co.jp/news/2024/05/23/japan/politics/where-at-komeito-now/> (accessed 04.08.2024)

Так, например, если в 2003 г. на выборах в палату представителей ей удалось мобилизовать в округах пропорционального представительства (где голосование идет за партию) более 8,7 млн голосов, то на выборах 2021 г. – только 7,1 млн¹⁰. А на выборах в палату советников в 2022 г. Комэйто получила только 6,18 млн голосов поддержки в общенациональном округе пропорционального представительства¹¹.

Элемент нестабильности вокруг Комэйто усилился также в связи со смертью в ноябре 2023 г. Дайсаку Икэды – основателя Комэйто и президента Сока гаккай, что создало неопределенность в выборе Комэйто своего дальнейшего политического пути. И даже приход в сентябре 2024 г. к руководству партии нового лидера – Кэйити Исии, занимавшего до этого пост генерального секретаря Комэйто, судя по всему, не создал ощущения обновления партийного имиджа.

К тому же свою роль играет неоднозначное отношение к Комэйто в японском обществе в целом и среди сторонников ЛДП в частности. Там достаточно силен элемент откровенной неприязни к Сока гаккай. На этом фоне многие члены руководства ЛДП выступают за отказ от электорального сотрудничества с Комэйто даже в ущерб электоральным прагматическим соображениям.

СИТУАЦИЯ В ОППОЗИЦИОННОМ ЛАГЕРЕ

Следующий вызов для ЛДП исходит от оппозиции. На правой части политического спектра находится правоконсервативная Партия обновления (Ниппон Исин-но кай – Исин), которая по многим принципиальным вопросам занимает с ЛДП похожие или одинаковые позиции. Эта партия, основанная в нынешнем виде в 2017 г., не только добилась немалых успехов в префектуральных и городских органах власти региона Кансай, но и вышла из узких рамок региональной партии на общенациональный уровень, став второй партией оппозиции. На выборах 2021 г. она в 4 раза увеличила представительство в парламенте, получив 41 мандат в нижней и 20 – в верхней палате. Из правых партий следует отметить также популистскую партию «Сансэйто», которая завоевала на выборах 2022 г. в верхнюю палату 1 депутатское место, завоевав более 2 млн голосов в префектуральных и 1,76 млн – в общенациональном избирательном округе.

Политические платформы обеих партий предусматривают масштабную децентрализацию власти и передачу полномочий регионам, «малое правительство» и дерегулирование, внедрение рыночных принципов в экономику, пересмотр ст. 9 Конституции, активное военное строительство, а также более независимую внешнюю политику и отказ от «подчинения» Японии Соединенным Штатам.

Лидеры Сансэйто опираются на традиционный «интернационалистский» дискурс о Японии как о цивилизационном мосте между Глобальным Югом и Западом и на идеи азиатского регионализма, ориентированного на Японию [2]. На сайте партии среди программных установок выделяется тезис о том, что партия, стоя на позициях «противодействия логике могущественных стран и глобалистскому тоталитаризму», будет «укреплять сотрудничество с зарубежными антиглобалистскими силами и формировать международное общественное мнение для укрепления «национального этатизма» (*кокумин коккасюги*)¹².

Платформы правых партий привлекают к себе достаточное количество избирателей с консервативными взглядами, недовольных половинчатой и непоследовательной, на их взгляд, политикой кабинетов Кисиды. Именно в эту категорию, как считают многие эксперты, переходит часть консервативных голосов избирателей, которые в 2010-е гг. поддерживали курс премьер-министра Абэ, а после его отставки разочаровались в его преемниках.

Исин «откусывает» голоса и у главной оппозиционной силы слева – Конституционно-демократической партии (КДП), которая также является для ЛДП вызовом, т.к. потенциально протестные голоса «независимых» избирателей, недовольных правящей партией, могут перейти и к ней. Однако основная проблема для КДП заключается в том, что она не может пока выйти из достаточно узкой ниши, определяемой статусом «наследницы» Демократической партии Японии, память о провальном правлении которой в 2009–2012 гг. вызывает идиосинкразию в японском обществе, и закрепиться в качестве общенациональной политической силы, способной заменить приевшуюся власть либерал-демократов.

¹⁰ Deep-seated Distrust between LDP, Komeito Breaks into the Open. *The Japan News*. 17.06.2024. <https://japannews.yomiuri.co.jp/editorial/political-pulse/20230617-116647/> (accessed 04.08.2024)

¹¹ Challenges mount for Komeito amid rift with LDP...

¹² Sanseito. The political course. The 7th pillar. (In Jap.). <https://www.sanseito.jp/hashira07/> (accessed 09.08.2024)

Имеются также идейно-политические факторы, ограничивающие электоральные перспективы для КДП. Японское общественное мнение в массе своей приемлет отказ от жестких пацифистских ограничений, имеется в обществе и близкое к консенсусному единство мнений по развитию союзнических отношений с США.

Между тем новые возможности для оппозиции кроются главным образом в привлечении дополнительных голосов из числа критически настроенных к партии власти «независимых» избирателей, которые мало что имеют против политики ЛДП по вопросам безопасности, но выступают против политической коррупции, недемократических методов партийного управления внутри ЛДП, а также нерешительности и непоследовательности курса правительства в решении социальных и экономических вопросов, т.е. в неидеологической плоскости.

Однако хотя КДП открыто не выступает против Договора безопасности с США, одним из центральных пунктов её программы с момента основания партии в 2017 г. стоят именно идеологические вопросы – защита конституции, критика политики правительства в военной сфере, отмена пакета законов о национальной безопасности 2015 г. и т.д. Очевидно, в этом кроется одна из основных причин того, что КДП не может оседлать огромный протестный потенциал, нараставший после ухода Абэ в отставку.

Наконец, проблему для КДП представляет и то, что основные силы она направляет на выискивание промахов и критику ЛДП и отдельных её представителей, а также поиски способов координации с другими партиями «против ЛДП», но не на выдвижение позитивной программы, альтернативной правительственной, и на её активную пропаганду среди избирателей.

Конечно, электоральная координация может принести победу в отдельных колеблющихся округах, но дать бой партии власти только на основе отрицательной мотивации невозможно. Кроме того, имиджевую проблему для КДП составляет и то обстоятельство, что начиная с 2017 г. в электоральном соглашении с ней участвовали коммунисты, и приход КДП к власти в глазах многих будет в числе прочего означать воцарение «красных». Это отпугивает от КДП её потенциальных избирателей, даже несмотря на то, что японские кадеты неоднократно заявляли, что не допустят формирования правительства с участием КПЯ (а коммунисты также заявляли о своем нежелании участвовать в коалиционном правительстве левых сил).

В результате КДП так и не удалось превратиться в мощную политическую силу, способную бросить реальный вызов власти ЛДП. Согласно опросам *ННК*, с момента своего основания КДП не набирала более 10% голосов, а по состоянию на апрель 2024 г. её поддерживало всего 6,5% избирателей – менее четверти уровня поддержки ЛДП¹³.

О том, что неопределившимся избирателям, не желающим отдавать свой голос за ЛДП, КДП не представляется привлекательным выбором, свидетельствуют итоги выборов губернатора Токио, прошедшие 7 июля 2024 г. Ожидаемо победила на них действующий губернатор Токио Юрико Коикэ, набравшая 42,8% голосов (она выступала как независимый политик, однако прочно ассоциируется с партией власти, из которой она вышла). Однако на 2-м месте совершенно неожиданно оказался никому особо не известный блогер из Хиросимы Синдзи Исимару, за которого проголосовали 1,6 млн токийцев, или 24,3% от общего числа принявших участие в голосовании. Кандидат от КДП Рэнхо получила лишь 18,8% голосов¹⁴.

Для КДП это был серьезный сигнал, свидетельствовавший о том, что «плавающие голоса», уставшие от правления ЛДП, не хотят её поддерживать и предпочитают любую другую альтернативу. По мнению японского политолога Т.Сакайя, те избиратели, которые отшатнулись от ЛДП из-за денежных скандалов, с большей вероятностью вернутся к поддержке ЛДП, чем будут поддерживать КДП, как только накал страстей спадет после смены премьер-министра и перетряски кабинета [3].

Одна из главных проблем японской оппозиции заключается в том, что в мажоритарных округах, где «победитель получает все», протестные голоса избирателей, которые ищут альтернативу действующей власти, неизбежно разделяются между разными оппозиционными силами, в результате чего все равно побеждает кандидат от правящей партии.

¹³ NHK Web. 8.04.2024. (In Jap.). <https://www3.nhk.or.jp/news/html/20240408/k10014415461000.html> (accessed 12.08.2024)

¹⁴ Female, older voters lift Koike to third term as Tokyo governor. *The Asahi Shimbun*. 08.07.2024. <https://www.asahi.com/ajw/articles/15336937> (accessed 16.08.2024)

Казалось бы, естественный в этих условиях для оппозиционных партий путь – формирование электоральных блоков против ЛДП, позволяющих не допустить столкновения лбами своих кандидатов, тем более что у КДП с 2017 г. на этот счет имеется позитивный опыт. Например, из 96 мест, полученных Конституционно-демократической партией на всеобщих парламентских выборах 2021 г., 57 были получены именно в мажоритарных округах¹⁵. Накануне выборов четыре партии левой и левоцентристской ориентации – КДП, СДПЯ, КПЯ и Рэйва Синсэнгуми заключили между собой электоральное соглашение, позволившее не допустить конкуренции между своими кандидатами в таких округах.

Однако тут не всё так просто. Препятствует формированию коалиций против ЛДП то обстоятельство, что каждая оппозиционная партия имеет собственную повестку дня и опасается потерять свою политическую идентичность в случае электорального блокирования.

Например, по вопросу пересмотра Конституции имеется явный водораздел между позициями Исин и Народно-демократической партии (НДП), с одной стороны, и КДП и КПЯ – с другой. Первые две партии выступают за пересмотр Основного закона, т.е. фактически поддерживают курс правительства, вторые две придерживаются пацифизма и находятся в гораздо большей оппозиции правительству¹⁶. Это обстоятельство дает пищу для сценариев, согласно которым для ЛДП будет легче переключиться на Исин и НДП, если союз с Комэйто по каким-то причинам её не устроит либо окажется недостаточным для формирования правительства [3].

К тому же нельзя не учитывать рост консервативных настроений в японском обществе. Исин, забирающая значительную часть протестных голосов, демонстративно отказывалась присоединиться к электоральной коалиции левых партий против ЛДП, предпочитая сохранять независимость и позиционируя себя как действенную альтернативу левым. Раскол оппозиции, таким образом, гальванизирует власть ЛДП даже в условиях серьезного кризиса вокруг политических фондов.

Это обстоятельство повлияло на ход выборов председателя КДП, состоявшихся 23 сентября 2024 г. Победу на них ожидаемо одержал ветеран японской политики 67-летний Ёсихико Нода, занимавший пост премьер-министра страны в 2011–2012 гг. в период власти Демократической партии. Серьезным фактором в пользу Ноды явились его умеренные взгляды и упор на «реалистичность» предвыборных обещаний: он заявил о необходимости придерживаться законодательства 2015 г. в сфере военной безопасности, об отказе от лозунгов немедленного закрытия всех АЭС и т.д. [4]. Свою роль также сыграл политический опыт Ноды, позволяющий в преддверии выборов укрепить имидж партии как выступающей за «стабильность», «преemptственность» и «верность традициям» в случае прихода к власти.

ВЫБОРЫ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ЛДП И ДОСРОЧНЫЕ ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ

На фоне разгоравшегося скандала уровень поддержки в обществе правящей партии и кабинета Кисиды продолжал стабильно падать на протяжении всей первой половины 2024 г.

Красноречивым свидетельством падения уровня поддержки ЛДП стали итоги дополнительных выборов, которые прошли в конце апреля 2024 г. в 3 одномандатных округах, где появились вакансии в связи с отставками депутатов, допустивших наиболее серьезные нарушения финансовых норм. Понимая, что у неё мало шансов на победу в условиях негативной реакции общественности, ЛДП не выдвинула своего кандидата в 2 из 3 округов, фактически уступив депутатские мандаты оппозиции еще до начала предвыборной кампании. В единственном округе, где ЛДП оставила своего кандидата – 1-м округе префектуры Симанэ – партия проиграла, получив почти на 20% голосов меньше, чем на предыдущих выборах [5]. На этом фоне Кисиде в августе 2024 г. пришлось заявить о своем решении не баллотироваться на предстоящих в сентябре выборах председателя ЛДП.

С роспуском фракций стало практически невозможно делать любые оценки потенциальных шансов того или иного политика занять высший партийный пост. Выборы председателя стали гораздо более сложными и непредсказуемыми, поскольку любые расчеты, основанные на численности фракций, теперь утратили свое значение.

¹⁵ Japan. Election results. Inter-Parliamentary Union. <https://data.ipu.org/parliament/JP/JP-LC01/election/JP-LC01-E20211031/> (accessed 20.08.2024)

¹⁶ Why is LDP rushing discussions on Japanese constitutional revision? *The Mainichi*. 04.06.2024. <https://mainichi.jp/english/articles/20240604/p2a/00m/0op/015000c> (accessed 17.08.2024)

Достаточно сказать, что с момента образования партии в 1955 г. практически все назначения на высшие партийные, парламентские и правительственные посты проводились на основе межфракционного расклада сил. В результате непубличной сделки между лидерами фракций формируются межфракционные блоки, кандидат от наиболее многочисленного из которых побеждает на выборах. При этом всегда действовали определенные правила – ротация фракций у власти, наличие внутрифракционной дисциплины, заставляющей парламентариев голосовать по команде сверху, а также пропорциональное распределение постов в партии и правительстве между фракциями «основного течения» после их победы.

Теперь же, когда фракции исчезли, наиболее значимыми факторами для победы стала не принадлежность к определенной фракции, а такие вещи, как имиджевые соображения, связанные с личной харизмой кандидата и его умением самостоятельно апеллировать к партийным низам, авторитет того или иного политика среди избирателей и его способность эффективно использовать социальные сети для раскрутки собственного имиджа, а также личные связи кандидата в руководстве партии и его умение заручиться поддержкой партийных тяжеловесов, так как даже с роспуском фракций неформальные отношения среди бывших их членов остались достаточно прочными.

Невыразительность фракционного фактора проявила себя в том, что кандидатами стали самовыдвиженцы, которые не обязательно принадлежали к определенной фракции (чтобы выдвинуться, нужно было заручиться поддержкой 20 действующих депутатов парламента).

В качестве кандидатов на пост председателя ЛДП было зарегистрировано 9 кандидатов. Показательно, что вокруг кандидатов сформировалось 7 депутатских коалиций, во многие из которых входили депутаты противоборствовавших ранее фракций. Показательно и то, что прошедшие 27 сентября выборы принесли победу «нефракционному» С.Исибе, который распустил свою фракцию еще в 2021 г.

Вскоре после вступления 1 октября в должность, последующего избрания премьер-министром и формирования нового кабинета С.Исиба немедленно распустил нижнюю палату. Очевидно, расчет заключался в том, что японские избиратели по традиции более благосклонно отнесутся к новому, ничем не запятнанному пока руководству ЛДП и не откажут ему в электоральной поддержке. Однако эти надежды не оправдались.

На состоявшихся 27 октября внеочередных выборах в нижнюю палату ЛДП потеряла 56 мест, получив лишь 191. С учетом того, что Комэйто удалось выиграть только 24 депутатских мандата (32 до выборов), правящая коалиция с 215 местами из 465 утратила в палате представителей простое большинство.

Более 90% японцев, опрошенных после выборов информационным агентством Киодо, заявили о том, что основной причиной неудачи ЛДП на выборах явился скандал с политическими фондами¹⁷. Очевидно, меры, принятые руководством ЛДП перед выборами для самоочищения¹⁸, избиратели сочли недостаточными. Масло в огонь подлила обнародованная накануне выборов газетой «Акахата» информация о том, что ЛДП предоставила средства на предвыборную кампанию местным партийным отделениям, возглавляемым депутатами, которые были замешаны в скандале и выставлялись на выборах в качестве «независимых» кандидатов¹⁹. (Речь шла о средствах из государственных дотаций парламентским партиям, т.е. о деньгах налогоплательщиков.)

Крупнейшим бенефициаром выборов стала Конституционно-демократическая партия, получившая 148 мест (ранее 98). Существенно усилила свои позиции и центристская Народно-демократическая партия (28 мест против 7 до выборов), тогда как Партия обновления (Исин) потеряла 5 мест, сохранив 39. Вопреки ожиданиям, Исин так и не удалось победить в мажоритарных округах где-либо, кроме Осаки, а Сансэйто и образованная накануне выборов Консервативная партия Японии значимых успехов не достигли. Очевидно, это явилось свидетельством о малой популярности в обществе представляемой ими праворадикальной идеологии.

¹⁷ The electoral support of Ishiba cabinet is 32%, decreasing by 18%. *Nihon keizai shimbun*. 30.10.2024. (in Jap.). <https://nikkei.com/article/DGXZQOUA301EX0Q4A031C2000000/> (accessed 19.11.2024)

¹⁸ 15 депутатов партии лишила поддержки на выборах, еще части проштрафившихся депутатов не дали возможности параллельно номинироваться в округах пропорционального представительства, что давало бы им дополнительную страховку прохождения в парламент в случае поражения в одномандатном округе (*нпум. авт.*).

¹⁹ Japan's LDP admits to funding branches led by scandal-hit members. *Kyodo news*. 24.10.2024. <https://english.kyodonews.net/news/2024/10/c35ccdbcb0c8-japans-ldp-admits-to-funding-branches-led-by-scandal-hit-members.html?phrase=nobita&words=> (accessed 28.10.2024)

В результате выборов в палате представителей возникла пестрая картина – ни одна из партий не имеет видимого большинства, хотя ЛДП остается наиболее крупной политической силой. Поскольку партии оппозиции, в отличие от предыдущих выборов, выступали разрозненно, о политической коалиции «против ЛДП», способной сметить её у власти, речи идти не может. Отказались все оппозиционные партии и вступать в коалицию с ЛДП.

В этих условиях коалиции ЛДП и Комэйто, очевидно, придется договариваться с какой-либо из центристских партий (НДП или Исин) об электоральном сотрудничестве по конкретным пунктам парламентской повестки. В результате Япония вступила в новый период политической нестабильности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С конца 2023 г. ЛДП понесла колоссальный имиджевый урон, который выразился в снижении уровня общественного доверия и ослаблении базы поддержки премьера внутри партии. Однако в Японии на фоне указанного кризиса перспектива смены власти не появляется.

Проблема злоупотребления политическими фондами, конечно, бьет по престижу ЛДП, но не ведет и к увеличению популярности «системных» партий оппозиции, а уж тем более к актуализации сценариев смены власти. Возникает резонный вопрос – почему?

Следует вспомнить, что в период «системы 1955 года»²⁰ политическое противостояние между правящей партией и оппозицией происходило по идеологическим вопросам, таким как вопросы конституции и военной безопасности. Правящая партия выступала за пересмотр ст. 9 Конституции и легализацию вооруженных сил, за активное военное строительство и развитие союзнических отношений с США в рамках военно-политического альянса, в то время как оппозиция, представленная левыми и центристскими партиями, – за сохранение пацифистских положений Конституции и сдержанность в военной сфере.

Однако в постбиполярный период вопросы военной безопасности перестали быть яблоком раздора в японском обществе. Нарастание военных угроз со стороны стран-соседей стало источником общественного консенсуса по вопросу о нереалистичности пацифистского выбора, тем более основанного на концепции «невооруженного нейтралитета». Отражением этого феномена явился, в частности, уход в небытие Социалистической партии, которая придерживалась данной концепции на протяжении нескольких десятилетий, оставаясь крупнейшей оппозиционной силой страны и набирая на выборах значительную часть голосов.

Примечательно, что проекты создания альтернативной ЛДП «второй партии», которая бы обладала достаточным потенциалом для смены власти, происходили вне рамок парадигмы безопасности. Как семипартийная коалиция, сменившая ЛДП у власти в 1993 г., так и Демократическая партия Японии (ДПЯ), победившая на выборах 2009 г., апеллировали главным образом к внутриполитической и экономической повестке, но не к теме военной безопасности или внешнеполитического выбора. Ни у Партии новых рубежей, которая мыслилась как одна из двух «системных партий» в 1990-е гг., ни у ДПЯ не было внятной внешнеполитической альтернативы курсу ЛДП.

Однако со второй половины 2010-х гг., после распада в 2017 г. ДПЯ и появления КДП, идеологический конфликт между консерваторами и «либералами» по конституционным вопросам и вопросам обороны, включая право на коллективную самооборону, вновь стал главной осью политического противостояния в парламенте.

Анализ политических процессов 2024 г. дает основание заключить, что идеологическая сфера не может стать той основой, на которой оппозиция сможет привлечь дополнительные голоса избирателей. На выборах в нижнюю палату избиратели поддержали оппозицию не по идеологическим соображениям, а, скорее, потому, что хотели продемонстрировать ЛДП свое недовольство политической коррупцией в её рядах и недостаточными мерами по её искоренению.

Чтобы составить реальную альтернативу Либерально-демократической партии, КДП и другим оппозиционным партиям требуется выдвинуть действенную альтернативу курсу правительства – реалистичную программу по вопросам социальных гарантий и трудовых прав, пенсионной реформы и медицин-

²⁰ «Система 1955 года» – политическая система в Японии в период с 1955 по 1993 г., в который ЛДП («доминантная партия») неизменно сохраняла в парламенте абсолютное большинство (*прим. авт.*).

ского обеспечения, стимулирования рождаемости, новых источников экономического роста, укрепления иены и т.д.

При сохранении же нынешней ситуации ЛДП обречена оставаться правящей партией, а противостоящие ей силы – вечной оппозицией.

REFERENCES

1. Ascione B. PM Kishida likely casualty in Japan's political slush fund scandal. *East Asia Forum*. 10.03.2024. DOI: 10.59425/eabc.1710108000. <https://eastasiaforum.org/2024/03/10/pm-kishida-likely-casualty-in-japans-political-slush-fund-scandal/> (accessed 04.08.2024)
2. Levidis A. Japan's ruling LDP at the end of postwar history. *East Asia Forum*. 22.01.2024. DOI: 10.59425/eabc.1705942800. <https://eastasiaforum.org/2024/01/22/japans-ruling-ldp-at-the-end-of-postwar-history/> (accessed 04.08.2024)
3. Sakaiya Shiro. Breaking Out of Low Approval Ratings and Destroying Each Other. *Discuss Japan*. 26.06.2024. <https://www.japanpolicyforum.jp/politics/pt2024062613032514369.html> (accessed 04.08.2024)
4. Kamata Jio. 'Realism' Looms Large Over the CDP Leadership Race. *The Diplomat*. 17.09.2024. <https://thediplomat.com/2024/09/realism-looms-large-over-the-cdp-leadership-race/> (accessed 24.09.2024)
5. Jou W. LDP by-election losses don't augur a change of government for Japan. *East Asia Forum*. 10.05.2024. <https://eastasiaforum.org/2024/05/10/ldp-by-election-losses-dont-augur-a-change-of-government-for-japan/> (accessed 04.08.2024)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Стрельцов Дмитрий Викторович, д.и.н., руководитель исследовательской лаборатории «Центр корейских, монгольских и японских исследований», МГИМО-университет; ведущий научный сотрудник Центра японских исследований, ИКСа РАН, Москва, Россия.

Dmitry V. Streltsov, Dr.Sc. (History), Head, Department of Asian and African Studies, MGIMO-University; Leading Researcher, Centre of Japanese Studies, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 25.08.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 15.10.2024

Принята к публикации
(Accepted) 19.11.2024

Внешняя торговля КНР: зарубежный и отечественный секторы экономики

© Изотов Д.А.^а, 2024

^а Институт экономических исследований,
ДВО РАН, Хабаровск, Россия
ORCID: 0000-0001-9199-6226; izotov@ecrin.ru

Резюме. Показано снижение доли зарубежного сектора во внешней торговле Китая в среднем за 2018–2023 г. Доля зарубежного сектора во внешней торговле КНР по форме собственности составляла 37% (предприятия с зарубежным капиталом), а по доле компонентов в товарах – 23% (торговля с внешней переработкой). Установлено, что доля торговли с внешней переработкой составляла менее половины товарооборота предприятий с зарубежным капиталом, продолжая при этом оставаться одним из главных источников высокотехнологичного экспорта Китая. Обнаружено, что обычная торговля стала доминирующей практически по всем товарным группам внешней торговли Китая, а её рост обеспечивался частными предприятиями отечественного сектора. Показано, что отечественный сектор КНР расширял географическую структуру экспорта и усложнял его компонентный состав.

Ключевые слова: Китай, торговля, отечественный сектор, зарубежный сектор, предприятия с иностранным капиталом, частные предприятия, государственные предприятия, торговля с внешней переработкой, обычная торговля

Для цитирования: Изотов Д.А. (Хабаровск). Внешняя торговля КНР: зарубежный и отечественный секторы экономики. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 12. С. 24–32. DOI: 10.31857/S0321507524120034

China's Foreign Trade: The Role of Foreign and Domestic Sectors

© Dmitry A. Izotov^a, 2024

^a Economic Research Institute, Far Eastern Branch,
Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia
ORCID: 0000-0001-9199-6226; izotov@ecrin.ru

Abstract. The article shows the decrease in the share of the foreign sector in China's trade turnover on average for 2018–2023. The share of Chinese foreign sector by type of enterprises (foreign-invested enterprises) was 37%, and according to the customs regimes (processing trade) – 23%. It was established that the share of processing trade was less than half of the foreign-invested enterprises trade. At the same time, the foreign sector continues to be one of the main sources of high-tech exports from China. It is shown that ordinary trade has become dominant in almost all product groups of Chinese exports, and the growth of foreign trade was ensured by private enterprises in the domestic sector of China. It is shown that the Chinese domestic sector increases the number of countries exporting its goods, while the export basket becomes more complex.

Keywords: China, trade, domestic sector, foreign sector, foreign-invested enterprises, private enterprises, state-owned enterprises, processing trade, ordinary trade

For citation: Izotov D.A. (Khabarovsk). China's Foreign Trade: The Role of Foreign and Domestic Sectors. *Asia and Africa today*. 2024. № 12. Pp. 24–32. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507524120034

ВВЕДЕНИЕ

Важным аспектом в понимании механизма взаимодействия КНР с зарубежным рынком товаров является то, что китайская экономика состоит из двух секторов – зарубежного и отечественного [1; 2]. Основу зарубежного сектора Китая формируют предприятия с иностранными инвестициями, являющиеся, как правило, структурами транснациональных корпораций (ТНК), продукция которых преимущественно направлена на экспорт. Отечественный сектор представлен частными, государственными и

прочими предприятиями, товары которых главным образом ориентированы на удовлетворение внутреннего спроса, а зарубежный рынок имеет второстепенное значение. При этом экспортируемые из Китая товары часто не являются полностью китайскими, поскольку состоят из компонентов, которые производятся в других странах [3]. Продукция, производимая предприятиями с зарубежным капиталом на основе импортных материалов, распределяется через глобальные сети и слабо связана с отечественным сектором экономики Китая.

Особенность функционирования китайской экономики с существовавшей долгое время доминантой зарубежного сектора была одним из весомых аргументов в смягчении давления на Китай со стороны США, вызванного наращиванием американской экономикой торгового дефицита с КНР. Учет специфики внешней торговли КНР с точки зрения соотношения вклада отечественного и зарубежного секторов заметно сокращал торговый дефицит США с Китаем [4].

В процессе своего развития экономика Китая неизбежно усложнялась, а бизнес из КНР сформировал группу ТНК, обладающих высокой конкурентоспособностью [5]. Поэтому современный этап торговой конфронтации между КНР с одной стороны и США со странами Европейского союза (ЕС) с другой связан с ограничением экспорта китайских ТНК. Это позволяет предположить, что за последнее время соотношение во внешней торговле КНР между двумя указанными секторами стало меняться в пользу отечественного сектора, при усложнении компонентного состава поставляемых на зарубежный рынок товаров. Для подтверждения данного предположения необходимо проанализировать соотношение вклада отечественного и зарубежного секторов экономики в товарооборот КНР на основе классификаций таможенной статистики Китая: по формам собственности и по компонентному составу выпускаемых товаров, охватывая период 2018–2023 гг.¹

СТРУКТУРА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ КНР ПО ФОРМАМ СОБСТВЕННОСТИ

Одним из распространенных способов, позволяющих разграничить отечественный и зарубежный секторы экономики во внешней торговле КНР, является декомпозиция торговых потоков по формам собственности: зарубежный сектор представляют собой предприятия с иностранным капиталом; отечественный сектор – китайские государственные, частные и прочие предприятия (см. *табл. 1*).

Во-первых, предприятия с зарубежным капиталом постепенно сокращали свою долю во внешней торговле КНР. В 2000-е гг. они обеспечивали более половины внешнего товарооборота Китая, а далее их доля стала сокращаться по причине наращивания экспорта и импорта отечественными предприятиями², при этом они сохраняли за собой роль одного из источников положительного сальдо торгового баланса Китая.

Несмотря на то, что некоторое снижение товарооборота предприятий с зарубежным капиталом наблюдалось по время пандемии *COVID-19*, однако оно было непродолжительным по причине зависимости глобальной экономики от их продукции. Предприятия с зарубежным капиталом, как правило, были организованы на основе инвестиций из развитых стран и обеспечивали большую долю экспорта высокотехнологичной продукции Китая [6]. Однако экономические эффекты от них не были масштабными по причине замкнутости их производственного цикла [7]. Тем не менее экспортные товары предприятий с зарубежным капиталом имели высокие качественные характеристики, выступая эталоном для отечественных предприятий Китая, что положительно влияло на качество их продукции [8].

Во-вторых, наблюдался заметный рост доли частных предприятий во внешней торговле КНР. За счет постепенного наращивания компетенций в выпуске продукции, развития собственных брендов, значительного расширения географии рынков сбыта частные предприятия стали главным источником наращивания торговли КНР. Карантинные меры, связанные с *COVID-19*, не оказали сдерживающего воздействия на динамику товарооборота частных предприятий с зарубежными странами, что указывает на значимую роль их продукции на глобальном рынке.

В результате частные предприятия Китая стали главным источником положительного сальдо торгового баланса страны, опередив к 2023 г. предприятия с зарубежным капиталом по данному показателю

¹ Данные за 2001 и 2011 гг. приводились для справки, т.к. для этих лет невозможно было определить соотношение между двумя классификациями внешней торговли КНР (*прим. авт.*).

² Ввиду общего удорожания китайской рабочей силы наблюдалось перемещение производственных мощностей бизнесом из развитых экономик в трудоизбыточные страны с низкой оплатой труда (*прим. авт.*).

почти в 8 раз. Рост экспорта частных предприятий КНР был обусловлен технологическим усовершенствованием ряда производств³ с опорой на освоение зарубежных технологий, что в целом способствовало улучшению качественных характеристик выпускаемой продукции.

Таблица 1. Внешнеторговые показатели КНР по формам собственности
Table 1. Structure of China's foreign trade by type of enterprises

Форма собственности	2001*	2011*	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Товарооборот, млрд долл. / доля, %								
Предприятия с зарубежным капиталом	259	1881	1968	1824	1798	2172	2076	1793
	<i>51</i>	<i>51</i>	<i>43</i>	<i>40</i>	<i>39</i>	<i>36</i>	<i>33</i>	<i>30</i>
Государственные предприятия	217	769	805	772	666	919	1016	950
	<i>43</i>	<i>21</i>	<i>17</i>	<i>17</i>	<i>14</i>	<i>15</i>	<i>16</i>	<i>16</i>
Частные предприятия	11	942	1752	1879	2099	2865	3130	3110
	<i>2</i>	<i>26</i>	<i>38</i>	<i>41</i>	<i>45</i>	<i>47</i>	<i>50</i>	<i>52</i>
Прочие предприятия	22	99	98	101	84	96	87	84
	<i>4</i>	<i>3</i>	<i>2</i>	<i>2</i>	<i>2</i>	<i>2</i>	<i>1</i>	<i>1</i>
Сальдо, млрд долл.								
Предприятия с зарубежным капиталом	7	131	104	108	67	134	170	138
Государственные предприятия	10	-225	-290	-301	-251	-381	-448	-412
Частные предприятия	-1	242	529	604	703	905	1132	1080
Прочие предприятия	6	15	9	11	16	18	23	17

Примечание: * – данные за 2001 и 2011 гг. приведены для справки; здесь и далее *курсивом* обозначена доля.

Составлено по: <http://stats.customs.gov.cn/indexEn> (accessed 01.06.2024); <https://www.ceicdata.com/en> (accessed 10.12.2012)

В третьих, фиксировалось сокращение доли государственных и прочих предприятий во внешней торговле КНР. Государственные предприятия стали главным источником снижения положительных значений сальдо торгового баланса Китая за счет массового импорта сырьевых товаров для обеспечения функционирования национальной экономики. За последнее десятилетие руководство КНР проводило реорганизацию государственных предприятий для повышения уровня их конкурентоспособности на основе эффективных методов управления и сокращения избыточных мощностей. Государственные предприятия КНР пользовались субсидиями из бюджетов разных уровней и льготными кредитами [9], имели широкий доступ к различным инновациям [10] и были задействованы в выполнении различного рода проектов за рубежом, в т.ч. для реализации инициативы «Один пояс – один путь» [11].

Статистика по прочим предприятиям КНР долгое время отражалась по признаку их принадлежности к коллективному сектору экономики, что было распространено в сельскохозяйственном производстве. Несмотря на невысокую долю прочих предприятий в товарообороте КНР, они являлись одним из долгосрочных источников положительного сальдо торгового баланса Китая.

Как показали оценки китайских исследователей [2], для Китая положительные экономические эффекты от торговли частных предприятий были самыми сильными, за ними по этому показателю следовали предприятия с зарубежным капиталом, а далее – государственные и прочие предприятия. Если два десятилетия назад продукция частных предприятий в целом не являлась конкурентной по отношению к товарам, произведенным в Китае на предприятиях с зарубежным капиталом, то в настоящее время наблюдается всё большая возможность для замещения ею этих товаров на глобальном рынке. В таких условиях частные и государственные предприятия КНР выполняли разные задачи при взаимодействии экономики с глобальным рынком и не являлись конфликтующими по отношению друг к другу.

³ В первую очередь электроники, компьютерного и телекоммуникационного оборудования, автомобилестроения, строительной техники, станков и сложного оборудования (*прим. авт.*).

СТРУКТУРА ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ КНР ПО КОМПОНЕНТНОМУ СОСТАВУ ТОВАРОВ

Китай долгое время вовлечен в процесс внутриотраслевого товарообмена, связанного с увеличением масштабов торговли ТНК [12]. Данный процесс происходит в условиях отмены импортных пошлин для ввоза промежуточных товаров и снижения барьеров для привлечения зарубежного капитала. В результате производство в мире стало сильно фрагментировано, а различные этапы выпуска конечной продукции выполнялись в разных странах, лидирующее место среди которых стал занимать Китай. Способом, позволяющим учесть данные особенности товарооборота КНР, является анализ её торговли по компонентному составу выпускаемых товаров: торговля с внешней переработкой; обычная торговля; прочая торговля.

К торговле с внешней переработкой относят импорт промежуточных товаров, которые подвергаются обработке или сборке с целью дальнейшего экспорта. Китайское руководство с 1980-х гг. стимулирует данную торговлю, функционирующую в особом режиме, поскольку ввоз на территорию Китая из-за рубежа промежуточных товаров, используемых для производства продукции на экспорт, освобождается от любых таможенных и налоговых платежей, связанных с импортом⁴.

При прочих равных условиях продукция, произведенная из ввезенных беспошлинно на территорию КНР материалов, подлежит экспорту и не предназначена для продажи на внутреннем рынке. Для поступления данной продукции на внутренний рынок нужно получить разрешения официальных органов власти, и, в случае одобрения с их стороны, необходимо выплатить все ранее неуплаченные таможенные платежи и налоги плюс проценты по ним [3]. Таким образом, китайское руководство защищает свой внутренний рынок, стимулируя тем самым экспорт услуг труда без миграции рабочей силы за рубеж, как и многие другие трудоизбыточные страны Восточной Азии. Благодаря торговле с внешней переработкой Китай имел долгосрочное положительное сальдо торгового баланса (см. табл. 2).

Таблица 2. Внешнеторговые показатели КНР по компонентному составу товаров
Table 2. Structure of China's foreign trade by customs regimes

Виды компонентного состава	2001*	2011*	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Товарооборот, млрд долл. / доля, %								
Торговля с внешней переработкой	241	1321	1272	1158	1109	1318	1270	1083
	47	36	28	25	24	22	20	18
Обычная торговля	112	935	1401	1444	1537	2050	2287	2183
	42	49	56	58	59	61	64	65
Прочая торговля	42	407	676	717	758	1007	1017	1006
	8	11	15	16	16	17	16	17
Сальдо, млрд долл.								
Торговля с внешней переработкой	53	374	322	312	296	335	349	312
Обычная торговля	-1	-88	127	187	295	373	551	519
Прочая торговля	-30	-115	-98	-78	-56	-31	-22	-8

Примечание: * – данные за 2001 и 2011 гг. приведены для справки.

Составлено по: <http://stats.customs.gov.cn/indexEn> (accessed 01.06.2024); <https://www.ceicdata.com/en> (accessed 10.12.2012)

Доля торговли с внешней переработкой в товарообороте КНР в среднем за 2018–2023 гг. составляла 23%, при этом наблюдалось постепенное её сокращение. За 2018–2023 гг. массовый импорт в рамках данной торговли обеспечивался компонентами из нескольких восточноазиатских экономик – Тайваня, Республики Корея, Вьетнама и Малайзии. С ними Китай имел отрицательное сальдо торгового баланса по операциям, связанным с торговлей с внешней переработкой, поскольку на китайской территории

⁴ Китайское правительство для стимулирования экспорта в рамках торговли с внешней переработкой отменяет пошлины на импорт промежуточных товаров, а также налог с продаж и налог на добавленную стоимость (прим. авт.).

осуществлялась сборка конечной продукции (главным образом электроники) из комплектующих, произведенных в указанных экономиках. В свою очередь, экспорт из КНР в рамках данной торговли был ориентирован на крупные конечные и промежуточные рынки сбыта: США, страны ЕС, Гонконг, Сингапур, Японию, Австралию, Мексику, Канаду, Объединенные Арабские Эмираты, Россию и Турцию.

Влияние торговли с внешней переработкой на остальную часть экономики Китая было ограничено, но в условиях *COVID-19* в июне 2020 г. Государственный совет Китая смягчил ограничения по доступу на внутренний рынок продукции компаний, специализирующихся в данной торговле [13]. После смягчения карантинных мер снижение доли торговли с внешней переработкой в товарообороте КНР продолжилось, что могло объясняться следующими причинами: рост издержек, связанных с оплатой труда в КНР и конкуренция со стороны других азиатских стран мотивируют иностранные фирмы и зарубежных заказчиков выпускать продукцию в других странах; постепенное сокращение импортных пошлин в Китае стало снижать выгоду от таможенных льгот по переработке импортных материалов; стремление в развитых странах создавать импортозамещающие производства в условиях торгового противостояния с КНР.

Тем не менее продолжает сохраняться доминирующее положение торговли с внешней переработкой в экспорте высокотехнологичных товаров: мобильные телефоны и смартфоны, электронные вычислительные машины, интегральные микросхемы; жидкокристаллические дисплеи.

В отличие от торговли с внешней переработкой, значительное развитие в КНР получила обычная торговля товарами, произведенными на основе местных (китайских) сырьевых товаров, материалов, деталей и компонентов. В рамках обычной торговли предприятия как с отечественным, так и с зарубежным капиталом несут ответственность за разработку, маркетинг и распространение произведенной продукции, которая может быть направлена на внутренний рынок КНР.

Общее снижение импортных пошлин в связи со вступлением КНР в ВТО стало стимулировать увеличение доли данной торговли в китайском экспорте, что привело к наращиванию доли отечественных компонентов в выпуске товаров зарубежными предприятиями на территории Китая [14]. Обычная торговля заняла ведущее положение в товарообороте КНР с зарубежными странами, достигнув 65% к 2023 г. Однако только с 2021 г. сальдо торгового баланса обычной торговли КНР стало превышать аналогичный показатель для торговли с внешней переработкой, причем наибольшие значения пришлось на период снижения карантинных мер и их отмены (2022–2023).

Экспорт Китая в рамках обычной торговли был ориентирован на удовлетворение спроса глобального рынка. К 2023 г. основными покупателями данного вида продукции из КНР были: США, страны ЕС, Япония, Россия, Индия, Республика Корея, страны Юго-Восточной Азии, Мексика, а также Гонконг, который выполнял посредническую функцию. Импорт в рамках обычной торговли поступал в Китай главным образом из стран ЕС, Тайваня, Японии, стран Юго-Восточной Азии, США, а также из стран – поставщиков минеральных и энергетических ресурсов: Бразилии, России и Саудовской Аравии.

При этом наибольшее положительное сальдо торгового баланса в рамках обычной торговли было с США, Гонконгом, странами ЕС, Индией, Мексикой, рядом африканских стран, а отрицательное – со странами Восточной Азии, Швейцарией и странами – поставщиками минеральных и энергетических ресурсов, к которым относится Россия. Следует заметить, что обычная торговля была доминирующей практически по всем товарным группам экспорта КНР, за исключением тех групп, которые были ранее указаны для торговли с внешней переработкой.

Наконец, к прочей торговле Китая относится товарооборот, который не учитывает обозначенные выше особенности производственного процесса, а именно: реэкспортная торговля в бондовых зонах; складская торговля; приграничная торговля; компенсационная торговля; бартерная торговля; ввоз и вывоз товаров с территории КНР в рамках механизмов поддержки с правительствами и международными организациями; другие торговые операции. Следует заметить, что прочая торговля постепенно стала занимать заметное место в товарообороте КНР с зарубежными странами, её стоимостной объем к 2023 г. стал сопоставим с торговлей с внешней переработкой. При этом прочая торговля являлась долгосрочным источником снижения положительного сальдо торгового баланса КНР, который тем не менее постепенно ослабевал.

Основными видами прочей торговли являлись складская торговля и реэкспортная торговля в бондовых зонах, которые получили свое развитие со второй половины 2020 г., в т.ч. с опорой на широкое внедрение в КНР механизмов электронной торговли. Складская торговля выполняла функцию перерас-

пределения оптовых потоков товаров, поступающих на таможенные склады, в розничные потоки, а её доля в товарообороте КНР составляла чуть более 4% в среднем за 2018–2023 гг.

В свою очередь, бондовые зоны являлись специально выделенными территориями КНР с особым статусом, позволяющим получать соответствующие льготы иностранным инвесторам в рамках переработки и реэкспорта товаров при смягчении валютного контроля. Данная форма торговли характеризовалась заметной динамикой за последние годы, увеличив долю в товарообороте Китая с 7% в 2018 г. до 9% в 2023 г. Экспорт из бондовых зон главным образом направлялся в Гонконг, а импорт поступал из европейских и восточноазиатских стран. Несмотря на то, что торговля бондовых зон показывает отрицательное сальдо торговли, тем не менее оно постепенно сокращается за счет США, стран постсоветского пространства, Индии и Объединенных Арабских Эмиратов. Можно предположить, что в перспективе режим реэкспортной торговли в бондовых зонах способен стать заметным дополнением к торговле с внешней переработкой с акцентом на развитие конкретных точек экономического роста в КНР на основе расширения экспорта и привлечения зарубежного капитала.

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ КЛАССИФИКАЦИЯМИ ТОРГОВЛИ

В среднем за 2018–2023 гг. в товарообороте предприятий с зарубежным капиталом превалировала торговля с внешней переработкой, доля которой составляла 47% (см. табл. 3).

Таблица 3. Соотношение внешней торговли КНР по формам собственности и компонентному составу товаров, %
Table 3. Composition of China's foreign trade by type of enterprises and customs regime, %

По компонентному составу товаров	По формам собственности				Итого по знаменателю
	Предприятия с зарубежным капиталом	Государственные предприятия	Частные предприятия	Прочие предприятия	
Торговля с внешней переработкой	47 / 77	7 / 4	8 / 18	6 / 1	100
Обычная торговля	41 / 25	76 / 20	72 / 53	75 / 2	100
Прочая торговля	12 / 26	17 / 17	20 / 55	19 / 2	100
Итого по числителю	100	100	100	100	–

Примечание: числитель – доля формы собственности в торговле по компонентному составу товаров, знаменатель – доля торговли по компонентному составу товаров в соответствующей форме собственности; приведены данные в среднем за 2018–2023 гг.

Составлено по: <http://stats.customs.gov.cn/indexEn> (accessed 01.06.2024)

Также в условиях режима торговли с внешней переработкой доля предприятий с зарубежным капиталом была основной, составляя в среднем за указанный период 77%. Главным источником торговли с внешней переработкой предприятий с зарубежным капиталом являлся экспорт, что соответствовало её изначальному предназначению – вывозу переработанных (собранных) товаров на зарубежный рынок.

Однако более подробный анализ показал, что доля торговли с внешней переработкой в товарообмене предприятий с зарубежным капиталом имела тенденцию к сокращению: в товарообороте – с 53% в 2018 г. до 42% в 2023 г., в экспорте – с 63% до 51%, в импорте – с 41% до 30% соответственно. Таким же образом доля предприятий с зарубежным капиталом сокращалась в торговле с внешней переработкой: в товарообороте – с 82% в 2018 г. до 69% в 2023 г., в экспорте – с 82% до 71%, в импорте – с 70% до 60% соответственно. Данное обстоятельство указывает на то, что торговля с внешней переработкой как долгосрочная форма взаимодействия глобального бизнеса с китайской экономикой постепенно уступает место другим способам расширения экспорта для предприятий с иностранным капиталом с точки зрения наполнения «компонентами» выпускаемой продукции.

Развитие торговли с внешней переработкой долгое время была важнейшим фактором расширения товарооборота КНР. Однако Китай не единственная страна, которая практикует такого рода преференциальную политику. Его прямыми конкурентами являются страны Юго-Восточной Азии (например,

Вьетнам и Таиланд), Индия, Бразилия, Мексика [15]. Созданный в КНР за последние четыре десятилетия механизм тесной взаимосвязи таких торговых и инвестиционных потоков руководство КНР старается сохранить, особенно в условиях текущей торгово-экономической конфронтации с США и европейскими странами в сфере высоких технологий. Механизмы торговли с внешней переработкой в Китае сравнительно эффективно функционируют и являются привычными для иностранного бизнеса.

При этом одним из явных долгосрочных ограничений для торговли с внешней переработкой предприятий с зарубежным капиталом является снижение численности рабочей силы в КНР, которая ранее массово предоставляла услуги труда для сборочных предприятий ТНК [16]. Тем не менее использование импортных компонентов в экспорте, особенно предприятиями с зарубежным капиталом, – это способ смягчения конфликтов в торговой сфере для КНР с США и странами ЕС. Так, с учетом специфики торговли с внешней переработкой положительное сальдо торгового баланса КНР с США и странами ЕС сокращается [17; 18], что усиливает переговорную позицию китайской стороны.

В свою очередь, доля обычной торговли в общем товарообороте предприятий с зарубежным капиталом в среднем за указанный период также была заметной, составляя 41% (в экспорте – 35%, в импорте – 49%). Анализ динамики обычной торговли указал на увеличение её доли в товарообороте предприятий с зарубежным капиталом – с 37% в 2018 г. до 46% в 2023 г. Фактически наблюдалось постепенное смещение товарообмена предприятий с зарубежным капиталом в режим обычной торговли с использованием преимущества для ориентации выпускаемой продукции на внутренний рынок, а также с опорой на имеющиеся механизмы по стимулированию экспорта в КНР. При этом имело место некоторое уменьшение доли данных предприятий в общем объеме обычной торговли Китая (с 27% в 2018 г. до 25% в 2023 г.), что указывает на опережающее увеличение товарооборота в рамках данного режима отечественными предприятиями КНР.

По мере роста китайской экономики ТНК стали рассматривать Китай как емкий рынок сбыта для своих товаров, а не только как производственную базу для массового экспорта. По мере усложнения национальной экономики развитие экспорта КНР стало всё больше увязываться с появившимися возможностями для замещения ранее импортировавшихся промежуточных товаров китайскими аналогами, соотносимыми по цене и качеству с зарубежной продукцией.

Помимо наращивания доли обычной торговли, за указанный период в товарообороте предприятий с зарубежным капиталом также немного возросла доля прочей торговли – с 10% в 2018 г. до 13% в 2023 г., главным образом за счет реэкспортной торговли в бондовых зонах. При этом, как и в случае с обычной торговлей, имело место некоторое уменьшение доли предприятий с зарубежным капиталом в общем объеме прочей торговли Китая – с 30% в 2018 г. до 22% в 2023 г.

Соответственно, частные, государственные и прочие предприятия КНР формировали свой товарооборот с внешним миром за счет прочей и обычной торговли при несопоставимом доминировании последней. Доля торговли с внешней переработкой в их товарообороте не достигала 10% в среднем за 2018–2023 гг. Если для частных и государственных предприятий доля торговли с внешней переработкой сокращалась в их товарообороте (с 10% в 2018 г. до 7% в 2023 г. и с 8% до 7% соответственно), то для прочих предприятий она сохранялась на уровне 6,5% в среднем за период. В рамках обычной и прочей торговли товарооборот более чем наполовину генерировался частными предприятиями.

В свою очередь, торговлю с внешней переработкой на 18% в среднем за 2018–2023 гг. также формировали частные предприятия, причем их доля имела тенденцию к увеличению – с 13% в 2018 г. до 25% в 2023 г. Данное обстоятельство указывает на то, что частные предприятия КНР стали конкурировать с предприятиями с зарубежным капиталом за контракты с иностранными фирмами. Также использование частными предприятиями Китая импорта промежуточных товаров из развитых стран в рамках торговли с внешней переработкой являлось одним из способов облегчения доступа для их продукции на рынки, более требовательные к правилам происхождения и качественным характеристикам товаров [19].

По размеру добавленной стоимости, остающейся в китайской экономике, обычная торговля более выигрышна для КНР по сравнению с торговлей с внешней переработкой. Однако запуск производственного цикла в рамках обычной торговли является более рискованным и затратным, требуя значительных вложений капитала. Если для государственных предприятий данное обстоятельство не является серьезным фактором по причине получения ими льготных кредитов и преференций, то для частных предприятий КНР данные ограничения требуют привлечения большого объема кредитных средств.

В результате частные предприятия, помимо обычной торговли, стремятся диверсифицировать свои взаимодействия с глобальной экономикой за счет развития торговли с внешней переработкой и прочей торговли [20]. Часть китайских предприятий, экспортирующих свои товары, придерживались правил как обычной торговли, так и торговли с внешней переработкой для снижения издержек производства продукции [21]. В таких условиях отечественный сектор КНР постепенно расширял географическую структуру своей торговли, ориентируя свои товары в том числе на рынки стран со средним доходом, к которым относится Россия.

С точки зрения использования собственно китайских и импортных компонентов в выпуске товаров, ориентированных на экспорт, наблюдалось «размывание» границ между формами собственности. Данный процесс стимулировало то, что китайское руководство для обычной торговли стало применять механизмы поддержки экспорта, в частности, предоставляя льготы по подоходному налогу, если предприятия ориентировали большую часть своей продукции на внешний рынок. Поэтому обычная торговля, осуществляемая в том числе предприятиями с зарубежным капиталом, получает даже некоторые преимущества, так как ориентация части выпущенной продукции на внутренний рынок КНР является важным аспектом для диверсификации сбыта товаров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ структуры внешней торговли КНР позволил определить нарастающее доминирование отечественного сектора при снижении доли зарубежного сектора. В среднем за 2018–2023 г. доля зарубежного сектора во внешней торговле КНР по форме собственности составляла 37% (предприятия с зарубежным капиталом), а по доле компонентов в товарах – 23% (торговля с внешней переработкой). Доля торговли с внешней переработкой в товарообороте предприятий с зарубежным капиталом постепенно уступала место обычной торговле, позволяющей поставлять продукцию на внутренний рынок КНР. Зарубежный сектор оставался одним из главных источников высокотехнологичного экспорта Китая, поэтому руководство КНР прилагало усилия к его сохранению.

Обычная торговля стала доминирующей в экспорте КНР, а большая доля внешней торговли Китая формировалась продукцией частных китайских предприятий. Часть предприятий отечественного сектора КНР для снижения издержек, а также для доступа на внешние рынки использовала разные таможенные режимы экспорта. В таких условиях частные предприятия главным образом специализировались в наращивании экспорта, а государственные – импорта сырьевых товаров и в продвижении национальных проектов за рубежом. Поскольку отечественный сектор КНР расширяет географическую структуру своего товарооборота при усложнении компонентного состава поставляемых на зарубежный рынок товаров, участие в производственных цепочках ТНК на основе зарубежных компонентов уже не является основным источником роста внешней торговли Китая.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Kim B. What has China learned from processing trade? *Economic Structures*. 2017. Vol. 6. Iss. 32. Pp. 1–14. DOI: 10.1186/s40008-017-0088-5
2. Hu C., Tan Y. Export spillovers and export performance in China. *China Economic Review*. 2016. Vol. 41. Pp. 75–89. DOI: 10.1016/j.chieco.2016.08.008
3. Dai M., Maitra M., Yu M. Unexceptional exporter performance in China? The role of processing trade. *Journal of Development Economics*. 2016. Vol. 121. Pp. 177–189. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2016.03.007
4. Yang C., Dietzenbacher E., Pei J., Chen X., Zhu K., Tang Z. Processing trade biases the measurement of vertical specialization in China. *Economic Systems Research*. 2015. Vol. 27. Iss. 1. Pp. 60–76. DOI: 10.1080/09535314.2014.955463
5. Портяков В.Я. Политика внешнеэкономической открытости в Китайской Народной Республике: основные итоги и перспективы. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. Т. 12. № 1. С. 44–68. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-44-68
Portyakov V.Y. 2019. Policy of Foreign Economic Openness in the People's Republic of China: Main Results and Prospects. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 12. Iss. 1. Pp. 44–68. (In Russ.). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-1-44-68
6. Lovely M.E., Huang Z. Foreign Direct Investment in China's High-technology Manufacturing Industries. *China & World Economy*. 2018. Vol. 26. Iss. 5. Pp. 104–126. DOI: 10.1111/cwe.12258

7. Fu X. Processing Trade, FDI and the Exports of Indigenous Firms: Firm-Level Evidence from Technology-Intensive Industries in China. *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. 2011. Vol. 73. Iss. 6. Pp. 792–817. DOI: 10.1111/j.1468-0084.2011.00673.x
8. Xie W., Xue T. FDI and Improvements in the Quality of Export Products in the Chinese Manufacturing Industry. *Emerging Markets Finance and Trade*. 2019. Vol. 56. Iss. 13. Pp. 1–11. DOI: 10.1080/1540496x.2019.1609936
9. Luo W., Lu Y., Shi H. Why did Chinese state-owned enterprises have higher export propensity? A study based on 2003–2007 data. *Economics of Transition and Institutional Change*. 2023. Vol. 31. Iss. 3. Pp. 561–588. DOI: 10.1111/ecot.12353
10. Dong G., Kokko A., Zhou H. Innovation and export performance of emerging market enterprises: The roles of state and foreign ownership in China. *International Business Review*. 2022. Vol. 31. Iss. 6. DOI: 10.1016/j.ibusrev.2022.102025
11. Lin K.J., Lu X., Zhang J., Zheng Y. State-owned enterprises in China: A review of 40 years of research and practice. *China Journal of Accounting Research*. 2020. Vol. 13. Pp. 31–55. DOI: 10.1016/j.cjar.2019.12.001
12. Hummels D., Ishii J., Yi K.M. The Nature and Growth of Vertical Specialization in World Trade. *Journal of International Economics*. 2001. Vol. 54. Iss. 1. Pp. 75–96. DOI: 10.2139/ssrn.163193
13. Brandt L., Li B., Morrow P.M. Processing trade and costs of incomplete liberalization: The case of China. *Journal of International Economics*. 2021. Vol. 131. DOI: 10.1016/j.jinteco.2021.103453
14. Brandt L., Morrow P.M. Tariffs and the Organization of Trade in China. *Journal of International Economics*. 2017. Vol. 104. Pp. 85–103. DOI: 10.1016/j.jinteco.2016.10.010
15. Xie Y., Song C. The role of processing trade in exporters' responses to exchange rate: Evidence from China. *The World Economy*. 2020. Vol. 43. Pp. 1521–1543. DOI: 10.1111/twec.12909
16. Lemoine F., Unal D. China's Foreign Trade: A "New Normal". *China & World Economy*. 2017. Vol. 25. Iss. 2. Pp. 1–21. DOI: 10.1111/cwe.12191
17. Jiang X., Kong Y., Li X., Yang C., Chen X. Re-estimation of China-EU trade balance. *China Economic Review*. 2019. Vol. 54. Pp. 350–366. DOI: 10.1016/j.chieco.2019.01.008
18. Chen Z., Erbahar A., Zi Y. *Made and Created in China: The Role of Processing Trade*. CEPR International trade and regional economics DP14486. 2023. <https://cepr.org/publications/dp14486> (accessed 01.06.2024)
19. Bai X., Hong S., Wang Y. Learning from processing trade: Firm evidence from China. *Journal of Comparative Economics*. 2021. Vol. 49. Pp. 579–602. DOI: 10.1016/j.jce.2020.12.001
20. Manova K., Yu Z. How Firms Export: Processing vs. Ordinary Trade with Financial Frictions. *Journal of International Economics*. 2016. Vol. 100. Pp. 120–137. DOI: 10.1016/j.jinteco.2016.02.005
21. Chen Q., Zhu K., Liu P., Chen X., Tian K., Yang L., Yang C. Distinguishing China's processing trade in the world input-output table and quantifying its effects. *Economic Systems Research*. 2019. Vol. 31. Iss. 3. Pp. 361–381. DOI: 10.1080/09535314.2018.1534225

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Изотов Дмитрий Александрович, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела региональных моделей, прогнозирования и внешнеэкономических взаимодействий, Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия.

Dmitry A. Izotov, Dr.Sc. (Economics), Leading Researcher, Department of Regional Models, Forecasting and Foreign Economic Relations, Economic Research Institute, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 09.07.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 22.09.2024

Принята к публикации
(Accepted) 10.11.2024

DOI: 10.31857/S0321507524120046

Пекинская фондовая биржа: итоги двух лет работы, задачи и перспективы

© Вахрушин И.В.^а, 2024

^а ИМЭМО РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-6750-4620; ivmarin14@mail.ru

Резюме. Открытие в ноябре 2021 г. Пекинской фондовой биржи было обусловлено рядом факторов. Во-первых, необходимо было создание биржевого канала финансирования малых и средних предприятий (МСП). Во-вторых, созданию биржи способствовало ужесточение регулятивных требований к китайским компаниям на фондовом рынке США и, как следствие, их массовый переход на биржи материкового Китая.

В силу специфики Пекинской биржи динамика её индекса зачастую резко контрастирует с показателями 2 главных фондовых бирж Китая, что привлекает на новую площадку миллионы розничных инвесторов. Доступ иностранных инвесторов ограничен, лицензируется и квотируется регулятором в общем порядке.

Согласно плану развития биржи через 5–10 лет по ключевым параметрам она должна стать полноценным финансовым центром.

Ключевые слова: Пекинская фондовая биржа, фондовый рынок КНР, рынок ценных бумаг Китая, малые и средние предприятия, инновационные и высокотехнологичные компании, Национальная платформа акций и ко-тировок

Для цитирования: Вахрушин И.В. Пекинская фондовая биржа: итоги двух лет работы, задачи и перспективы. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 12. С. 33–41. DOI: 10.31857/S0321507524120046

Beijing Stock Exchange: Results of Two Years Operation, Challenges and Prospects

© Ivan V. Vakhrushin^a, 2024

^a IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-6750-4620; ivmarin14@mail.ru

Abstract. The establishment of the Beijing Stock Exchange (BSE) in November 2021 was due to a number of factors. First, a specialized channel for financing small and medium-sized businesses (SME) was needed. Second, it was the result of increased regulatory requirements for Chinese companies on the US stock market and their massive transition to domestic exchanges.

Trends of the BSE indices often sharply contrast with those of the 2 major Chinese stock exchanges, which attract millions of retail investors to the BSE. Institutional investors show more interest in the new exchange as well. The access of foreign investors is regulated through licenses and quotas. The BSE initial market is vivid: IPOs were held all temporary suspension periods long. The exchange infrastructure and trading system are successfully developing and expanding.

The market makers facility was introduced, margin trading was allowed, the bond market was formed. The BSE development plan provides for in 5–10 years it transforms into a full-fledged financial center by key indicators.

Keywords: Beijing Stock Exchange, the PRC Stock Market, China securities market, SME. innovative and high-tech companies, National Stock and Quotation Platform (NEEQ)

For citation: Vakhrushin I.V. Beijing Stock Exchange: Results of Two Years Operation, Challenges and Prospects. *Asia and Africa today*. 2025. № 12. Pp. 33–41. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507524120046

ВВЕДЕНИЕ

2 сентября 2021 г. в своем обращении по случаю открытия Китайской международной ярмарки торговли услугами (CIFTIS) Генсек ЦК КПК, председатель КНР Си Цзиньпин объявил о создании в Пекине

новой фондовой биржи по обслуживанию малых и средних предприятий (МСП) – Пекинской фондовой биржи.

ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ БИРЖИ

Решение об учреждении новой биржи, 3-й по счету в материковом Китае (после Шанхайской и Шэньчжэньской фондовых бирж), было продиктовано стремлением правительства к канализированию свободных сбережений домохозяйств на фондовый рынок с целью финансирования инноваций, восстановления экономики, а также снижения зависимости предприятий от банковского кредитования. Несмотря на абсолютное доминирование частных инвесторов на китайском фондовом рынке, на нем представлено менее 20% совокупного семейного богатства страны [1].

Создание новой биржи также нацелено на привлечение капитала и стимулирование развития сектора МСП, особенно сильно пострадавшего от пандемии *COVID-19*, роста цен на сырьевые товары и неравномерного восстановления экономики. Новая площадка призвана стать более доступным каналом финансирования для малого и среднего бизнеса с упрощенной и менее затратной процедурой листинга.

По замыслу правительства, здоровая конкуренция между небольшими частными компаниями на фондовом рынке будет содействовать прогрессу в ключевых технологических и инновационных секторах, включая новые стратегические отрасли Китая (искусственный интеллект, высокотехнологичное оборудование, микрочипы, новая энергетика, новые материалы, биомедицина, большие данные и др.).

Важность малого и среднего бизнеса для экономики Китая наглядно подтверждается цифрами: по данным *Statista*, на долю МСП приходится 60% ВВП страны, 70% патентов и 80% занятых.

Традиционным и проверенным механизмом господдержки МСП является выделение целевых кредитов при том, что доступ к банковским ссудам на общем основании для малого бизнеса практически закрыт ввиду невозможности предоставить банкам залоговое обеспечение.

Таким образом, новая фондовая биржа и расширение кредитования МСП представляют собой двусторонний подход к стимулированию роста в этой стратегически важной части экономики.

В заявлении регулирующего органа фондового рынка – Комитета по ценным бумагам (КЦБ) КНР было отмечено, что МСП обладают огромным потенциалом на фондовом рынке, а создание ПФБ является важным этапом реализации национальной стратегии инновационного развития, углубления структурной реформы со стороны предложения, а также должно сыграть большую роль в развитии функций рынка капитала, интеграции технологий и капитала, поддержке инноваций и развития в секторе МСП.

Открытие новой биржи также лежит в русле стратегического курса правительства на формирование многоуровневого рынка ценных бумаг, значимая роль в структуре которого придается специализированным площадкам для небольших высокотехнологичных и инновационных компаний.

Важным этапом на этом пути стало открытие на Шэньчжэньской фондовой бирже (ШЧФБ) 2 специализированных биржевых рынков – в 2004 г. рынка средних и малых компаний (*SME – Small and Medium-sized Enterprises Board*), в 2009 г. – рынка инновационных быстрорастущих компаний (*ChiNext*). В 2019 г. на Шанхайской фондовой бирже (ШФБ) заработала электронная площадка *STAR Market* для компаний, работающих в сфере научно-технических инноваций в интересах национальной стратегии. Таким образом, ПФБ дополнила и усилила этот сегмент рынка [2].

По мнению некоторых экспертов, создание новой биржи в значительной мере было связано с неблагоприятными изменениями в международных экономических отношениях, в том числе ужесточением регулирования на фондовом рынке США. В этой связи крайне актуальным стало создание в КНР биржевой площадки с упрощенным доступом к рынку капитала для компаний малой и средней капитализации [3].

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ

После заявления Си Цзиньпина новая биржа с уставным капиталом в 1 млрд юаней была зарегистрирована в максимально короткий, 2-месячный срок. Её учредителем, держателем 100% акций и оператором является Национальная платформа акций и котировок (*National Equities Exchange and Quotation – NEEQ*), а секретарь комитета КПК *NEEQ* Сюй Мин был назначен её председателем и законным представителем.

NEEQ – это платформа внебиржевой торговли низколиквидными акциями небольших публичных компаний с ограниченной ответственностью (*Public Limited Companies – PLC*). Зачастую она служит им стартовой площадкой, позволяющей привлечь первоначальный капитал перед листингом на 2 основных фондовых биржах Китая или за рубежом. В отличие от фондовых бирж, эта платформа управляется не государством, а саморегулируемой организацией *NEEQ Co. Ltd.*

Структурно все акции в системе *NEEQ* подразделяются на 3 категории:

- 1) отборный список – для первоклассных инновационных компаний с высокими показателями капитализации и рентабельности, зарегистрированных в системе не менее 12 месяцев;
- 2) инновационный список – для компаний, которые не соответствуют критериям отборного списка, но при этом отличаются высоким качеством корпоративного управления;
- 3) базовый список – для всех остальных компаний.

В 2021 г. в *NEEQ* было зарегистрировано 8187 предприятий, которые за 2020 г. привлекли капитал на 33,9 млрд юаней (\$5,3 млрд).

Для компаний из отборного списка средняя рыночная капитализация составляет 3,7 млрд юаней, что составляет примерно 1/6 часть от аналогичных показателей ШФБ и ШЧФБ.

ПФБ автоматически предоставляет листинг компаниям отборного списка *NEEQ* при условии, что они котируются на нем не менее 12 месяцев подряд, соответствуют установленным требованиям к рыночной капитализации, финансовым показателям, доле публичных акционеров, должным образом зарегистрированы в КЦБ КНР, а также успешно завершили публичное размещение акций для квалифицированных инвесторов. Также заявку на получение листинга ПФБ могут подать компании, зарегистрированные в инновационном списке *NEEQ* не менее 12 месяцев подряд.

Остальные компании инновационного списка и все компании базового списка остаются на внебиржевом рынке *NEEQ*¹.

Торги на ПФБ стартовали 15 ноября 2021 г. Первоначально на бирже были зарегистрированы акции 81 компании, включая 71 компанию, автоматически переведенную из отборного списка *NEEQ*. Еще 10 компаний дебютировали на новой бирже в результате проведенных *IPO*. Эти компании работают в таких сферах, как биотехнологии, ИТ, новые материалы и высокотехнологичное производство.

В 1-й день торгов на ПФБ был зарегистрирован оборот в размере \$1,5 млрд, при этом все 10 компаний-дебютантов отметились резким скачком котировок. Аналитики изначально не предрекали новой бирже гигантского оборота, учитывая её относительно небольшой объем и целевую направленность на МСП². За первые 2 года работы средний дневной оборот составил около 1 млрд юаней (\$137 млн), а уровень ликвидности в целом соответствует обоснованным для акций МСП показателям.

В феврале 2024 г. оборот акций на ПФБ достиг 145,9 млрд юаней (\$20,3 млрд)³.

ИНВЕСТОРЫ

В преддверие открытия биржи более 2,1 млн владельцев капитала подали заявки на получение квалификации «инвестор», а к открытию биржи количество заявок достигло 8 млн. Однако изначально 97% инвесторов не прошли отбор, поскольку не располагали необходимым капиталом в 500 тыс. юаней. Высокий порог был установлен в связи с тем, что компании на новой бирже относятся к малому и среднему бизнесу. Они не только несут собственные операционные риски, но и сильно зависят от общих рыночных настроений.

Важной задачей развития ПФБ является увеличение количества индивидуальных инвесторов за счет устранения барьеров доступа. С сентября 2023 г. кардинально снижены квалификационные требования для открытия инвестиционных счетов. Теперь при подаче заявки компания по ценным бумагам (брокер) не будет проверять активы ценных бумаг, остаток на счете, стаж биржевой торговли, уровень финансовой грамотности потенциального инвестора. Право торговли на бирже предоставляется после подписания заявления о раскрытии рисков. Также брокеры получили разрешение открывать биржевые счета для клиентов в онлайн-формате.

¹ <https://www.roedl.com/insights/china-beijing-stock-exchange-sme-capital-market> (accessed 01.07.2024)

² http://english.www.gov.cn/news/topnews/202110/12/content_WS6164dd3dc6d0df57f98e17ff.html (accessed 03.07.2024)

³ <https://russian.news.cn/20240323/92c4888640b14202b2b64853ec3b08dd/c.html> (accessed 02.07.2024)

Вместе с тем данная мера представляется неоднозначной. Ряд исследователей отмечают низкий уровень финансовой грамотности китайских индивидуальных инвесторов, что в сочетании со спецификой листинговых компаний (небольшой размер и инновационность) обуславливает высокий риск формирования пузыря на рынке акций ПФБ [4].

Вопреки ожиданиям экспертов, предсказывавшим для новой биржи прорыв в сфере трансграничных потоков капитала, подход регулятора в вопросе допуска иностранных инвесторов на ПФБ не отличается от практики других китайских фондовых бирж и лежит в русле общей политики ограничения портфельных инвестиций в страну. В настоящее время из нерезидентов доступ на биржу имеют только квалифицированные иностранные институциональные инвесторы (*QFII*) и квалифицированные институциональные инвесторы в юанях (*RQFII*)⁴. Фактически на ПФБ перенесены правила доступа иностранных инвесторов *NEEQ*, введенные в сентябре 2020 г.⁵

Таким образом, круг иностранных инвесторов ПФБ пока достаточно узок, поскольку для получения статуса *QFII* и *RQFII* нерезидентам необходимо отвечать достаточно высоким квалификационным требованиям⁶.

В настоящее время активно обсуждается возможность подключения ПФБ к программе *Stock Connect* – трансграничного инвестиционного канала, который позволяет иностранным частным и институциональным инвесторам торговать акциями на фондовых биржах материкового Китая через местных брокеров, и наоборот. *Stock Connect* уже успешно действует между Гонконгом и Шанхаем, Гонконгом и Шэньчжэнем, Лондоном и Шанхаем. Включение Пекина в программу значительно расширило бы возможности обмена для иностранных инвесторов.

Что касается профессиональных участников рынка, в общей сложности 112 компаний по ценным бумагам зарегистрировались на бирже для осуществления брокерско-дилерских операций⁷.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛИСТИНГА И ТОРГОВЛИ

ПФБ стала наиболее инклюзивной площадкой для инновационно-ориентированных МСП, предлагая им невысокий порог листинга, гибкие критерии оценки и сокращенный срок утверждения заявок.

На бирже действует система первичного публичного размещения акций (*IPO* – *Initial Public Offering*) на основе регистрации (по аналогии с американской научно-технологической биржей *NASDAQ*), которая также внедрена на 2 других инновационных биржевых площадках Китая – *STAR Market* ШФБ и *ChiNext* ШЧФБ. В 2022 г. срок от подачи компанией заявки на листинг до утверждения *IPO* в среднем составил 145 дней.

Поскольку ПФБ была создана на инфраструктурном фундаменте отборного списка *NEEQ*, правила торговли во многом продублированы и предусматривают следующее:

- отсутствуют требования к доле выплаченных дивидендов в объеме прибыли компании;
- в целях крупной реструктуризации активов или осуществления сделок слияния и поглощения допускается приостановка торгов акциями компании максимум на 10 торговых дней;
- индивидуальные инвесторы допускаются к торгам, в случае если остатки на их биржевых счетах в течение 20 торговых сессий составляли не менее 500 000 юаней, а также при наличии опыта торговли ценными бумагами не менее 24 месяцев;
- для институциональных инвесторов не установлены требования к размеру капитала;
- не предусмотрены ограничения колебаний котировок в 1-й торговый день, при этом в последующие дни применяется автоматическая 10-минутная приостановка торгов при их росте более чем на 30% и падении более чем на 60%. Для сравнения, на площадках *ChiNext* и *STAR Market* установлен 20%-й

⁴ Программы, которые позволяют иностранным инвестиционным институтам, отвечающим определенным критериям, инвестировать в акции типа А – акции в юанях, котирующиеся на фондовых биржах материкового Китая, которые доступны иностранным инвесторам только по определенным каналам и в пределах установленных квот (*нприм. авт.*).

⁵ <https://thediplomat.com/2021/11/introducing-the-new-beijing-stock-exchange/> (accessed 01.07.2024)

⁶ <https://www.wsj.com/articles/china-to-launch-beijing-stock-exchange-to-steer-investment-into-innovation-11630622825> (accessed 04.07.2024)

⁷ https://russian.beijing.gov.cn/beijinginfo/sci/latesttrend/latesttrendlist/202111/t20211115_2536643.html (accessed 05.07.2024)

лимит дневных колебаний, на ШФБ и ШЧФБ – 10%-й, на Гонконгской фондовой бирже подобные ограничения отсутствуют⁸.

Отличительными особенностями листинга на ПФБ являются меньшие стоимость, трудоемкость и срок прохождения регистрационных процедур. Основные требования к компаниям-претендентам для получения листинга включают следующее:

- нахождение акций в инновационном списке *NEEQ* не менее 12 месяцев подряд;
- стоимость чистых активов на конец предшествующего года должна быть не менее 50 млн юаней;
- публичное размещение не менее 1 млн акций в адрес пула не менее 100 аккредитованных инвесторов⁹;
- совокупная рыночная капитализация компании после листинга должна составлять не менее 30 млн юаней;
- после листинга компания должна иметь не менее 200 акционеров, не менее 25% акций в уставном капитале должны принадлежать публичным акционерам (не менее 10% акций – для компаний с уставным капиталом более 400 млн юаней)¹⁰.

В отличие от традиционных бирж, на ПФБ показатели чистой прибыли и выручки не входят в перечень обязательных критериев для получения листинга. Взамен кандидатам разрешается выбрать 1 из 4 критериев, основанных на ожидаемой рыночной капитализации и финансовых показателях. Таким образом, компании-претенденты должны соответствовать по крайней мере первому из приведенных ниже критериев:

- оценочная рыночная стоимость компании должна составлять не менее 200 млн юаней, а чистая прибыль за 2 предшествующих года – не менее 15 млн юаней или за 1 предшествующий год – не менее 25 млн юаней. Показатель средневзвешенной рентабельности собственного капитала (*ROE*) – не менее 8%;
- оценочная рыночная стоимость компании – не менее 400 млн юаней, средний операционный доход за 2 последних года – не менее 100 млн юаней при темпе его прироста не менее 30%, а также наличие положительного чистого денежного потока от операционной деятельности за последний год;
- оценочная рыночная стоимость – не менее 800 млн юаней, операционный доход за последний год – не менее 200 млн юаней, вложения в НИОКР – не менее 8% операционного дохода за 2 последних года;
- оценочная рыночная стоимость – не менее 1,5 млрд юаней, вложения в НИОКР за последние 2 года – не менее 50 млн юаней¹¹.

БИРЖА В ЦИФРАХ

Главный количественный индикатор, ориентир для инвесторов и листинговых компаний – индекс Пекинской фондовой биржи *BSE 50* – официально начал рассчитываться 21 ноября 2021 г.

По данным биржи, верхняя половина компаний в составе индекса *BSE 50* представляет 71% его совокупной рыночной капитализации. Более 80% листинговых компаний работают в новых стратегических отраслях, таких как высокотехнологичное оборудование, новая энергетика, передовое ПО, новые материалы и биофармацевтика. Еще 20 компаний относятся к «маленьким гигантам»¹².

На ПФБ сконцентрированы предприятия с высокой специализацией производства, детализацией управления, уникальностью продукции и инновационной активностью.

Вскоре после запуска индекса *BSE 50* крупные управляющие компании Китая, включая *China Asset Management*, *China Southern Asset Management* и *E Fund Management*, учредили инвестиционные продукты на базе *BSE 50*, что значительно диверсифицирует инструментальный ряд ПФБ.

⁸ <https://www.roedl.com/insights/china-beijing-stock-exchange-sme-capital-market> (accessed 05.07.2024)

⁹ Разновидность квалифицированных инвесторов, включающая определенные категории частных лиц и финансовых институтов, топ-менеджеров эмитента. При размещении в их адрес процедуры проходят в упрощенном порядке – отсутствие проспекта эмиссии, уведомления о соответствующих рисках и пр. (прим. авт.)

¹⁰ <https://www.china-briefing.com/news/beijing-stock-exchange-for-smes-what-we-know/> (accessed 03.07.2024)

¹¹ <https://www.reuters.com/article/china-stocks-exchange-idUSL4N2S60Z0> (accessed 06.07.2024)

¹² Термин, введенный Министерством промышленности и информатизации КНР для МСП, специализирующихся в нишевых отраслях с передовыми технологиями и большим потенциалом роста (прим. авт.)

В ноябре 2022 г. администрация биржи утвердила правила маржинальной торговли, после чего инвесторам стали доступны сделки с кредитным плечом. По оценкам экспертов, маржинальные сделки упрочат торговый механизм биржи, а также откроют для инвесторов ряд новых торговых стратегий и методов управления рисками.

По данным *Wind Info*, в 2022 г. общая выручка от продаж листинговых компаний ПФБ увеличилась на 33% – до 73,2 млрд юаней, а их чистая прибыль выросла на 19% – до 6,9 млрд юаней. На НИОКР ими было направлено более 4% доходов, в то время как средние расходы на эти цели выросли на 33%¹³.

В феврале 2023 г. администрация биржи разрешила деятельность маркет-мейкеров, в рамках которой трейдеры (уполномоченные компании по ценным бумагам) будут покупать акции закрепленных за ними компаний от своего имени и за свой счет для поддержания котировок, а также выступать андеррайтерами по допэмиссиям акций. Статус маркет-мейкеров на ПФБ изначально получили 13 компаний, за которыми были закреплены акции 36 эмитентов [5].

В 2023 г. динамика на ПФБ резко контрастировала с общим трендом китайского фондового рынка. На фоне падения индексов на основных площадках ПФБ стала привлекательной альтернативой для инвесторов. Так, если индекс *BSE 50* по итогам года вырос почти на 10%, то общекайтакий индекс *CSI 300* упал на 14%, что стало худшим показателем с начала его расчета в 2005 г. Индекс Гонконгской биржи снизился на 15% – падение 4-й год подряд. В целом по итогам года китайский фондовый рынок потерял \$1,2 трлн рыночной капитализации¹⁴.

Итоговая положительная динамика индекса *BSE 50* была обеспечена резким взлетом котировок в октябре – ноябре 2023 г. с ростом индекса более 50%. Принимая во внимание, что акции компаний малой капитализации крайне подвержены риску рыночных манипуляций, администрация биржи приняла меры к устранению значительной спекулятивной составляющей «рынка быков». Так, были вынесены десятки предупреждений в адрес компаний с аномальными колебаниями котировок. Временно были прекращены торги акциями 10 компаний, чьи котировки выросли более чем в 6 раз.

РЫНОК IPO

За первые 6 месяцев работы на бирже было проведено 100 IPO компаний, представляющих главным образом стратегический и инновационный секторы [6].

В 2022 г. на ПФБ успешно осуществлены IPO на сумму 16,4 млрд юаней (\$2,4 млрд)¹⁵. Таким образом, общая стоимость проведенных IPO с момента открытия биржи достигла \$6,3 млрд.

К концу 2022 г. количество листинговых компаний достигло 171, а число индивидуальных инвесторов превысило 5,26 млн. К концу 2023 г. на бирже было зарегистрировано 229 компаний с общей рыночной капитализацией более 417 млрд юаней (\$60 млрд)¹⁶. Количество индивидуальных инвестиционных счетов достигло 7 млн, в т.ч. в 2023 г. было открыто более 1,5 млн новых счетов.

По состоянию на начало 2024 г. на ПФБ котировались акции 245 компаний с общей рыночной стоимостью более 374 млрд юаней (\$52 млрд).

К середине 2024 г. на бирже зарегистрированы 232 компании с совокупной рыночной капитализацией в 366 млрд юаней (\$50 млрд). Для сравнения, на ШФБ зарегистрированы 2256 компаний с общей рыночной капитализацией 47 трлн юаней (\$6,5 трлн) [7].

Комитет по ценным бумагам (КЦБ) КНР применил особый подход к ПФБ и в части регулирования первичного рынка акций. Так, если на 2 основных биржах во 2-й половине 2023 г. в стремлении поддержать уровень котировок регулятор фактически ввел мораторий на новые размещения акций, в частности, были отложены крупнейшие IPO (например, агрохимического гиганта *Syngenta Group* на 65 млрд юаней), то на ПФБ IPO, напротив, поощрялись.

Несмотря на это, в 2023 г. стоимостные показатели рынка IPO на ПФБ стали на 14% ниже, чем в 2022 г. По данным Блумберг, в 2023 г. на биржу вышли 74 компании, разместив акции на 13,7 млрд юаней (\$1,9 млрд). В то же время падение объемов IPO на главных площадках было куда более масштаб-

¹³ <https://rg.ru/2022/12/19/finansy-rabotaiut.html> (accessed 02.07.2024)

¹⁴ <https://scmp.com/business/china-business/article/3245208/us17-billion-surge-beijing-stock-exchanges-star-rises-year-misery-hong-kong-shanghai-shenzhen> (accessed 08.07.2024)

¹⁵ <https://russian.news.cn/20230127/dc4a1cbcc7bd4698b69a1c4ec20d96e3/c.html> (accessed 05.07.2024)

¹⁶ https://russian.beijing.gov.cn/latest/news/202311/t20231127_3309977.html (accessed 03.07.2024)

ным: ШФБ – 48%, ШЧФБ – 31%. В целом рынок IPO материкового Китая сократился на 41% – до 350 млрд юаней (\$48,6 млрд). На Гонконгской фондовой бирже показатель обрушился на 56% – до \$5,6 млрд¹⁷.

Еще в 2022 г. китайский первичный рынок акций был крупнейшим в мире с общим объемом проведенных IPO в \$57 млрд. Весомую долю в этом показателе составили крупнейшие китайские корпорации, покинувшие фондовые биржи в США и получившие листинг на отечественных биржевых площадках (*China Mobile* – \$8,6 млрд, *CNOOC* – \$5 млрд и др.) [3].

В конце 2023 г. администрация ПФБ ввела негласный запрет для крупных акционеров (владеющих 5% акций компании и более) на свободную продажу акций ввиду опасений, что мажоритарные акционеры захотят продать свои пакеты на растущем рынке и зафиксировать прибыль и тем самым обрушат индекс и прервут наметившийся восходящий тренд. С точки зрения формальной процедуры для осуществления такой продажи акционеры направляют публичные заявки в адрес администрации биржи, которая в настоящее время систематически их отклоняет ввиду вышеуказанного запрета.

Таким образом проявляется специфическая сущность китайской модели регулирования рынка ценных бумаг, сочетающая в себе рыночные и административные механизмы. Последние, в свою очередь, подразделяются на официальные и негласные распоряжения (устные директивы и рекомендации – т.н. «руководство по окну»)¹⁸.

РЫНОК ОБЛИГАЦИЙ

К настоящему времени на ПФБ сформирована инфраструктура по торговле облигациями, включающая 10 категорий ценных бумаг, в т.ч. облигации центрального и местных правительств, корпоративные бумаги, облигации для поддержки научно-технических инноваций и «зеленых» проектов¹⁹.

Начиная с сентября 2022 г. биржа осуществляет активную эмиссионную деятельность на рынке государственных облигаций Китая. Так, к концу 2022 г. общий объем эмиссии составил 167,8 млрд юаней, в т.ч. казначейских облигаций – 110,4 млрд (\$15,5 млрд), облигаций местных правительств – 57,4 млрд юаней²⁰.

В феврале 2023 г. на ПФБ были выпущены правительственные облигации на сумму 223,6 млрд юаней, в т.ч. казначейские облигации – на 148 млрд юаней, облигации местных правительств – на 75,6 млрд. Общий объем эмиссии гособлигаций на бирже достиг 1,4 трлн (\$206,4 млрд), в т.ч. казначейских облигаций – 1,2 трлн, облигаций местных правительств – 243,1 млрд юаней²¹.

В январе – феврале 2024 г. ПФБ произвела эмиссию казначейских облигаций на сумму 673 млрд юаней (\$94,8 млрд) и облигаций местных органов власти стоимостью около 50 млрд.

В январе 2024 г. на ПФБ начались торги корпоративными облигациями. В 1-й день торгов на рынок вышли долговые инструменты 3 китайских компаний общей стоимостью 2,5 млрд юаней.

ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Несмотря на внушительный рост котировок, начиная с конца 2023 г., по оценкам инвестиционных аналитиков, акции на ПФБ всё еще существенно недооценены в сравнении с другими биржевыми площадками, что обеспечивает потенциал для дальнейшей положительной динамики. Так, усредненный коэффициент Р/Е (соотношение рыночной цены 1 акции к прибыли компании в расчете на 1 акцию) для листинговых компаний ПФБ составляет 22, в то время как на рынке *Star Market* Шанхайской фондовой биржи он равен 39, на площадке *ChiNext* Шэньчжэньской фондовой биржи – 32²².

¹⁷ <https://scmp.com/business/china-business/article/3246394/beijing-exchanges-ipo-volumes-weather-chinas-stock-market-storm-investors-bet-policy-tailwinds> (accessed 04.07.2024)

¹⁸ <https://www.reuters.com/world/china/beijing-stock-exchange-tells-major-shareholders-refrain-selling-sources-2023-11-27/> (accessed 08.07.2024)

¹⁹ <https://bigasia.ru/pekinskaya-fondovaya-birzha-nachala-novyj-etap-razvitiya/> (accessed 02.07.2024)

²⁰ <https://quote.rbc.ru/news/article/656484799a794744ff60e749?from=copy> (accessed 06.07.2024)

²¹ <https://russian.news.cn/20230302/e5562413710b452ea14aefb45635f9d6/c.html> (accessed 04.07.2024)

²² <https://scmp.com/business/china-business/article/3245208/us-17-billion-surge-beijing-stock-exchanges-star-rises-year-misery-hong-kong-shanghai-shenzhen> (accessed 05.07.2024)

В оценках перспектив новой биржи также необходимо учитывать, что инвестиционная привлекательность китайских публичных компаний – одна из самых высоких в мире. Этот тезис, в частности, подтверждается расчетами ряда авторов (см., например: [8]).

1 сентября 2023 г. КЦБ КНР опубликовал «Руководство по высококачественному развитию Пекинской фондовой биржи», которым предусмотрены следующие цели и задачи:

- повышение транзакционной активности за счет улучшения биржевого торгового механизма;
- формирование ядра высококачественных листинговых компаний, способных поддерживать глубину и ликвидность рынка, демонстрировать преимущества биржи и тем самым популяризировать её;
- увеличение размера рынка, его эффективности, качества и активности в период 3–5 лет;
- превращение биржи в рынок зрелых инвесторов и полноценный финансовый центр в период 5–10 лет²³.

Также регулятор анонсировал, что в ближайшее время листинговые компании ПФБ будут включены в расчет 1 из индексов серии *China Stock Indices*, что призвано способствовать привлечению на биржу институциональных инвесторов и созданию ими финансовых инструментов на базе индекса.

В октябре 2023 г. КЦБ КНР опубликовал регулятивный акт, в соответствии с которым отдельным листинговым компаниям на ПФБ может быть разрешен перенос листинга на Шанхайскую или Шэньчжэньскую биржи. Подобный переход уже был одобрен 3 компаниям, заявки еще 9 компаний находятся на рассмотрении с высокими шансами на положительный результат.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог – есть основания предположить, что колоссальный размер сектора МСП в Китае, его стратегическая роль и решающий вклад в экономический рост страны, стимулирующие меры правительства по его развитию в национальном масштабе, преференциальное регулирование ПФБ со стороны КЦБ КНР – все это в обозримой перспективе будет способствовать превращению Пекинской фондовой биржи в один из ключевых каналов небанковского финансирования малого и среднего бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Чжао К. Первичное размещение акций высокотехнологичных компаний на Шанхайской фондовой бирже. *Цифровая экономика, умные инновации и технологии. Сборник трудов Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции с зарубежным участием. СПб.* 18–20 апреля 2021. С. 496–498. DOI: 10.18720/IEP/2021.1/159
Zhao K. 2021. IPO of high-tech companies in the Shanghai stock exchange. *Digital economy, smart innovations and technologies. Materials of the National (All-Russian) scientific and practical conference with foreign participation. Saint Petersburg.* Pp. 496–498. (In Russ.). DOI: 10.18720/IEP/2021.1/159
2. Вахрушин И.В. Фондовый рынок КНР. М.: ИДВ РАН, 2013, 336 с.
Vakhrushin I.V. 2013. China's stock market. Moscow. 336 p. (In Russ.)
3. Кравцова Н.И., Сюэчэн Ц. Инвестиционная привлекательность акций китайских эмитентов в условиях трансформации мировых экономических отношений. *Управленческий учет.* 2022, № 12–4, с. 1076–1082. DOI: 10.25806/uu12-420221076-1082
Kravtsova N.I. Xuechen Q. 2022. Investment attractiveness of Chinese issuers' shares in the context of the transformation of world economic relations. *Managerial accounting.* № 12–4. Saratov. (In Russ.). DOI: 10.25806/uu12-420221076-1082
4. Кравцова Н.И., Цинь С. Особенности развития и регулирования фондового рынка Китая. *Финансовая экономика.* 2022, № 7, с. 72–74.
Kravtsova N.I., Qin X.Ch. 2022. Features of the development and regulation of the stock market of China. *Financial economics.* № 7. Moscow. (In Russ.)
5. Вахрушин И.В. Построение многоуровневого фондового рынка в Китае. *Финансовая аналитика: проблемы и решения.* 2013, № 8(146), с. 50–58.
Vakhrushin I.V. 2013. Forming a multi-level stock market in China. *Financial analytics: problems and solutions.* № 8(146). Moscow. (In Russ.)

²³ https://russian.beijing.gov.cn/latest/news/202402/t20240219_3565255.html (accessed 03.07.2024)

6. Цинь С. Влияние деглобализации на инвестиционную привлекательность акций китайских эмитентов. *Эпомен: экономические науки*. 2022, № 1, с. 262–266.
Qin X. 2022. The impact of deglobalization on the investment attractiveness of shares of Chinese issuers. *Epomen: economic sciences*. № 1. Krasnodar. (In Russ.)
7. Колдаева Ю.В. Юрченко А.А. Развитие фондового рынка Китая. *Актуальные вопросы современной экономики*. 2023, № 6, с. 391–399. DOI: 10.34755/IROK.2023.25.53.027
Koldaeva Yu.V. Yurchenko A.A. 2023. Development of the Chinese stock market. *Current issues of the modern economy*. № 6. Mahachkala. (In Russ.). DOI: 10.34755/IROK.2023.25.53.027
8. Текутьев В.Е. Сравнительная оценка инвестиционной привлекательности инновационных компаний в условиях нестабильной внешней среды и деглобализации. *Сибирская финансовая школа*. 2019, № 2 (133), с. 92–94.
Tekutyev V.Ye. 2019. Comparative assessment of investment attractiveness of the innovative companies in the conditions of the unstable external environment and deglobalization. *Siberian Financial School*. № 2 (133). Novosibirsk. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Вахрушин Иван Владимирович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия.

Ivan V. Vakhrushin, PhD (Economics), Senior Researcher, Center for Asia Pacific Studies, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 10.07.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 18.10.2024

Принята к публикации
(Accepted) 06.11.2024

Перспективы роста экономики Танзании за счет членства в ВАС и САДК

© Глухов Я.А.^а, 2024

^а Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-6356-2447; yaroslav.glukhov@inafr.ru

Резюме. Статья посвящена изучению экономических эффектов множественного членства Танзании в общем рынке Восточноафриканского сообщества (ВАС) и зоне свободной торговли Сообщества развития Юга Африки (САДК). В последние два-три десятилетия на Африканском континенте интенсифицировались процессы региональной интеграции, которые стали важной компонентой экономического развития стран.

Географическая и товарная структура танзанийской внешней торговли за первые два десятилетия XXI в. значительно изменилась: укрепились позиции стран Восточной Африки за счет интеграции в рамках ВАС и быстро развивающихся азиатских экономик, ослабли торговые потоки с бывшими метрополиями, диверсифицировалась торговля с югом континента в рамках САДК.

Ключевые слова: Танзания, ВАС, САДК, региональная экономическая интеграция, множественное членство, экономические эффекты, эффекты создания и отклонения торговли

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Для цитирования: Глухов Я.А. Перспективы роста экономики Танзании за счет членства в ВАС и САДК. *Азия и Африка сегодня*. 2025. № 12. С. 42–48. DOI: 10.31857/S0321507524120057

Tanzania's Economic Growth Prospects through EAC and SADC Membership

© Yaroslav A. Glukhov^a, 2024

^a Institute for African Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-6356-2447; yaroslav.glukhov@inafr.ru

Abstract. The article examines the economic effects of Tanzania's multiple membership in the East African Community (EAC) common market and the Southern African Development Community (SADC) free trade area. Over the past two or three decades, regional integration processes have intensified on the African continent, which have become an important component of the economic development of countries.

Geographical and commodity structure of Tanzanian foreign trade in the first two decades of the 21st century has changed significantly: the position of the countries of East Africa has strengthened due to integration within the EAC and rapidly developing Asian economies, trade flows with the former metropolitan countries have weakened, trade with the south of the continent has diversified within the SADC.

Keywords: Tanzania, EAC, SADC, regional economic integration, multiple membership, economic effects, trade creation and diversion effects

Acknowledgement. This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development № 075-15-2024-551 "Global and regional centers of power in the emerging world order".

For citation: Glukhov Y.A. Tanzania's Economic Growth Prospects through EAC and SADC Membership. *Asia and Africa today*. 2024. № 12. Pp. 42–48. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507524120057

ВВЕДЕНИЕ

Танзания на протяжении более чем 60 лет независимости проявляла активность в инициативах по региональной и континентальной интеграции Африки, осознавая, что для экономического роста необ-

ходима консолидация усилий молодых и нестабильных экономик Тропической Африки. На рубеже XX–XXI вв. начался новый, более интенсивный этап регионального сотрудничества на континенте, в котором Танзания заняла активную позицию, став сооснователем нескольких экономических блоков.

На сегодняшний день государство входит в общий рынок Восточноафриканского сообщества (ВАС) и зону свободной торговли Сообщества развития Юга Африки (САДК), тем самым Танзания находится в ситуации множественного членства в разных региональных объединениях.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧЛЕНСТВО

Термин «интеграция» был впервые упомянут в 1620 г. в Оксфордском словаре и толковался как «объединение частей в целое», он же, обозначающий учение об интеграции, используется на протяжении последних 100 лет: в начале XX в. в Германии проводили исследования экономисты Х.Кельзен, Р.Шмед и Д.Шиндлер, определяющие интеграцию как «объединение людей, особенно государств, в некую социально-политическую общность» [1]. На рубеже 1930–1940-х гг., по мнению американского экономиста Ф.Махлупа, данный термин стал использоваться для описания практически всех явлений, характеризующих международные экономические отношения [2, р. 62]. Континентальная и региональная интеграция Африки имеет более чем 100-летнюю историю: первый этап приходится на колониальный период; второй – на разгар деколонизации в 1960-х гг.; третий – на рубеж XX–XXI вв.

Говоря о членстве государств в нескольких интеграционных объединениях, ученые используют следующую терминологию: англоязычные исследователи пишут о «перекрестном, накладывающемся, дублированном членстве» (*overlapping membership*), реже встречается термин «множественное членство» (*multi-membership, multiple membership*). В отечественной науке нет устоявшегося термина, более того, данному экономическому феномену уделяется меньше внимания, чем проблемам интеграции в целом. Поскольку важно подчеркнуть разнообразие межгосударственных организаций и выбор национальных властей, необходимо использовать понятие «множественное членство» как статус государства, которое одновременно является членом двух и более межгосударственных объединений.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТАНЗАНИИ В XXI в.

Экономика Объединенной Республики Танзания имеет аграрно-сырьевой характер, промышленность представлена в основном предприятиями по переработке продукции сельского хозяйства [3, с. 86–90]. Экономической дипломатии и стремлению африканских государств к суверенитету большое внимание уделяется во внешней политике Танзании, фундаментальные принципы которой были разработаны в середине 1960-х гг. в годы правления первого президента страны Дж.Ньерере [4, с. 667–677].

Макроэкономические показатели Танзании в 2022 г. так характеризуют государство в Африке: 13-е место по площади территории (945,1 тыс. км²); 5-е по численности населения (65,2 млн чел.); 10-е по ВВП в текущих ценах (\$74,1 млрд); 31-е место по ВВП в текущих ценах на душу населения (\$1205).

С начала века численность населения увеличилась в 2 раза: с 33,4 до 65,2 млн чел., что в дополнение к модернизации объясняет рост ВВП страны, а также является весомой причиной увеличивающегося спроса на многие категории товаров и услуг, особенно широкого потребления. С экономической точки зрения это является как преимуществом Танзании, в которой стремительно увеличивается доля трудоспособного населения, так и вызовом, связанным с необходимостью структурных изменений в экономике страны для преодоления безработицы и др. негативных эффектов.

За 20 лет ВВП вырос почти в 6 раз (с \$12,6 млрд до \$74,1 млрд); подушевой ВВП – в 3 раза (с \$377 до \$1205). Динамика темпов экономического роста крайне волатильна, что вскрывает проблемы, с которыми сталкивается неустойчивая экономическая система Танзании, в большой степени зависящая от внешней конъюнктуры.

Внешняя торговля Танзании в XXI в. выросла с \$2,5 млрд (2001) до \$22,5 млрд (2022), характерно отрицательное сальдо торгового баланса: около 1/3 приходится на экспорт, 2/3 – на импорт. Экспорт вырос с \$768,3 млн до \$6,8 млрд, значительно изменилась географическая структура: в 2001 г. наибольшее значение имели внерегиональные партнеры (страны Европы, Индия, Япония, США), в 2022 г. 6 из 10 крупнейших партнеров – страны Африки (ЮАР, Кения, ДР Конго, Уганда, Руанда, Бурунди). Импорт вырос с \$1,7 млрд до \$15,7 млрд, более половины объема торговли приходится на Китай, ОАЭ и Индию, что доказывает расширение экономического влияния быстроразвивающихся и технологически трансформирующихся государств Азии [5, с. 135–153] на африканский рынок.

Внешняя торговля Танзании со странами Африки выросла с \$437,3 млн до \$4,3 млрд и составляет 1/5–1/4 часть внешнеторгового оборота страны. Экспорт вырос с \$86,5 млн до \$2,6 млрд, импорт – с \$350,8 млн до \$1,6 млрд.

На Африканском континенте в конце XX в. начался новый, более интенсивный этап экономической интеграции [6, с. 24–39], в которую Танзания активно вовлекалась, выступая государством-учредителем трех блоков: Сообщества развития Юга Африки (САДК)¹ (с 1992 г.), Общего рынка Восточной и Южной Африки (КОМЕСА)² (1994–2000 гг.), Восточноафриканского сообщества (ВАС)³ (с 1999 г.). На рубеже веков встал стратегический выбор между группировками, цели и задачи которых противоречат друг другу. Танзания не смогла бы быть членом двух таможенных союзов, а впоследствии – двух общих рынков (ВАС и КОМЕСА), поскольку это экономически невозможно. В итоге ставка была сделана на ВАС и САДК как на менее пересекающиеся по целям и задачам региональные сообщества с учетом сочетания убытков от тарифных льгот и увеличения административных расходов [7].

ЭФФЕКТЫ СОЗДАНИЯ И ОТКЛОНЕНИЯ ТОРГОВЛИ

Говоря об оценке влияния множественного членства государства в интеграционных объединениях, необходимо рассчитать экономические эффекты – конечные результаты, полученные от проведения соответствующей политики и реализации мер и действий в этом направлении [8, с. 120–137]. Экономические эффекты представляют собой дополнительный доход, получаемый от экономической интеграции стран, который может выражаться в увеличении ВВП, внешнеторгового оборота, прямых иностранных инвестиций и т.д.

Формирование интеграционных блоков влечет за собой появление двух статических эффектов: создания и отклонения торговли. Они были подробно изучены Дж.Винером [9, с. 696–705] на основе показателя фактической эластичности по доходам спроса на импорт [10, р. 304]. Эффект создания торговли проявляется в росте импорта из стран – членов интеграционной группировки в результате отмены ввозных пошлин, он наблюдается при росте величины данного показателя [11, с. 45–48]. Эффект отклонения торговли возникает в случае смещения товаропотоков с третьих стран на страны – члены блока также в результате отмены ввозных пошлин, он наблюдается при снижении величины данного показателя [12, с. 118–124].

Более высокая частота проявления эффекта создания торговли по сравнению с эффектом её отклонения говорит о высокой степени торговой интеграции, обратное соотношение эффектов – о низкой степени торговой интеграции в рамках блока [13, с. 120–141].

Статистическая база данной работы основана на отчетах *Trade Map ITC*⁴ – агентства по техническому сотрудничеству Конференции ООН по торговле и развитию, ВТО. Агентство предоставляет данные за 2001–2022 гг. по товарообороту между государствами и международными организациями, а также товарной структуре экспорта и импорта. Статистические данные о ВВП (в текущих ценах) и численности населения основываются на отчетах МВФ, самый свежий из которых опубликован в апреле 2024 г.⁵

Сравнивая внутрирегиональный импорт Танзании в ВАС и в САДК, можно увидеть различия (см. табл.). В 2002 г. каждый 1% роста ВВП приводил к увеличению импорта Танзании из ВАС на 2,14% и на 0,47% из третьих стран – это свидетельствует об эффекте создания торговли. В последующие годы значения эластичности спроса чередовались, однако в среднем за 20 лет выявляется эффект создания торговли (ВАС – 4,34%; третьи страны – 2,91%), который на протяжении десятилетий демонстрирует укрепление. Это говорит о высокой степени торговой интеграции в рамках ВАС и выгоды членства Танзании в данном интеграционном объединении. В то же время в САДК за 20 лет в среднем отмечается эффект отклонения торговли (САДК – 2,47%; третьи страны – 3,04%). В первые 10 лет рост импорта из САДК и из третьих стран зачастую был близок, с небольшим преимуществом в отношении рынка САДК, однако отклонение торговли в последующие годы, в первую очередь за счет экономического сближения ВАС, усилилось.

¹ САДК. <http://www.sadc.int/> (accessed 01.05.2024)

² КОМЕСА. <https://www.comesa.int/> (accessed 06.05.2024)

³ ВАС. <https://www.eac.int/> (accessed 12.05.2024)

⁴ Trade Map ITC. <https://www.trademap.org/> (accessed 02.05.2024)

⁵ IMF. World Economic Outlook Database, April 2024. <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April> (accessed 08.05.2024)

Таблица. Значения фактической эластичности по доходам спроса Танзании на импорт из ВАС и САДК (2002–2022 гг.)

Table. Values of actual income elasticity of demand for imports in Tanzania from EAC and SADC (2002–2022)

Год	Импорт из стран ВАС	Импорт не из стран ВАС	Импорт из стран САДК	Импорт не из стран САДК
2002	2,14	0,47	1,37	0,45
2006	2,06	3,19	3,26	3,11
2010	0,93	2,43	1,71	2,38
2014	5,09	0,14	2,57	0,33
2018	3,34	3,45	0,31	3,69
2022	0,29	3,80	1,92	3,77

Источник: Trade Map ITC...; IMF. World Economic Outlook Database, April 2024...

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ ЧЛЕНСТВА ТАНЗАНИИ В ВАС

История Танзании и восточноафриканской интеграции насчитывает почти сто лет. Между колониальными владениями Британской империи на востоке континента – Кенией и Угандой – в начале XX в. стали формироваться прочные экономические связи, институционализированные в 1917 г. в виде Таможенного союза, к которому в 1927 г. присоединилась Танганьика, колония, перешедшая Британии по итогам Первой мировой войны от Германии [14, с. 40–46]. После обретения независимости три новых африканских государства в 1967 г. создали первое ВАС, просуществовавшее 10 лет. Возрождение сообщества началось в 1990-е гг., год его основания – 1999.

Сегодня ВАС – общий рынок Бурунди, ДРК, Кении, Руанды, Сомали, Танзании, Уганды и Южного Судана. Площадь территории ВАС составляет 5,4 млн км², численность населения – 308,9 млн чел. (2022).

Цель заключается в достижении максимального сближения по экономическим и политическим вопросам. ВАС является единственным интеграционным объединением в мире, которое четко заявляет конечную цель как формирование политической федерации, слияние его членов в единое государство [15, pp. 11–26]. ВАС находится в процессе создания валютного союза, рассматривает инфраструктуру как важный фактор интеграции в торговле, сельском хозяйстве и передвижении рабочей силы. В основе функционирования лежит принцип «четырёх свобод»: практически либерализована торговля товарами; идет либерализация торговли услугами; в рамках рынка капитала разработан план создания свободной инвестиционной зоны; в рамках рынка человеческих ресурсов введен паспорт ВАС.

В современном этапе истории ВАС можно выделить следующие экономические события: 1999 г. – основание ВАС Танзанией, Кенией и Угандой; 2004–2005 гг. – создание таможенного союза (с пятилетним переходным периодом); 2009–2010 гг. – создание общего рынка и вступление в силу полноценного таможенного союза; 2013 г. – протокол о создании валютного союза, так и не вступивший в силу. В сообществе произошло четыре расширения: 2007 г. – присоединение Руанды и Бурунди; 2016 г. – Южного Судана; 2022 г. – ДРК; 2023–2024 гг. – Сомали. В последние годы сообщество значительно приросло новыми странами-членами, которые отстают по уровню социально-экономического развития от стран «ядра» сообщества [16, с. 50–62.].

Внешнеторговый оборот Танзании и ВАС с начала века вырос с \$165,3 млн (2001) почти до \$2 млрд (2022), экспорт стал превышать импорт, особенно в кризисные периоды, что говорит об экспортоориентированной экономике Танзании. Это составило 5,6–11,2% внешней торговли страны (7,5–21,4% экспорта и 1,9–6,2% импорта) и 27,3–51,4% торговли на африканском рынке (31,3–66,6% экспорта и 13,2–46,2% импорта). Основные экспортные позиции – рис, кукуруза, сорго; цемент, магнезит, известь, соль; газы нефтяные и углеводороды, каменный уголь, вазелин нефтяной; удобрения; черные металлы (преимущественно железо); импортные позиции – черные металлы (преимущественно железо); мыло и моющие средства; тракторы, моторные транспортные средства, прицепы; фармацевтическая продукция; сахар и кондитерские изделия; пластмассы.

Кения выступает наиболее значимым торговым партнером Танзании в ВАС, на неё приходилось более 70% импорта, экспорт же колебался в разные годы от 24–40% до 66–73% в связи с ухудшением отношений при президенте Дж.Магуфули (2015–2021) и реализацией при нём протекционистских

мер в Танзании [17]. В денежном выражении двусторонняя кенийско-танзанийская торговля выросла с \$134,1 млн (2001) до \$808,3 млн (2022), пик пришелся на 2014–2015 гг., когда торговля превысила \$1 млрд. Экспорт Танзании в Кению увеличился с \$38,1 млн (2001) до \$381,7 млн (2022), пик составил \$793,9 млн (2015). Импорт в Танзанию из Кении возрос с \$96 млн (2001) до \$426,6 млн (2022). В танзанийском экспорте многие государства ВАС являются партнерами-лидерами, в импорте – только Уганда.

В Танзании более чем за два десятилетия членства в ВАС значительно трансформировались внешне-торговые потоки – укрепили позиции страны – члены ВАС, особенно с 2010 г., когда был сформирован общий рынок в рамках сообщества. Однако наблюдалась существенная волатильность по объемам экспорта и импорта.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ ЧЛЕНСТВА ТАНЗАНИИ В САДК

Танзания и другие 8 стран субсахарской Африки стояли у истоков создания Координационной конференции развития Юга Африки (САДКК) в 1980 г., преобразованной в 1992 г. в Сообщество развития Юга Африки (САДК). Площадь территории САДК составляет 9,9 млн км², численность населения – 385,3 млн чел. (2022).

Сейчас это зона свободной торговли Анголы, Ботсваны, ДР Конго, Замбии, Зимбабве, Коморских островов, Лесото, Маврикия, Мадагаскара, Малави, Мозамбика, Намибии, Сейшельских островов, Танзании, Эсватини и ЮАР, в рамках которой устраняются торговые барьеры с сохранением независимой торговой политики в отношении третьих стран. Цель САДК – либерализация торговых связей, развитие социально-экономического сотрудничества и обеспечение безопасности.

В истории САДК произошли 4 расширения: 1994 г. – присоединение постапартеидной ЮАР, изначально сообщество формировалось для противостояния режиму апартеида, а после его демонтажа ЮАР стала ядром интеграционного сообщества [18, с. 34–50.]; 1995 г. – Маврикия; 1998 г. – ДРК и Сейшельских Островов; 2018 г. – Коморских Островов. В 2020 г. принята стратегия «Видение САДК 2050»⁶.

Внешнеторговый оборот Танзании и САДК с начала века вырос с \$258,1 млн (2001) до \$2,2 млрд (2022), в первое десятилетие импорт (2/3) превышал экспорт (1/3), с 2011 г. – наоборот, поскольку наблюдается тенденция увеличения экспорта из Танзании. На торговлю с сообществом приходится 9,2–17,4% внешней торговли страны (3,8–28,4% экспорта и 4,5–14,5% импорта) и 52,1–74,6% торговли на африканском рынке (33,4–78,8% экспорта и 48,8–81,6% импорта). Основные экспортные позиции – золото; кофе и чай; керамические изделия; одежда; пластмассы; импортные позиции – черные металлы (преимущественно железо); моторные транспортные средства, тракторы, прицепы; оборудование и механические устройства; эфирные масла и резиноиды, парфюмерные, косметические вещества.

ЮАР выступает наиболее значимым торговым партнером Танзании в САДК [19, с. 131–132.], на неё приходилось 70–90% импорта и 60–70% экспорта. В денежном выражении двусторонняя танзанийско-южноафриканская торговля выросла с \$211,9 млн (2001) до \$1,5 млрд (2022), пик пришелся на 2012 г., когда объем торговли превысил \$1,9 млрд. Экспорт Танзании в ЮАР увеличился с \$8,7 млн (2001) до \$929,6 млн (2022), пик составил \$1,1 млрд (2020). Импорт в Танзанию из ЮАР возрос с \$203,2 млн (2001) до \$548,9 млн (2022). В танзанийском экспорте Замбия, Малави, а также ДРК (одновременно член ВАС) являются партнерами-лидерами, в импорте – Замбия и Эсватини, однако на всех этих партнеров приходилась небольшая доля товарооборота, по сравнению с ЮАР.

Это означает более низкую степень торговой интеграции Танзании в рамках САДК, при этом государство также извлекает выгоды по двум причинам:

- 1) доступ на крупный и наиболее стабильный в экономическом и политическом плане региональный рынок Африки;
- 2) использование танзанийских портов для импорта продукции стран САДК, не имеющих выхода к морю.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Множественное членство стран Африки в региональных экономических объединениях ставит власти многих из них перед стратегическим выбором – где выгоднее? Танзания, имеющая давнюю исто-

⁶ SADC Vision 2050. https://www.sadc.int/SADC_Vision_2050.pdf (accessed 26.05.2024)

рию регионального сотрудничества, выбрала членство в ВАС и САДК как внешние стимулы для обеспечения экономического роста, модернизации хозяйства и укрепления суверенитета.

Интеграция с ВАС означает для Танзании существенное расширение рынка для экспорта, что позитивно сказывается на развитии страны, а также взаимопереплетение национальных хозяйств с хозяйствами соседних государств, укрепление политических институтов. Важна и возросшая нагрузка на инфраструктуру, поскольку страны ВАС, не имеющие выхода к морю, благодаря минимизированным барьерам используют танзанийские порты. Помимо этого, за счет взаимовыгодной торговли Танзания укрепляет свои геополитические позиции как одного из региональных лидеров, наряду с Кенией. Именно трек сотрудничества в рамках ВАС является приоритетным, на него, видимо, Танзания будет опираться и в будущем, в т.ч. используя институты ВАС как инструмент внеконтинентальной торговли. По результатам расчетов (табл. 1) это подтверждается преобладанием эффекта создания торговли над её отклонением в течение первых десятилетий XXI в.

Экономическое сближение в рамках САДК, во-первых, означает для Танзании расширение потребительского потенциала, пусть и с большими ограничениями, чем на рынке ВАС; а во-вторых, способствует углублению всесторонней работы с ЮАР – самым крупным торговым партнером страны. Одна из статей доходов Танзании – транзит через её территорию товаров из САДК, объемы производства которого высоки. Произведенные расчеты экономических эффектов демонстрируют преобладание эффекта отклонения торговли над её созданием, преимущественно в пользу общего рынка ВАС, что в целом закономерно. Однако, несмотря на не столь видимую экономическую эффективность, Танзания использует механизмы САДК как дополнительный инструмент диверсификации внешних стимулов развития национального хозяйства.

Танзания занимает выгодную позицию в региональной интеграции государств Африки. Извлекая выгоды из членства в ВАС и САДК, поддерживает развитие собственной экономики, в т.ч. за счет упорядочивания участия в цепочках создания стоимости, многие из которых начинаются в странах Африки. Однако на этом пути возникают проблемы административного и политического характера, от решения которых зависят дальнейшие результаты.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Онгоро Т.Н. Международная экономическая интеграция: эволюция и границы понятия. *Проблемы современной экономики*. 2008. № 3. <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2162> (accessed 01.05.2024)
Ongoro T.N. 2008. International economic integration: evolution and boundaries of the concept. *Problems of modern economics*. № 3. (In Russ.). <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2162> (accessed 01.05.2024)
2. Machlup F. A History of Thought on Economic Integration. New York: Columbia univ. press, 1977. P. 62.
3. Шленская С.М. Объединённая Республика Танзания. М.: Институт Африки РАН, 2014.
Shlenskaya S.M. 2014. United Republic of Tanzania. Moscow. (In Russ.)
4. Апуули К.Ф. Африканский союз и поддержание мира в Африке: вызовы и возможности. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2020. № 4, с. 667–677. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-4-667-677
Apuuli K.P. 2020. The African Union and Peacekeeping in Africa: Challenges and Opportunities. *Vestnik RUDN. International Relations*. № 4. Pp. 667–677. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-4-667-677
5. Глухов Я.А., Иванова М.Б. Миграционные процессы и управление ими в странах Южной Азии на примере Индии, Бангладеш и Пакистана. *Вестник РУДН. Серия: Экономика*. 2024. № 1, с. 135–153. DOI: 10.22363/2313-2329-2024-32-1-135-153
Glukhov Y.A., Ivanova M.B. 2024. Migration processes and their management in South Asian countries on the example of India, Bangladesh and Pakistan. *RUDN Series: Economics*. № 1. Pp. 135–153. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313-2329-2024-32-1-135-153
6. Готтшалк К. Шесть десятилетий африканской интеграции: достижения и неудачи. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024. № 2, с. 24–39. DOI: 10.31 132/2412-5717-2024-67-2-24-39
Gottschalk K. 2024. Six Decades of African Integration: Achievements and Failures. *Journal of the Institute for African Studies*. № 2. Pp. 24–39. (In Russ.). DOI: 10.31 132/2412-5717-2024-67-2-24-39
7. Suleiman S.H. 2019. Why Tanzania Withdrawn Its Membership from the Common Market for Eastern and Southern Africa Comesa? *International Affairs and Global Strategy*. № 69. DOI: 10.7176/IAGS
8. Ушкалова Д.И. Экономические эффекты региональной интеграции: мифы и реальность. *Вестник Института экономики РАН*. 2017. № 4, с. 120–137.
Ushkalova D.I. 2017. Economic effects of regional integration: myths and reality. *The Bulletin of the Institute of Economics, Russian Academy of Sciences*. № 4. Pp. 120–137. (In Russ.)

9. Винер Я. Проблема таможенного союза. *Вехи экономической мысли*. Т. VI. Международная экономика. Под ред. А.П. Киреева. М.: ТЕИС, 2006. С. 696–705.
Viner J. 2006. The Problem of the Customs Union. *Milestones of Economic Thought*. Vol. VI. International Economics. Ed. by A.P. Kireev. Moscow. Pp. 696–705. (In Russ.)
10. Balassa B. The theory of economic integration. Homewood, Illinois, 1961. P. 304.
11. Байков А.А. Экономическая интеграция как мирополитическое явление. Очерк теории и методологии сравнительной оценки. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017. № 10, с. 45–48.
Baikov A.A. 2017. Economic integration as a world political phenomenon. Essay on the theory and methodology of comparative assessment. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. № 10. Pp. 45–48. (In Russ.)
12. Самосенок Л.Н. Типология эффектов региональной экономической интеграции. *Российское предпринимательство*. 2013. № 2, с. 118–124.
Samosenok L.N. 2013. Typology of the effects of regional economic integration. *Russian entrepreneurship*. № 2. Pp. 118–124. (In Russ.)
13. Демина Я.В. Эффекты торговой интеграции в странах АСЕАН. *Пространственная экономика*. 2015. № 3, с. 120–141. DOI: 10.14530/se.2015.3.120-141
Demina Y.V. 2015. Effects of Trade Integration in ASEAN Countries. *Spatial Economics*. № 3. Pp. 120–141. (In Russ.). DOI: 10.14530/se.2015.3.120-141
14. Турьинская Х.М. Союзу Танганьики и Занзибара – 60 лет. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 5. С. 40–46. DOI: 10.31857/S032150750030839-4
Turinskaya Kh.M. 2024. 60 Years of Union of Tanganyika and Zanzibar. *Asia and Africa today*. № 5. Pp. 40–46. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750030839-4
15. Kituyi M. 2012. The East African Community and the Quest for a Political Federation. In African Research and Resource Forum (ARRF). Research Networking and Regional Development Policy-Making in the East African Community (EAC). Nairobi: ARRF. Pp. 11–26.
16. Горохов С.А., Агафшин М.М., Дмитриев Р.В. Миграционный кризис в регионе Восточной Африки. *Восток (Oriens)*. 2023. № 1, с. 50–62. DOI: 10.31857/S086919080023788-3
Gorokhov S.A., Agafoshin M.M., Dmitriev R.V. 2023. Migration crisis in the East African region. *Vostok (Oriens)*. № 1. Pp. 50–62. (In Russ.). DOI: 10.31857/S086919080023788-3
17. Nnko E. Somalia in EAC: Another Blank Cheque Given to Somalia. *Modern Diplomacy*. 2024. <https://modern-diplomacy.eu/2024/02/16/somalia-in-eac-another-blank-cheque-given-to-somalia/> (accessed 26.05.2024)
18. Костюнина Г.М. Интеграционные процессы в Африке: история и современный этап. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2016. № 4, с. 34–50.
Kostyunina G.M. 2016. Integration processes in Africa: history and current stage. *Russian Foreign Economic Bulletin*. № 4. Pp. 34–50. (In Russ.)
19. Глухов Я.А., Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Интеграционные процессы в Африке: экономические аспекты. *Международная российско-танзанийская конференция «Место Африки в мире в прошлом и настоящем»: сборник тезисов*. Институт Африки РАН. 2024. С. 131–132.
Glukhov Y.A., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. 2024. Integration processes in Africa: economic aspects. *International Russian-Tanzanian conference “Africa's place in the world in the past and present”: Collection of abstracts*. Moscow. Pp. 131–132. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Глухов Ярослав Александрович, младший научный сотрудник, Центр глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Yaroslav A. Glukhov, Junior Researcher, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 03.09.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 09.10.2024

Принята к публикации
(Accepted) 17.11.2024

Вода – Африка

DOI: 10.31857/S0321507524120068

«Проблема воды» в бассейне реки Конго

© Денисова Т.С.^{a,b}, Костелянец С.В.^{a,c}, 2024

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b ORCID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com

^c ORCID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanyets@gmail.com

Резюме. В течение всего периода независимого развития стран Африканского континента населяющие его народы сталкивались со множеством политических и социально-экономических катаклизмов, к которым в последние десятилетия добавилась проблема дефицита воды. Несмотря на то, что Африка, прежде всего бассейн р. Конго, располагает богатыми водными ресурсами – полноводными реками, озерами, водно-болотными угодьями и грунтовыми водами, из-за отсутствия надлежащего управления ими и нехватки квалифицированных кадров и средств на создание адекватной водозаборной и водораспределительной инфраструктуры вопрос обеспечения населения питьевой водой встал во весь рост практически во всех государствах континента, в том числе в Демократической Республике Конго, 98% территории которой расположены в бассейне реки, занимающей по полноводности 2-е место в мире после Амазонки.

В статье дается характеристика гидрологических особенностей бассейна р. Конго и рассматриваются причины наблюдающегося в ДР Конго дефицита воды, оказывающего негативное влияние на развитие не только экономики и сферы предоставления государственных услуг, но и на состояние здоровья населения.

Ключевые слова: «проблема воды», бассейн р. Конго, Демократическая Республика Конго, управление водными ресурсами, водоснабжение, «гидродипломатия»

Благодарность. Статья подготовлена в рамках проекта «Проект “Чистая вода” как важнейшая составляющая сотрудничества РФ со странами Глобального Юга: социально-экономическое и технологическое измерения» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2024-546).

Для цитирования: Денисова Т.С., Костелянец С.В. «Проблема воды» в бассейне реки Конго. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 12. С. 49–57. DOI: 10.31857/S0321507524120068

The “Water Problem” in the Congo River Basin

© Tatyana S. Denisova^{a,b}, Sergey V. Kostelyanets^{a,c}, 2024

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^b ORCID: 0000-0001-6321-3503; tsden@hotmail.com

^c ORCID: 0000-0002-9983-9994; sergey.kostelyanyets@gmail.com

Abstract. Throughout the period of independent development of African nations, the peoples inhabiting them have been experiencing recurring political and socio-economic cataclysms, among which the problem of water scarcity has been gaining in prominence in recent decades. Despite the fact that Africa, especially the Congo River basin, possesses abundant water resources including full-flowing rivers, lakes, wetlands and groundwater, due to the lack of proper management and the shortage of qualified personnel and funds to develop adequate water intake and distribution infrastructure, the issue of providing the population with drinking water has become a major issue in almost all countries of the continent, including the Democratic Republic of the Congo, 98% of whose territory is located in this basin, which ranks second in the world in terms of the volume of discharge after the Amazon.

The present article provides a description of the hydrological features of the Congo River basin and discusses the causes of the water shortages observed in the DRC, which have a negative impact on the development of not only the country's economy and the provision of public services, but also on the health of the population. It is also noted that, unlike other regions of the continent, in the Congo basin there are no conflicts over access to water resources between the riparian states and, moreover, there is a permanent consensus among them on the issues of water use and recognition of the leading role of the DRC in their resolution.

Keywords: water problem, Congo River basin, Democratic Republic of the Congo, water resources management, water supply, hydrodiplomacy

Acknowledgement. This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development № 075-15-2024-546 “The ‘Clean Water’ project as the most important component of cooperation between the Russian Federation and the countries of the Global South: socio-economic and technological dimensions.”

For citation: Denisova T.S., Kostelyanets S.V. The “Water Problem” in the Congo River Basin. *Asia and Africa today*. 2024. № 12. Pp. 49–57. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507524120068

ВВЕДЕНИЕ

То, что наличие воды, прежде всего пресной, играет решающую роль в достижении целей социально-экономического развития африканских стран, не подлежит сомнению. Казалось бы, такой фактор, как «нехватка благословенной влаги», не может быть препятствием на пути развития именно Африки: континент располагает огромными водными ресурсами – длинными и глубокими реками (их 17), озерами (свыше 160 размером более 27 км²), обширными болотами и огромными запасами грунтовых вод (причем большая их часть находится в Центральной Африке – в бассейне р. Конго, т.е. в исследуемом регионе), однако устойчивость этих ресурсов не является чем-то само собой разумеющимся, поскольку им угрожают природные катаклизмы и человеческое вмешательство.

Среди природных факторов, влияющих на ситуацию с водообеспечением в странах Африки южнее Сахары, главным является пространственная и временная переменчивость климата и количества осадков, влекущая за собой истощение и высыхание некоторых водоемов, а также опустынивание. Между тем в бассейне Конго – в отличие от других регионов Африки – объем осадков остается достаточным для орошения пахотных земель и пополнения поверхностных источников пресной воды, но уровень её забора для трех главных видов потребления – в сельском хозяйстве, коммунальном водоснабжении и промышленности – является чрезвычайно низким – 3,8% возобновляемых ресурсов¹, что отражает крайнюю неэффективность их использования.

Человеческий фактор, влияющий на решение «проблемы воды» в Африке, имеет многовекторный характер. Это и ненадлежащее управление водными ресурсами, и бесхозяйственное их использование, и загрязнение, и бесконтрольная вырубка лесов, и неадекватное финансирование связанных с водоснабжением проектов и др. Всё это создает угрозы доступу к чистой воде для бытовых и промышленных нужд, обеспечению санитарии, продовольственной безопасности и в конечном итоге экономическому развитию.

БАССЕЙН РЕКИ КОНГО: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Бассейн р. Конго простирается почти на 2 тыс. км с запада на восток от Атлантического океана до водораздела Конго и Нила и примерно на такое же расстояние с севера на юг – от озера Чад до внутреннего плато Анголы – и имеет 2 климатических периода: сезон дождей с марта по ноябрь и сухой – с декабря по февраль.

Регион богат природными ресурсами: кроме воды, лесов и плодородных почв здесь находятся месторождения алмазов, золота, кобальта, нефти и множества других руд металлов и полезных ископаемых, добыча которых заметно влияет на состояние водоемов. Кроме того, бассейн представляет собой одну из наиболее уязвимых перед климатическими изменениями мировых экосистем².

Расположенный по обе стороны экватора – примерно с 8°с.ш. до 12°ю.ш. – бассейн р. Конго (её длина – 4700 км, 2-я после Нила в Африке и 5-я по длине в мире) является крупнейшим на континенте и 2-м по величине мировым водным резервуаром после бассейна Амазонки, что предопределяет его важность для сохранения мирового биоразнообразия и круговорота воды на планете. Ширина реки в некоторых местах достигает 11 км, а глубина на отдельных участках её течения превышает 228 м. Общий объем

¹ <https://afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Generic-Documents/african%20water%20vision%202025%20to%20be%20sent%20to%20wwf5.pdf> (accessed 14.09.2024)

² https://www.cms.int/sites/default/files/publication/fact_sheet_congo_basin_climate_change.pdf (accessed 14.09.2024)

водных ресурсов в бассейне Конго достигает 500 км³ (72% водных ресурсов континента [1, р. 4]), неравномерно распределяющихся по региону, площадь которого составляет 3,7 млн км². 63% водных ресурсов сосредоточены в самых южных суббассейнах притоков Конго – рек Касаи (220–228 км³) и Луалаба (109–169 км³) [2].

Примерно 62% бассейна находится в ДРК, 98% территории которой, можно сказать, «омываются» водами р. Конго и её притоков (2% принадлежат бассейну Нила)³. Бассейн Конго также охватывает части Центральноафриканской Республики (9% площади бассейна), Республики Конго (7%), Анголы (7%), Замбии (5%), Танзании (3%), Камеруна (2%) и менее 1% территорий Габона, Руанды, Бурунди и Экваториальной Гвинеи⁴. В регионе проживает более 120 млн человек, жизнеобеспечение которых напрямую зависит от доступа к водным ресурсам. Неустойчивый климат уже сказывается на размерах урожаев и обуславливает – в отдельных районах – снижение производительности в сельском хозяйстве. По данным ООН, касающимся выполнения Целей устойчивого развития на период до 2030 г., лишь 30% населения бассейна Конго имеют доступ к безопасной питьевой воде [1, р. 4].

Интересно, что, в отличие от «гидродипломатической» ситуации в бассейне, например, Нила, где ведутся постоянные споры за доступ к его ресурсам между Египтом, Суданом и Эфиопией, в бассейне Конго до сих пор не было зафиксировано ни одного – на фоне общей многолетней политической нестабильности – международного «гидроконфликта» (возможно, потому, что доля используемых ресурсов столь мала, что соперничество за их распределение не имеет никакого смысла).

Наряду с большим объемом воды, в значительной степени не потребляемым, «ресурсный спор» пресекается и географией региона: большая часть течения Конго находится на территории ДРК и здесь же выпадает наибольший объем осадков. Поэтому страна рассматривает реку как свою собственную и другие государства не имеют особых причин возражать, тем более что региональное водопользование регулярно обсуждается на встречах созданных здесь еще в 1999 г. межправительственных организаций – Центральноафриканской комиссии по использованию лесов (*Central African Forests Commission, COMIFAC*; члены – Бурунди, Камерун, Чад, ЦАР, ДРК, Экваториальная Гвинея, Габон, РК, Руанда, Сан-Томе и Принсипи) и Международной комиссии по бассейну Конго-Убанги-Санга (МКБКУС, *Congo-Oubangui-Sangha Basin International Commission, CICOS*; участники – Ангола, Габон, Камерун, ДРК, РК, ЦАР).

Эти организации осуществляют в целом согласованные действия в интересах всех государств-членов, хотя их деятельность (сбор информации о природно-климатических условиях, состоянии водных ресурсов, возможностях навигации и т.д.) осложняется нехваткой финансирования, квалифицированных кадров и требует западной донорской и спонсорской помощи⁵. Единственным предметом ожесточенных дискуссий является периодически возникающая идея перекачки воды из Конго в другие бассейны, но из-за технических сложностей эта идея пока только идеей и остается.

Третью часть бассейна расположена в Северном полушарии и две трети – в Южном, поэтому разлив рек на юге по времени совпадает со снижением уровня воды на севере и наоборот; таким образом балансируется режим стока на всем протяжении реки, что предотвращает масштабные наводнения (ежегодные локальные во время сезонного затопления притоков Конго стали обычным явлением), хотя и не всегда: глобальные климатические изменения повлияли и на прежде стабильный бассейн. Так, в январе 2024 г. река поднялась до самого высокого уровня (на 6,2 м выше уровня моря) за последние 60 лет, вызвав наводнение по всей ДРК и в РК, в результате которого погибли более 300 человек. При этом особенно пострадали Киншаса и Браззавиль, расположенные на противоположных берегах реки, которая затопила сотни тысяч домохозяйств и разрушила десятки тысяч домов. Впрочем, специалисты объясняют столь тяжелые последствия не столько климатическими катаклизмами, сколько неадекватной городской инфраструктурой⁶.

Большие размеры бассейна, испещренного многочисленными реками, притоками, протоками, озерами и болотами, обеспечивают всесезонную полноводность р. Конго, хотя её глубина, зависящая от строения дна, а не от водосбора, делает её несудоходной на отдельных участках.

³ https://winrock.org/wp-content/uploads/2021/08/DRC_Country_Profile_Final.pdf (accessed 14.09.2024)

⁴ https://www.cms.int/sites/default/files/publication/fact_sheet_congo_basin_climate_change.pdf (accessed 14.09.2024)

⁵ <https://artsakhlib.am/wp-content/uploads/2020/03/Bompongo-Nkombe-Adolin-The-Management-of-Congo-Water-Basin.pdf> (accessed 14.09.2024)

⁶ <https://www.reuters.com/world/africa/hundreds-dead-congo-river-basin-submerged-by-generational-floods-2024-01-11> (accessed 14.09.2024)

Средний расход⁷ р. Конго составляет 42 тыс. м³, а минимальный и максимальный – соответственно 23 тыс. м³ и 80 тыс. м³. Эти показатели, а также площадь бассейна наделяют реку статусом «самой полноводной» в Африке с годовым сбросом в 1 трлн м³ (в 10 раз больше, чем аналогичный показатель для Нила и в 5 раз больше, чем для Замбези [3]). Между тем ежегодный отток пресной воды в Атлантику (и, соответственно, её потери) достигают 1300–1900 млрд м³ (3,4% мирового стока в океаны [4]). По прогнозам, сток воды в бассейне в течение следующих двух десятилетий увеличится на 5%, к середине XXI в. – на 7% [5], а к 2100 г. – на 23–27%⁸. Именно это обстоятельство еще в 1970-е гг. породило распространившуюся тогда среди европейских и африканских ученых-гидрологов идею переброски – посредством искусственного канала – воды (причем всего 6–8% общего стока) из р. Конго в озеро Чад, начавшее уже в то время мелеть в результате климатических изменений и «наступления Сахары» [6]. Однако этот масштабный проект, реализация которого, безусловно, привела бы к решению многих связанных с дефицитом воды проблем государств Западной Африки и, прежде всего, зоны Сахеля, так и не был осуществлен из-за неготовности бывших метрополий его профинансировать [7].

В свою очередь, с 1980-х гг. мировое гидротехническое сообщество вынашивает планы объединения бассейна Конго с бассейнами Нила или Нигера, однако пока эти идеи остаются на уровне дискуссий, хотя они и побудили руководство ДРК более активно защищать свои интересы в рамках бассейнового сотрудничества [3].

Глобальное повышение температуры не обошло и бассейн Конго. Предполагается, что к концу XXI в. температура на его территории повысится на 2–4°C (впрочем, она будет ниже, чем, например, в Сахеле, где повышение температуры уже к 2050 г. ожидается на 3–5°C [8, р. 9]), в то время как объем осадков (в настоящее время в среднем до 1430 мм в год; для сравнения: на севере континента этот показатель составляет 71,4 мм) останется изменчивым, хотя вдоль экватора они выпадают регулярно в течение всего года. Нередко наблюдаются сильные грозы, длящиеся часами [2, р. 2].

Кроме изобилия водных ресурсов регион имеет и другую особенность: большая часть территории бассейна покрыта густыми тропическими лесами. Например, Центральный кювет (или «Центральный бассейн») является крупнейшим в мире тропическим торфяником – водно-болотными угодьями, занимающими 30% бассейна Конго. Их наличие имеет большое значение прежде всего в связи с тем, что они могут сохранять воду независимо от речного стока, т.е. имеют высокую водоудерживающую способность даже в засушливый сезон [9]. Именно водно-болотные угодья обеспечивают высокую продуктивность сельского хозяйства и пастбищ.

Следует отметить, однако, что много воды расходуется впустую. Например, средний уровень потери воды в городских районах достигает 50%. В свою очередь, до 70% воды, используемой для орошения, не выливается на сами угодья, а утрачивается по пути к ним. Столь высокие объемы потерь можно объяснить использованием неэффективных технологий и небрежным обслуживанием установленного оборудования. В результате ограниченные ресурсы, выделяемые на водоснабжение, идут не на расширение инфраструктуры, а на её восстановление и ремонт.

В отличие от других африканских речных бассейнов в районе Конго горнодобывающая индустрия представляет собой наиболее важную отрасль экономики и оказывает большое влияние на состояние водных ресурсов. Поверхностные воды имеют хорошее качество, однако бытовые и промышленные отходы вблизи городских центров и эксплуатирующихся месторождений полезных ископаемых, прежде всего в т.н. Медном поясе (Коппербелте), протянувшемся через Замбию в южную часть ДРК и в Анголу, загрязняют водоемы и увеличивают риск заболеваний, передающихся через воду.

Кустарная добыча золота на востоке страны также загрязняет и поверхностные, и грунтовые воды т.н. следовыми отложениями металлов. В отложениях рек, принимающих сточные воды, содержание меди, кобальта и свинца превышает международные нормы в 100–1000 раз [10]. Во многих реках и каналах около Киншасы также обнаруживаются следы металлов, вероятно из-за прибрежных свалок и промышленных стоков, сбрасываемых в реки.

Сельскохозяйственные стоки также загрязняют поверхностные воды, угрожая здоровью человека и биоразнообразию. Выращивание сахарного тростника увеличило загрязнение пестицидами и фунгици-

⁷ Расход – количество воды, протекающее через поперечное сечение реки за одну секунду, измеряется в м³/с (прим. авт.).

⁸ https://winrock.org/wp-content/uploads/2021/08/DRC_Country_Profile_Final.pdf (accessed 14.09.2024)

дами поверхностных вод около Киншасы, а также увеличило содержание органических веществ, фосфора и азота в водосборах вблизи озера Киву⁹.

В р. Конго содержится около трети пресноводных резервов всего континента, но, хотя в сельском хозяйстве занято более 70% населения бассейна, для орошения используются небольшие объемы воды – в основном для выращивания сахарного тростника и риса. Из-за неразвитой водной инфраструктуры все государства региона вынуждены полагаться на дождевое орошение, которого очевидно недостаточно, так как они являются чистыми импортерами зерна, кукурузы и риса [3].

Подземные воды в основном используются для бытовых нужд, но недостаточное число колодцев и скважин ограничивает их доступность, в то время как 90% жителей региона зависят от них для получения питьевой воды¹⁰. Центральные и северо-западные провинции страны, т.е. верховья Конго, в наибольшей степени вынуждены полагаться на незащищенные скважины, что делает грунтовые воды в тех районах более восприимчивыми к загрязнению.

Спрос на грунтовые воды также высок в городах, особенно в Киншасе, Лубумбаши и Матади, на которые приходится 79% распределительных сетей национальной коммунальной службы водоснабжения ДРК¹¹. Несмотря на обилие грунтовых вод, нищета, быстрый рост населения и конфликты ограничивают развитие инфраструктуры, поэтому поставки безопасной воды не соответствуют спросу. Так, быстрый рост населения в городах Бени и Бутембо в горных районах восточной части страны привел к чрезмерному забору и острому локальному дефициту воды.

«ПРОБЛЕМА ВОДЫ» В ДРК

ДРК является одной из самых «влажных» стран Африки. Её 112-миллионное население располагает крупнейшими в Африке пресноводными ресурсами (более 50% поверхностных, т.е. речных, озерных, болотных и т.д., вод континента¹²), однако уровень доступа населения к чистой питьевой воде остается одним из самых низких в Африке – примерно 52%¹³ при среднем показателе для АЮС в 60% [3], что отчасти связано с аварийным состоянием инфраструктуры, перманентными конфликтами и отсутствием инвестиций.

Объем возобновляемых ресурсов пресной воды в ДРК достигает 900 млрд м³ в год (для сравнения: в РК – 222 млрд м³, в ЦАР – 141 млрд м³, в Уганде – 39 млрд м³), на душу населения – 14,3 тыс. м³ (в РК – 150,7 тыс. м³, в ЦАР – 29 тыс. м³, в Уганде – 1,3 тыс. м³)¹⁴, что значительно превышает мировой минимальный показатель в 1,7 тыс. м³/чел./год [11, с. 9]. Однако в стране используются лишь 0,2% этих ресурсов, и именно из-за отсутствия (по техническим и прочим причинам) адекватного доступа конголезцев к питьевой воде многие её жители страдают от заболеваний, передающихся через воду, – дизентерии, брюшного тифа, холеры и др.¹⁵

Общая длина протекающих по территории ДРК рек превышает 20 тыс. км, вместе с озерами их площадь достигает 89 080 км², или около 3,5% территории страны¹⁶.

ДРК обладает т.н. водной автономией, так как 70% её возобновляемых водных ресурсов (ВВР) генерируются внутри страны за счет осадков, среднегодовой объем которых достигает 1,5 тыс. мм в год (на севере – более 2 тыс. мм, на юге – примерно 800 мм). Сохранение в ДРК большого объема водных ресурсов на фоне глобального потепления связано с наличием обширного лесного покрова: общая площадь лесных массивов, несмотря на неконтролируемую вырубку (0,2% в год), составляет примерно 155 млн га. В то же время увеличение интенсивности осадков приводит к более частым, нежели прежде, наводнениям и оползням, а также к эрозии почвы, что также влияет на качество поверхностных вод¹⁷.

⁹ <https://documents1.worldbank.org/curated/en/651601498206668610/pdf/116679-22-6-2017-12-42-8.pdf> (accessed 14.09.2024)

¹⁰ https://earthwise.bgs.ac.uk/index.php/Hydrogeology_of_Democratic_Republic_of_the_Congo (accessed 14.09.2024)

¹¹ https://winrock.org/wp-content/uploads/2021/08/DRC_Country_Profile_Final.pdf

¹² Ibidem.

¹³ <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2023/11/15/supporting-drinking-water-access-a-key-to-progress-in-afe-1123-democratic-republic-of-congo-drc> (accessed 14.09.2024)

¹⁴ <https://data.worldbank.org/indicator/ER.H2O.INTR.K3>

¹⁵ <https://globalwateralliance.wordpress.com/2015/07/01/lessons-from-the-drc-the-importance-of-water-infrastructure> (accessed 14.09.2024)

¹⁶ https://winrock.org/wp-content/uploads/2021/08/DRC_Country_Profile_Final.pdf

¹⁷ Ibidem.

Таким образом, несмотря на все преимущества, связанные с проживанием на берегах великой африканской реки и её притоков, конголезцы используют для питья и в быту воду, по качеству уступающую водам бассейнов других африканских рек.

Причем качество воды в ДРК ухудшается из-за загрязнения водоемов в результате антропогенной деятельности, т.е. прямого и косвенного влияния человека на окружающую среду, а именно: из-за попадания в реки и озера промышленных, сельскохозяйственных и бытовых отходов, вырубки лесов, уничтожения речной фауны и флоры, бесконтрольной эксплуатации природных ресурсов и т.д. [12]. В воде концентрируются кишечная палочка, нитраты, фосфаты, пестициды, фтор, тяжелые металлы и другие бактерии и вредные для организма человека вещества, а в районах плантационного выращивания товарных/экспортных культур в водоемы попадают удобрения, что приводит к тяжелым заболеваниям, общим недомоганиям и преждевременным смертям, вызванным патогенами и токсичными веществами [13, p. 87].

В городских районах ДРК, как и других стран Африки южнее Сахары, проблема усугубляется перенаселенностью, бедностью и отсутствием санитарии. В среднем в 1990-е – 2010-е годы охват городских районов ДРК водоснабжением и канализацией вырос почти вдвое, но расширение соответствующей инфраструктуры едва успевает за урбанизацией и демографическим ростом: интересно, что в сельских районах показатели доступа к чистой воде – благодаря рытью колодцев и использованию грунтовых вод – улучшаются более быстрыми темпами, нежели в городах, где в идущей из кранов воде обнаруживаются кадмий, хром, свинец, ртуть, мышьяк и различные масла [13, p. 88]. К тому же в городах, где рост численности населения требует – дабы избежать недоедания – развития мелкого огородного хозяйства, оно увеличивает нагрузку на городские дренажные и водораспределительные системы и одновременно, в случае использования удобрений, приводит к загрязнению источников воды.

Сельскому сектору водоснабжения не уделялось должного внимания в течение многих лет, он характеризуется изношенной инфраструктурой из-за отсутствия обслуживания и запасных частей. Кроме того, многие системы водоснабжения имеют низкое качество строительства. Основным источником водоснабжения в сельской местности являются родники, на долю которых приходится около 90% общего объема водоснабжения на периферии. Родники имеют то преимущество, что для их обустройства требуются минимальные инвестиции. Однако эти источники зачастую эксплуатируются без надлежащей защиты.

Другим важным источником водоснабжения в сельской местности являются неглубокие колодцы, в которых используются ручные и машинные насосы, а также скважины, небольшие трубопроводные распределительные системы и системы сбора дождевой воды. Как правило, плата за сельские системы водоснабжения не покрывает эксплуатационные расходы, а проверка качества воды не проводится. Между тем и в сельских районах с высокой плотностью населения домохозяйства утилизируют отходы с высоким содержанием биоразлагаемых органических веществ – углекислого газа, метана, компоста, золь и т.д., загрязняющих наземные и подземные воды.

Ускоренная индустриализация стала одним из символов экономического развития стран континента, однако в отсутствие соответствующих очистительных установок на фоне пренебрежительного отношения производителей, да и самого населения, борющегося за выживание, к собственному здоровью промышленные отходы, попадающие в водоемы, становятся одним из главных факторов высокой смертности среди африканцев, в том числе конголезцев.

Водный кризис в ДРК сильнее всего затрагивает наиболее уязвимые группы общества, а именно женщин и детей, живущих в бедняцких пригородах и в отдаленной глубинке, а в густонаселенных городских центрах их жителям нередко приходится покупать воду, причем по завышенным ценам из-за высокого спроса и дефицита предложения.

УПРАВЛЕНИЕ ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ

В 2010 г. в ДРК был подготовлен т.н. Водный кодекс, представляющий собой законодательную базу для рационального управления водными ресурсами. Главными принципами водного права в стране являются «интеграция управления водными ресурсами», т.е. согласованность действий между различными ведомствами и министерствами (экономики, финансов, экологии, энергетики, сельского хозяйства, здравоохранения и др.), призванными решать свою часть «проблемы воды», и «выплата предприятия-

ми-потребителями штрафов в случае загрязнения источников». Однако ни то, ни другое не выполняется на должном уровне по техническим и прочим причинам¹⁸.

Для решения «проблемы воды» в середине 2010-х гг. в ДРК были созданы Совет по водоснабжению ДРК, Сельская служба водоснабжения, а позже – Национальный комитет по координации проблем воды, гигиены и санитарии. Однако отделения этих организаций находятся в столице, их действия не скоординированы ни между собой, ни с Министерством энергетики и водных ресурсов, поэтому услуги остаются неэффективными. Кроме того, они испытывают перманентную нехватку средств, 90% которых поступает от западных доноров, прежде всего ВБ [4, р. 6849]. Государственное финансирование водного сектора хозяйства даже сократилось с 5% ВВП в 1990 г. до 1,2% в 2020 г.¹⁹

В середине 2010-х гг. был достигнут некоторый прогресс в управлении водными ресурсами в центре страны – в бассейне р. Лукая, протекающей неподалеку от Киншасы, где работают местные Комитет по речному бассейну и Ассоциация пользователей речного бассейна. Подобные организации были созданы и в других регионах страны, но они страдают от нехватки квалифицированного персонала.

Предприятием, призванным частично решить проблему, является созданный в 2020 г. неподалеку от Киншасы комплекс по очистке воды *Binza Ozone*, рассчитанный на обработку 110 тыс. м³ в день. Благодаря его работе были улучшены услуги по водоснабжению почти для 1 млн человек, в т.ч. в районах, не имевших ранее государственного водоснабжения. В настоящее время комплекс расширяется; предполагается, что к середине 2026 г. распределительной сетью будут охвачены еще 2 млн конголезцев²⁰.

В свою очередь, упоминавшаяся выше Международная комиссия по бассейну Конго-Убанги-Санга (МКБКУС) – специализированное агентство Центрально-Африканского экономического и валютного сообщества (СЕМАС) – периодически осуществляет проекты, например, строительства причалов для лодок вдоль Конго и других рек, составляет предварительные технико-экономические обоснования возведения плотин, исследует возможности экотуризма. В 2007 г. полномочия МКБКУС были заметно расширены и в её компетенцию стали входить вопросы орошения. Однако реализация проектов (например, создания «облегченной» туристической инфраструктуры – троп, кемпингов, площадок для отдыха, скважин и др.) – была приостановлена из-за нехватки средств²¹.

По расчетам Всемирной метеорологической организации (ВМО) стоимость создания системы гидрометеорологического мониторинга бассейна Конго может достигать \$1,8 млн, а отчета о состоянии бассейна – \$250 тыс. Поскольку государства бассейна не могут профинансировать эти работы в одиночку, создание трансграничных органов имеет большое значение. Однако проблема возникает в связи с неуплатой членских взносов, в т.ч. ДРК, например в МКБКУС. Из-за этого организация не может заполнить все штатные должности, что приводит к задержкам в реализации мероприятий, к растущей зависимости от западных доноров и к снижению готовности стран-членов к сотрудничеству, так как выгоды от него не соответствуют их ожиданиям.

Между тем взаимоотношения между МКБКУС и СЕМАС иллюстрируют сложность институциональных механизмов, связанных с финансированием совместных проектов, – прежде всего потому, что не все члены СЕМАС являются участниками МКБКУС и не все страны бассейна являются членами МКБКУС и/или СЕМАС. Поэтому страны-члены недовольны тем, что государства-не члены получают свою часть выгод от реализации различных проектов, никак не участвуя в них. Например, ДРК не является членом СЕМАС (являясь участником САДК и ВАС) и лишь дважды с 2005 г. вносила членские взносы в МКБКУС, но, контролируя большую часть бассейна Конго, получает от реализации водных проектов наибольшие выгоды²².

Финансирование водных проектов также осуществляется через созданный в 2021 г. Голубой фонд бассейна Конго (*Congo Basin Blue Fund*), в задачи которого входит оказание помощи странам региона в финансировании деятельности, связанной с водными ресурсами (водоснабжение, судоходство, гидроэнергетика, орошение, рыболовство, туризм и др.), которая, как ожидается, смягчит последствия климатических изменений и тем самым укрепит их экономики, одновременно способствуя более тесному со-

¹⁸ https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/22067/UNEP_DRC_water.pdf (accessed 14.09.2024)

¹⁹ https://winrock.org/wp-content/uploads/2021/08/DRC_Country_Profile_Final.pdf (accessed 14.09.2024)

²⁰ <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2023/11/15/supporting-drinking-water-access-a-key-to-progress-in-afe-1123-democratic-republic-of-congo-drc> (accessed 14.09.2024)

²¹ <http://cawater-info.net/library/eng/unece-fund-fin-twc-e.pdf> (accessed 14.09.2024)

²² <http://cawater-info.net/library/eng/unece-fund-fin-twc-e.pdf> (accessed 14.09.2024)

трудничеству. Главные заявленные цели Фонда – сокращение вырубки лесов и более эффективное использование водных ресурсов²³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Проблема воды» в бассейне р. Конго, несмотря на всю её полноводность, сохраняет свою остроту в связи с одним из самых высоких в мире темпов роста населения (3–4% в год), который не сопровождается совершенствованием услуг водоснабжения и санитарии. Старые и переполненные распределительные сети во всех государствах региона требуют постоянного ремонта и восстановления. Качество воды остается низким, что влияет на здоровье населения.

Развитие экономики требует масштабного использования воды, но, если контроль над её расходом, которое остается чрезмерным и чреватым большими потерями, не будет отлажен, бассейн Конго столкнется с необратимыми последствиями – столь масштабными истощением и загрязнением водных ресурсов, что они окажут негативное воздействие на экосистему всего континента.

Ситуацию, сложившуюся в ДРК, можно назвать парадоксальной: при изобилии водных ресурсов, в том числе питьевых, сохраняется «дефицит» воды, и страна не может воспользоваться своим географически привилегированным положением, чтобы обеспечивать элементарную санитарную и предотвращать распространение различных эпидемий, вызванных загрязнением водных источников. Поскольку в ДРК наблюдается низкий потенциал решения вопросов экологии, изменение климата может заметно обострить проблемы дефицита воды и продовольственной необеспеченности.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Peña-Ramos J.A., López-Bedmar R.J., Sastre F.J., Martínez-Martínez A. 2022. Water Conflicts in Sub-Saharan Africa. *Frontiers in Environmental Science*. № 10. Pp. 1–18. DOI: 10.3389/fenvs.2022.863903
2. Tourian M.J., Papa F., Elmi O., Sneeuw N., Kitambo B., Tshimanga R.M., Paris A., Calmant S. 2023. Current availability and distribution of Congo Basin's freshwater resources. *Communications Earth & Environment*. № 4 (1). Article 174. Pp. 1–13. DOI: 10.1038/s43247-023-00836-z
3. von Lossow T. 2017. The River Congo – Africa's Sleeping Giant. Regional Integration and Intersectoral Conflicts in the Congo Basin. *Stiftung Wissenschaft und Politik*. https://www.elingendael.org/sites/default/files/2017-11/The_River_Congo_Africas_Sleeping_Giant.pdf (accessed 14.09.2024)
4. Kabemba N.F. 2012. The issue of access to clean water in The Democratic Republic of Congo. *Bulletin of the ISI 58th World Statistics Congress of the International Statistical Institute, 2011*. The Hague: International Statistical Institute. Pp. 6847–6852. <https://2011.isiproceedings.org/papers/950967.pdf>
5. Aloysius N., Saiers J. 2017. Simulated hydrologic response to projected changes in precipitation and temperature in the Congo River basin. *Hydrology and Earth System Sciences*. № 21 (8). Pp. 4115–4130. DOI: 10.5194/hess-21-4115-2017
6. Денисова Т.С., Костелянец С.В. Бассейн озера Чад: территория нестабильности. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 1. С. 33–41. DOI:10.31857/S032150750029645-1
7. Denisova T.S., Kostelyanets S.V. 2024. The Lake Chad Basin: A Territory of Instability. *Asia and Africa today*. № 1. Pp. 33–41. (In Russ.). DOI:10.31857/S032150750029645-1
8. Vichi M. 2011. Transferring Water from the Congo to Lake Chad: The Transaqua project. *Executive Intelligence Review*. № 38. Pp. 31–36. https://larouchepub.com/eiw/public/2011/eirv38n28-20110722/31-36_3828.pdf (accessed 14.09.2024)
9. Tesfaye B. 2022. Climate change and conflict in the Sahel. Discussion Paper Series on Managing Global Disorder № 11. Council on Foreign Relations. https://cdn.cfr.org/sites/default/files/report_pdf/Climate%20Change%20and%20Conflict%20in%20the%20Sahel.pdf (accessed 14.09.2024)
10. Hughes D.A., Tshimanga R.M., Tirivarombo S., Tanner J. 2014. Simulating wetland impacts on stream flow in southern Africa using a monthly hydrological model. *Hydrological Processes*. № 28. Pp. 1775–1786. DOI: 10.1002/hyp.9725
11. Atibu E.K., Lacroix P., Sivalingam P., Ray N., Giuliani G., Mulaji C.K., Otamonga J.-P., Mpiana P.T., Slaveykova V.I., Pote J. 2018. High contamination in the areas surrounding abandoned mines and mining activities: An impact assessment of the Dilala, Luilu and Mpingiri Rivers, Democratic Republic of the Congo. *Chemosphere*. № 191. Pp. 1008–1020. DOI: 10.1016/j.chemosphere.2017.10.052

²³ <https://african.business/2023/12/partner-content/congo-basin-blue-fund-needs-finance-says-arlette-soudan-nonault> (accessed 14.09.2024)

11. Винокуров Е., Ахунбаев А., Усманов Н., Цукарев Т., Сарсембеков Т. Инвестиции в водно-энергетический комплекс Центральной Азии. Доклады и рабочие документы 21/3. Алматы, Москва: Евразийский банк развития, 2021. https://eabr.org/upload/iblock/185/EDB_WEC_CA_Report_RU_web.cleaned.pdf (accessed 14.09.2024)
Vinokurov, E., Akhunbaev, A., Usmanov, N., Tsukarev T., Sarsembekov T. Investments in the water and energy complex of Central Asia. Reports and working papers 21/3. Almaty, Moscow: Eurasian Development Bank, 2021. (In Russ.). https://eabr.org/upload/iblock/185/EDB_WEC_CA_Report_RU_web.cleaned.pdf (accessed 14.09.2024)
12. Матвеева Н.Ф. Лесное хозяйство в странах бассейна реки Конго и меры повышения его эффективности. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024. № 1 (66). С. 80–92. DOI: 10.31132/2412-5717-2024-66-1-80-92
Matveeva N.F. 2024. Forestry in the Congo Basin Countries and Measures to Improve its Efficiency. *Journal of the Institute for African Studies*. № 1 (66). Pp. 80–92. (In Russ.). DOI: 10.31132/2412-5717-2024-66-1-80-92
13. Pare S., Bonzi-Coulibaly Y. 2013. Water quality issues in West and Central Africa: present status and future challenges. *Understanding Freshwater Quality Problems in a Changing World*. Gothenburg (Sweden): IAHS-IAPSO-IASPEI Assembly. Pp. 87–95. https://iahs.info/uploads/dms/15573.14-87-95-361-24-H04-Pare-Bonzi_April_2013_CORR.pdf

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Денисова Татьяна Сергеевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Центром изучения стран Африки южнее Сахары, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Tatyana S. Denisova, PhD (History), Leading Researcher, Head, Centre for the Study of Africa South of Sahara, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Костелянец Сергей Валерьянович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, зав. Центром социологических и политологических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Sergey V. Kostelyanets, PhD (Political Science), Leading Researcher, Head, Centre for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 04.10.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 18.10.2024

Принята к публикации
(Accepted) 05.11.2024

Водный кризис в ЮАР

© Шубин В.Г.^а, 2024

^а Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-9944-5135; vlgs@yandex.ru

Резюме. В статье рассматривается неблагоприятное положение в водном хозяйстве Южно-Африканской Республики. Особое внимание уделяется недавнему водному кризису в г. Кейптауне и прилегающим к нему районам провинции Западный Кейп. В этом городе существовала угроза наступления «Нулевого дня» (*Day Zero*), когда муниципальное водоснабжение прекратилось бы полностью. Хотя этого удалось избежать, поясняется, почему водные кризисы, хотя и меньшего масштаба, регулярно наблюдаются в других регионах ЮАР, в т.ч. в экономической столице этой страны г. Йоханнесбурге.

В заключительной части статьи говорится об оценке создавшейся ситуации недавно назначенным министром водного хозяйства и санитарии и планах по её исправлению.

Ключевые слова: водный кризис, ЮАР, Кейптаун, «Нулевой день», Йоханнесбург, Африканский национальный конгресс

Благодарность. Статья подготовлена в рамках проекта «Проект “Чистая вода” как важнейшая составляющая сотрудничества РФ со странами Глобального Юга: социально-экономическое и технологическое измерения» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2024-546).

Для цитирования: Шубин В.Г. Водный кризис в ЮАР. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 12. С. 58–64.
DOI: 10.31857/S0321507524120079

Water Crisis in South Africa

© Vladimir G. Shubin^a, 2024

^a Institute for African Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-9944-5135; vlgs@yandex.ru

Abstract. The article examines the unfavorable situation in the water industry of South Africa. Special attention is paid to the recent water crisis in Cape Town and the surrounding areas of the Western Cape Province. In this city, there was a threat of the onset of “Day Zero”, when the municipal water supply would stop completely. Although this was avoided, the article explains why water crises, although on a smaller scale, are regularly observed in other regions of South Africa, including the economic capital of this country, Johannesburg.

The final part of the article talks about the assessment of the situation by the newly appointed Minister of Water Affairs and Sanitation and plans to remedy it.

Keywords: Water crisis. South Africa. Cape Town. “Day Zero”. Johannesburg. African National Congress

Acknowledgement. The article was prepared within the framework of the project “Clean Water Project as the most important component of cooperation between the Russian Federation and the countries of the Global South: socio-economic and technological dimensions” under a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2024-546).

For citation: Shubin V.G. Water Crisis in South Africa. *Asia and Africa today*. 2024. № 12. Pp. 58–64. (In Russ.).
DOI: 10.31857/S0321507524120079

ВВЕДЕНИЕ

27 августа 2024 г. президент ЮАР Сирил Рамапоса подписал закон, предусматривающий создание новой структуры – государственной компании «Южноафриканское агентство национальных водных ре-

сурсов». Этот шаг должен позволить Южной Африке расширить инфраструктуру массового водоснабжения и улучшить управление существующими водными ресурсами для обеспечения водной безопасности в течение следующего десятилетия¹.

Ситуация с обеспечением водой в ЮАР заслуженно определяется как водный кризис, и она продолжает ухудшаться в связи с ростом потребления как развивающейся экономикой, так и увеличивающимся населением (в 1994 г. в стране проживало 43,2 млн человек, а 30 лет спустя – 64,2 млн).

Сложность ситуации с водоснабжением хорошо сознавали руководители Африканского национального конгресса (АНК) и его президент Нельсон Мандела, который возглавил правительство ЮАР в 1994 г. после устранения режима апартеида. Отнюдь не случайно на пост министра водного и лесного хозяйства был назначен профессор Кадер Асмал, видный член Национального исполкома АНК, работа которого была широко признана успешной. В 1996 г. Всемирный фонд природы (*WWF*) наградил его золотой медалью за природоохранную деятельность. На своем посту он выступил инициатором признания концепции «окружающая среда как главный водопользователь», был избран председателем Всемирной комиссии по плотинам². А когда 5 лет спустя Кадер Асмал был назначен министром образования, на предыдущем посту его сменил другой видный деятель АНК – Ронни Касрилс, ранее являвшийся заместителем министра обороны.

Нужно признать, что впоследствии другие проблемы заслонили внимание руководства АНК к вопросам водопользования, но не случайно, что и сейчас, когда в ЮАР после неудачного выступления на всеобщих выборах создано Правительство национального единства (подробнее см.: [8]), эта партия сохранила за собой пост министра водного хозяйства и санитарии, хотя одним из двух его заместителей стал представитель Демократического альянса, партии, которая ранее много лет находилась в оппозиции.

Как и в других странах мира, у дефицита воды в ЮАР есть как физические, так и экономические причины [1]. Само понятие «дефицит воды» отражает отношение потребления воды людьми к имеющемуся водоснабжению в данной местности. Оно может быть измерено и по регионам, и по времени.

По мнению южноафриканского исследователя Нхланхлы Мниси, физический дефицит может быть четырех видов.

Во-первых, *это дефицит воды, обусловленный спросом*, когда этот спрос превышает возможности имеющихся водных источников.

При этом отдельно рассматривается случай, вызванный высокой численностью населения, он именуется *дефицитом воды, обусловленным населением*. Это характерно для регионов с быстро растущими городскими территориями. В ЮАР это центральная провинция Хаутенг и провинция Западный Кейп, где высокая плотность населения сочетается с низкой доступностью пресной воды. Повышение плотности во многом объясняется миграцией – как трансграничной, в основном из соседних африканских стран, так и из сельских районов ЮАР. В Хаутенге число приезжих за 5 лет составило более 1 млн человек, а население Кейптауна за четверть века выросло почти на 80%. К тому же в ЮАР вода потребляется расточительно – около 237 л воды на человека в день, при среднемировом показателе 173 л³.

Дефицит воды, обусловленный климатом, в ЮАР заметнее, чем в большинстве других стран, поскольку среднегодовое количество осадков там почти в 2 раза меньше среднемирового (450 мм и 860 мм), и положение еще более ухудшилось в последнее время из-за участвовавших засух. По последним данным, Южная Африка является 30-й засушливой страной в мире по объему осадков. Положение усугубляется характерной для этой страны изменчивостью концентрации осадков в пространстве и времени. При этом временная изменчивость представляется более важной; успешная эксплуатация водных ресурсов возможна и при ограниченном количестве осадков, если дожди выпадают в желаемое или хотя бы предсказуемое время.

Наконец, *дефицит воды может быть вызван загрязнением*, когда качество воды ухудшается до такой степени, что она непригодна для использования, что приводит к дефициту воды. В частности, в Южной Африке дефицит пресной воды усугубляется значительным увеличением потоков загрязняю-

¹ President Ramaphosa assents to law advancing water security for South Africa. <https://www.thepresidency.gov.za/president-ramaphosa-assents-law-advancing-water-security-south-africa> (accessed 20.10.2024)

² South African Water Minister to Head New World Commission on Dams. https://web.archive.org/web/20041023020811/http://www.dams.org/news_events/press282.htm (accessed 04.11.2024)

³ Statement by L.N.Sisulu, South African Minister of Human Settlements, Water and Sanitation. Budapest Water Summit (2019). <http://www.dhs.gov.za/sites/default/files/speeches/budapest.pdf> (accessed 12.11.2024)

щих веществ в речные системы, возникающих из водосборов рек. Они вызваны урбанизацией, вырубкой лесов, разрушением водно-болотных угодий, промышленностью, в т.ч. горнодобывающей.

Но кроме физического, дефицит воды может быть или экономическим (социальным), когда даже при наличии достаточного количества воды спрос на неё не может быть удовлетворен из-за недостатка инвестиций или человеческих возможностей, что обуславливается социально-экономическими отношениями и политической ситуацией.

Это характерно и для Южной Африки, где экономический дефицит воды зачастую вызван отсутствием инвестиций в инфраструктуру или технологии для забора воды из рек, водоносных горизонтов или других водных источников, а также недостатком квалифицированных специалистов.

За 3 десятилетия после устранения системы апартеида, хотя были инициированы многочисленные программы искоренения исторического геопространственного неравенства и социально-экономических различий, многие сельские районы в ЮАР всё еще не имеют доступа к базовым услугам водоснабжения и санитарии. Муниципалитеты с наибольшим процентом отставания расположены преимущественно в сельских районах вдоль восточного побережья провинций Восточный Кейп и Квазулу-Наталь, а также в провинции Лимпопо.

В целом дефицит воды в Южной Африке, прежде всего, вызван физическими причинами и усугубляется изменчивостью климата и растущим спросом на имеющиеся водные ресурсы. Однако влияют и причины экономические, такие, как неравномерные инвестиции в водную инфраструктуру, при этом в стране очевидны геопространственные различия. Наряду с общенациональным ощущается и локальный дефицит воды.

КЕЙПТАУН: В ОЖИДАНИИ «НУЛЕВОГО ДНЯ»

Несомненно, самым злополучно известным проявлением водного кризиса в ЮАР был острый дефицит воды в Кейптауне в конце прошлого десятилетия, когда даже ожидалось полное прекращение её подачи. Это был бы первый случай, когда водоснабжения лишился бы крупный современный город.

Водный кризис в Кейптауне и прилегающих районах начался в 2015 г., когда стал падать уровень воды в местных водохранилищах, что продолжалось по 2020 г. Наивысшего пика он достиг в период с середины 2017 до середины 2018 г., когда воды там оставалось от 14% до 29% от объема водохранилищ.

В конце 2017 г. заговорили о «Нулевом дне» (*Day Zero*), когда муниципальное водоснабжение может почти полностью прекратиться, и жители вынуждены будут стоять в очередях за привозимой водой. Тогда в Кейптауне более чем наполовину, примерно до 500 млн л в день снизили расход воды, что позволило отсрочить предполагаемый «Нулевой день», а затем сильные дожди, начавшиеся в июне 2018 г., привели к подъему уровня воды в водохранилищах, И в сентябре того же года резервуары наполнились на 70% . Это позволило ослабить ограничения, а затем хорошие дожди в 2000 г. привели к поднятию уровня воды там уже до 95%⁴.

Непосредственной причиной водного кризиса явилась жестокая засуха в провинции Западный Кейп в 2015–2017 гг., которая превзошла уровни, ожидавшиеся Департаментом водного хозяйства и санитарии. По данным исследователей Кейптаунского университета, количество осадков в эти годы было чрезвычайно малым за всю историю наблюдений, проводимых начиная с 1933 г.⁵ Полагают, что столь сильная засуха случается лишь один раз в 300 лет [2].

Другим фактором был рост населения Кейптауна с 2,4 млн человек в 1995 г. до 4,1 млн, в то время как объем водохранилищ в этот период вырос лишь на 17%. Еще в 2007 г. Департамент водного и лесного хозяйства предсказывал, что растущий спрос на воду может превысить возможности Системы водоснабжения Западного Кейпа, если Городской совета Кейптауна и другие муниципалитеты не примут мер по учету и сохранению воды.

Сказалось и уменьшение притока воды в водохранилища из-за её потребления т.н. инвазивными, не местными растениями, а также повышением температуры. При этом ожидается, что за 10 лет она вырастет еще на 0,25 градуса, что повышает вероятность повторения засухи.

⁴ After the drought: Cape Town's gushing water. Groudup. 7 September 2020. <https://groundup.org.za/article/after-drought-cape-towns-gushing-water/> (accessed 19.11.2024)

⁵ Facts are few, opinions plenty... on drought severity again. <https://www.csag.uct.ac.za/2018/01/22/facts-are-few-opinions-plenty-on-drought-severity-again/> (accessed 20.11.2024)

Отразилось на возникшей ситуации и соперничество между АНК и основной оппозиционной партией – Демократическим альянсом (ДА). Начиная с создания провинции Западный Кейп в 1994 г., в ней правили оппозиционные партии – сначала Национальная партия, а после её развала – Демократический альянс. Лишь в 2004–2009 гг. коалиционное провинциальное правительство возглавлял АНК, а представительница этой партии в 2004–2009 гг. была мэром Кейптауна.

Закон о национальных водных ресурсах (Закон № 36 от 1998 года) предусматривает, что национальное правительство является «общественным попечителем» водных ресурсов страны для обеспечения того, чтобы вода «защищалась, использовалась, развивалась, сохранялась, управлялась и контролировалась устойчивым и справедливым образом, на благо всех людей» [3]. Однако ответственность за водоснабжение совместно несут местные, провинциальные и общенациональные органы власти.

Это привело к напряженности между местными и провинциальными властями, возглавлявшимися в период кризиса ДА, с одной стороны, и национальным правительством, возглавлявшимся АНК – с другой, причем стороны обвиняли друг друга. ДА критиковали за отсутствие дальновидного подхода к развитию новых источников водоснабжения и инфраструктуры, в то время как АНК обвиняли в том, что он удерживает финансирование, чтобы поставить в неловкое положение администрацию Западного Кейпа и города Кейптаун, возглавлявшуюся Демократическим альянсом.

Хелен Зилле, тогдашний премьер Западного Кейпа и лидер ДА призвала национальное правительство возместить г. Кейптауну расходы по преодолению водного кризиса⁶, однако Департамент водного хозяйства и санитарии отказался удовлетворить этот запрос и предоставить 35 млн рандов (\$3 млн по тогдашнему курсу) на увеличение водоснабжения и развитие инфраструктуры в 2015 г. [4].

В середине октября 2017 г. некоторые компании, занимающиеся опреснением воды, подвергли мэрию Кейптауна критике за медленные темпы закупок, высокий уровень бюрократии, и неадекватный масштаб предлагаемых проектов водоснабжения. В январе 2018 г. в ответ на доклад, в котором её критиковали за неспособность адекватно и своевременно справиться со стихийным бедствием и другие недостатки в управлении, руководство ДА решила отстранить мэра Кейптауна Патрисию де Лилль от руководства целевой группой по реагированию на засуху, заменив её на Ммуси Маймане, который тогда был лидером этой партии⁷.

Водный кризис (тяжелые последствия для экономики, здравоохранения и системы безопасности) привел к потере 37 000 рабочих мест в Западном Кейпе, 50 000 человек оказались за чертой бедности из-за потери ими работы, инфляции и роста цен на продовольствие. Ожидалось, что водный кризис приведет к потере около 300 000 рабочих мест в сельском хозяйстве и еще десятков тысяч – в сфере услуг, гостиничном бизнесе и пищевой промышленности [5].

В среднем сельскохозяйственный сектор Западного Кейпа был вынужден сократить потребление воды на 60% в период с 2017 по 2018 г., что привело к снижению урожайности и, по оценкам, экономическим потерям в размере 5,9 млрд рандов (\$400 млн), а также сокращению экспорта на 13–20%⁸.

Туристическая индустрия также сильно пострадала из-за снижения числа прибывших, заполняемости гостиниц и посещаемости достопримечательностей. Отели пошли на изменения в обслуживании, такие как выдача гостям дезинфицирующих средств для рук, установка заглушек на душевые кабины и либо полное осушение бассейнов, либо наполнение их соленой водой.

В Кейптауне незаконно продавать воду из колодцев или рек, но люди всё равно могут получать прибыль за счет транспорта и рабочей силы, связанных с доставкой воды из других районов. Лимит на личное потребление воды постоянно пересматривался в сторону понижения на протяжении всего кризиса, и с 1 февраля 2018 г. самый низкий показатель составлял 50 литров в день на человека.⁹ Те, кто использовал значительно больше этой нормы, были оштрафованы на сумму от 500 до 3000 рандов, но это еще больше увеличило разрыв в уровне бедности, поскольку штраф был относительно небольшим для бога-

⁶ Government must refund Cape Town for cost of managing the water crisis. *Business Day*. 24 January 2018. <https://www.businesslive.co.za/bd/national/2018-01-24-government-must-refund-cape-town-for-cost-of-managing-the-water-crisis/> (accessed 04.11.2024)

⁷ И Патрисию де Лилль, и Ммуси Маймане впоследствии вышли из ДА и основали собственные партии (*прим. авт.*).

⁸ WWF Agricultural water file. Farming for a drier future. https://wwfafrica.awsassets.panda.org/downloads/wwfwaterfiles_19july2018.pdf. (accessed 21.11.2024).

⁹ Cape residents limited to 50 litres of water. South African Government News Agency. 19 January 2018. <https://www.sanews.gov.za/south-africa/cape-residents-limited-50-litres-water> (accessed 25.11.2024)

тых, но непосильным для менее обеспеченных жителей города, который считается четвертым по неравенству в мире¹⁰.

Для преодоления кризиса были предприняты различные шаги, которые позволили сократить потребление воды с 2015 по 2018 г. в Кейптауне более чем на 50%¹¹. Принимались меры и по увеличению водоснабжения, хотя и не всегда успешные. Так, от строительства заводов по опреснению воды отказались из-за их дороговизны. С другой стороны, важнейшую помощь городу оказала Ассоциация водопользователей Гренланда (представляющая фермеров в сельскохозяйственном районе Элгин Грабоу близ Кейптауна). В феврале 2018 г., в разгар засухи, она начала безвозмездный сброс дополнительных 10 млн л воды¹², что позволило перенести намеченный «Нулевой день» с 16 апреля на 11 мая.

Ожидание этого «Конца света» понудило и частных лиц, и предприятия искать альтернативные источники водоснабжения в системе водоснабжения Западного Кейпа. Многие местные жители, вооружившись пластиковыми контейнерами, собирали воду из горных ручьев и природных источников, что приводило к длинным очередям и даже дракам, и властям города приходилось усиливать меры безопасности в таких местах. Состоятельные жители устанавливали резервуары для сбора и хранения дождевой воды и заказывали бурение частных скважин.

Водный кризис в Кейптауне обнажил неравенство в распределении воды в городе. Хотя пятая часть населения Кейптауна проживает в т.н. неформальных поселениях, а попросту говоря, в трущобах, к ним поступало только 3,6% водоснабжения провинции [6].

В связи с водным кризисом было высказано немало противоположных суждений и проявились политические противоречия. Хелен Зилле, которая и характеризовала водный кризис как «Конец света», сравнивала его со Второй мировой войной и событиями 11 сентября 2001 г. в США, подвергалась критике за использование тактики устрашения. Её политические противники из АНК обвиняли ДА в преувеличении водного кризиса, в частности в связи с предполагавшимся строительством опреснительных установок при участии Израиля. И во время пребывания автора этих строк в Кейптауне в 2019 г., когда ситуация с водоснабжением заметно улучшилась, не один и не два собеседника утверждали, что слухи о «Нулевом дне» позволили обогатиться распространявшим их.

СНАЧАЛА КЕЙПТАУН, ТЕПЕРЬ ЙОХАННЕСБУРГ

Водный кризис в Кейптауне, несомненно, был наиболее острым в истории ЮАР. Но кризисы меньшего масштаба регулярно возникают в различных провинциях Южной Африки. В этом году особое внимание вызвала ситуация с водоснабжением в экономической столице ЮАР – г. Йоханнесбурге. «Беды с водой в Южной Африке: сначала Кейптаун, теперь Йоханнесбург» – под таким заголовком вышла статья в сетевом издании «*Thinklandscape*»¹³.

Хотя Йоханнесбург рекламирует себя как «африканский город мирового класса», около половины 5,5 млн его жителей в течение нескольких недель весной 2024 г. (по-нашему, а в ЮАР тогда была осень) испытывали нехватку воды, а то и вынуждены были жить с сухими кранами. Особенно трудно приходилось населению африканских тауншипов, таких как Соуэто. Там время от времени воду привозили на автоцистернах, но для многих она заканчивалась, пока до них доходила очередь (см.: [7]). Но и когда вода доставалась жителям, они зачастую не могли даже вскипятить её, потому что у них отключалось электричество, причем «*load shedding* – уменьшение нагрузки» (а по-нашему – всеерные отключения) в ЮАР было еще хуже, чем в России во времена Чубайса – до 10 часов в день. И хотя в течение 5 лет мэром Йоханнесбурга был представитель не АНК, а ДА или других оппозиционных партий, вину за все

¹⁰ Politics, poverty, and climate change: stories from Cape Town's 'Day Zero'. ODI Global. 8 March 2018. <https://odi.org/en/insights/politics-poverty-and-climate-change-stories-from-cape-towns-day-zero/> (accessed 04.11.2024)

¹¹ Avoiding Day Zero. How Cape Town cut its water usage by 50 in three years. <https://policy-practice.oxfam.org/resources/avoiding-day-zero-how-cape-town-cut-its-water-usage-by-50-in-three-years-621115/> (accessed 09.11.2024)

¹² WATCH: Cape Town gets 10bn litres of water. ENCA 8 February 2018. <https://www.enca.com/south-africa/cape-town-gets-10bn-litres-of-water> (accessed 12.11.2024)

¹³ South Africa's water woes: First Cape Town, now Johannesburg. <https://thinklandscape.globallandscapesforum.org/69214/south-africa-water-crisis/> (accessed 15.11.2024)

неприятности жители возлагали на правившую в стране партию – Африканский национальный конгресс, что сказалось на результатах всеобщих выборов, когда АНК впервые за 3 десятилетия не получил большинства (подробнее см.: [8]).

Правда, от всерных отключений в последние месяцы в ЮАР избавились (хотя не ясно, надолго ли), но уже появился новый термин – *«water shedding»*. Офис мэра Йоханнесбурга утверждал, что вызваны они были явлениями вне его контроля – волной жары, которая повысила потребности в воде, а также ударом молнии по водонапорной станции, и не признавал наличия водного кризиса. Но эксперты называют другие основные причины – изношенность инфраструктуры, в частности, прорванные трубы, а также перебои с электричеством на насосных станциях. «Общая некомпетентность, отсутствие прозрачности и подотчетности, а также практически полное отсутствие политической воли усугубили постоянно расширяющийся водный кризис», – писала Аня дю Плесси, эксперт по водным ресурсам Южно-Африканского университета в Претории [7].

Справедливо утверждение, что разрушающаяся инфраструктура затрагивает людей с любым достатком и независимо от расовой принадлежности – от богатых зеленых пригородов до шумных (черных) поселков. Автор мог сам в этом убедиться, когда в сентябре этого года в Йоханнесбурге узнал от коллег из местного университета, проживающих в многоквартирном доме в одном из лучших районов города, что третий день нет воды, и приходится ждать автоцистерны. Однако большинство состоятельных людей в ЮАР владеют личными домами и могут не полагаться на муниципалитет, а обеспечивать автономное водоснабжение: роют скважины, покупают резервуары для хранения воды, устанавливают солнечные батареи.

Что же касается политической воли, то, как показывает практика последних месяцев, она у властей имеется. Подтверждением этому являются Годовой отчет за финансовый 2023/24 год Департамента водного хозяйства и санитарии¹⁴ и его планы на будущее. В предисловии к нему министра Пемми Маджодина¹⁵ указывается, что возглавляемый ею департамент (т.е. аппарат министерства) отвечает за охрану существующих 323 крупных плотин и связанной с ними инфраструктуры по всей стране, причем это число планируется увеличить «по мере увеличения инвестиций в инфраструктуру».

В отчете говорится не только об успехах последнего времени, но и отмечается прогресс, достигнутый за 30 лет, когда доступ населения к услугам водоснабжения возрос примерно с 60% почти до 90%. Однако в целом дается довольно нелицеприятная оценка состояния водного хозяйства ЮАР и говорится о «тревожном ухудшении работы муниципальных служб водоснабжения и канализации», в частности, снижении качества воды, резком увеличении числа случаев несоблюдения микробиологических требований – с 5% в 2014 г. до 46% в 2023 г. Это приводит к растущему риску заболеваний, передаваемых через воду, и о критическом состоянии систем очистки сточных вод, что способствует загрязнению окружающей среды и оказывает негативное воздействие на население.

Еще одна проблема, указанная в отчете, – это вода, не приносящая дохода, т.е. не оплаченная потребителями. Её доля возросла с 37% в 2014 г. до 47% в 2023 г., что вместе с незаконными подключениями и неэффективностью системы выставления счетов ставит под угрозу финансовую стабильность; к концу финансового года задолженность муниципалитетов за поставленную воду выросла до 21,3 млрд рандов.

Для решения возникающих и обостряющихся проблем планируется использовать «многосторонний подход». Он должен включать инвестирование в национальную водную инфраструктуру, диверсификацию источников водоснабжения и внедрение эффективных стратегий по сохранению водных ресурсов и управлению спросом на них. Среди намеченных проектов – строительство новых плотин и укрепление существующих. При этом подчеркивается, что «расширение доступа к услугам водоснабжения и санитарии остается конституционным приоритетом».

Планируется вести эту работу в сотрудничестве с муниципалитетами, оказывая им поддержку – от модернизации очистных сооружений до строительства новых трубопроводов и плотин. Департамент водного хозяйства и санитарии намерен укреплять партнерские отношения с частным сектором, на который в ЮАР приходится 60% капиталовложений в эту сферу. Подчеркивается, что роль проектов в об-

¹⁴ Annual Report 2023/24 Financial Year. Department of Water and Sanitation. https://www.dws.gov.za/documents/AnnualReports/DWS_2023-24AnnualReport_28Sept2024@15-50.pdf

¹⁵ Пемми Маджодина, в прошлом подпольщица, член «Умконто ве Сизве» – вооруженного крыла АНК, была назначена на пост министра в июле 2024 г. (прим. авт.).

ласти инфраструктуры водных ресурсов выходит далеко за рамки непосредственного обеспечения водой; они имеют основополагающее значение для достижения более широких целей в области социального и экономического развития страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Запущенность водохозяйственной сферы в Южной Африке, впрочем, как и инфраструктуры в стране в целом, признается её руководством. Хотя термин «водный кризис» стараются не употреблять, признается, что для достижения стабильности в этой области потребуется в течение 10 лет около 900 млрд рандов (более \$50 млрд по нынешнему курсу), и выражается надежда, что создание Южноафриканского агентства национальных водных ресурсов, о котором говорилось в начале статьи, поможет, в частности, устранить этот финансовый разрыв.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Nhlanhla Mnisi. Water Scarcity in South Africa: A Result of Physical or Economic Factors? <https://hsf.org.za/publications/hsf-briefs/water-scarcity-in-south-africa-a-result-of-physical-or-economic-factors> (accessed 04.11.2024)
2. Wolski P. How severe is the drought. *UCT News*, 31 August 2017.
3. National Water Act 36 of 1998 as amended. <https://cer.org.za/wp-content/uploads/2021/11/National-Water-Act-36-of-1998-as-amended.pdf> (accessed 09.11.2024)
4. Report on The State of the Department of Water and Sanitation. South African Water Caucus. <https://cer.org.za/wp-content/uploads/2021/03/SAWCStateofDWSReport.pdf> (accessed 06.11.2024)
5. Baker A. What It's Like to Live Through Cape Town's Massive Water Crisis. *Time*. <https://time.com/cape-town-south-africa-water-crisis/> (accessed 14.11.2024)
6. Makou G. Do formal residents use 65% of Cape Town's water, with half going to gardens & pools? *Africa Check*. 21 August 2017. <https://africacheck.org/fact-checks/reports/do-formal-residents-use-65-cape-towns-water-half-going-gardens-pools> (accessed 12.11.2024)
7. Bartlett K. Johannesburg's water crisis is the latest blow to South Africa's 'world-class city'. *NPR*, April 1, 2024. <https://www.npr.org/2024/04/01/1241232636/johannesburg-south-africa-water-crisis> (accessed 05.11.2024)
8. Шубин В.Г. Южная Африка: новая эра? *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 8. С. 5–11. DOI: 10.31857/S0321507524080017
Shubin V.G. 2024. South Africa: New Era? *Asia and Africa today*. № 8. Pp. 5–11. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507524080017

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шубин Владимир Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра истории и культурной антропологии, Институт Африки РАН; почетный доктор Университета Западного Кейпа (ЮАР); член редколлегии журнала «Азия и Африка сегодня», Москва, Россия.

Vladimir G. Shubin, Dr.Sc. (History), Professor, Principal Researcher, Centre of History and Cultural Anthropology, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Doctor (Honoris Causa), University of the Western Cape (South Africa); Member, Editorial Board, "Asia and Africa today" journal, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 10.09.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 14.10.2024

Принята к публикации
(Accepted) 18.11.2024

О проблеме доступа к чистой воде в Африке

© Константинова О.В.^a, 2024

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3163-4925; ryabina111@yandex.ru

Резюме. В настоящее время экологическая обстановка в мире ухудшается в связи с ростом населения, урбанизацией, сельскохозяйственным и промышленным загрязнением сточных вод. Особенно это заметно в регионах, испытывающих нехватку воды, одним из которых является Африка. В работе были выявлены необходимые и достаточные уровни доступа стран Африки к чистой воде и дан прогноз по их изменению с учетом меняющейся демографической, социально-экономической и военно-политической ситуации.

Растущее африканское население увеличивает спрос на воду для удовлетворения жажды и бытовых нужд, требует больше продуктов питания, что ведет к увеличению забора воды для сельского хозяйства и производства продовольствия. Кроме того, военно-политическая напряженность на континенте вызывает трансграничное перемещение большого числа африканцев, что усиливает нагрузку на принимающие страны, увеличивает в них дефицит водных ресурсов, ослабляет санитарию, ведет к росту заболеваний, обусловленных некачественной водой.

Для решения проблемы водного дефицита в Африке необходимо принятие комплексных программ развития водного хозяйства и увеличение его инвестирования, повышение уровня осведомленности населения и подготовка специалистов в области водопользования.

Ключевые слова: Африка, рост населения, сельское хозяйство, промышленность, вода, водный дефицит

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке «Проект “Чистая вода” как важнейшая составляющая сотрудничества РФ со странами Глобального Юга: социально-экономическое и технологическое измерения» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2024-546).

Для цитирования: Константинова О.В. О проблеме доступа к чистой воде в Африке. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 12. С. 65–72. DOI: 10.31857/S0321507524120081

On the Problem of Access to Clean Water in Africa

© Olga V. Konstantinova^a, 2024

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3163-4925; ryabina111@yandex.ru

Abstract. Currently, the environmental situation in the world is deteriorating due to population growth, urbanization, agricultural and industrial pollution of wastewater. This is especially noticeable in regions experiencing water shortages, one of which is the African continent.

The work identified the necessary and sufficient levels of access of African countries to clean water and gave a forecast for their change, taking into account the changing demographic, socio-economic and military-political situation.

The growing African population increases the demand for water to satisfy thirst and household needs, requires more food, which leads to an increase in water intake for agriculture and food production.

In addition, military and political tensions on the continent cause cross-border movement of a large number of Africans, which increases the burden on host countries, increases the deficit of water resources, weakens sanitation, and leads to an increase in water-related diseases.

To solve the problem of water shortages on the African continent, it is necessary to adopt comprehensive programs for the development of water management and increase its investment, raise the level of public awareness and train specialists in the field of water use.

Keywords: Africa, water, water scarcity, population growth, agriculture, industry

Acknowledgement. The article was prepared within the project “The “Clean Water” project as the most important component of cooperation between the Russian Federation and the countries of the Global South: socio-economic and technological dimensions” supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2024-546).

For citation: Konstantinova O.V. On the Problem of Access to Clean Water in Africa. *Asia and Africa today*. 2024. № 12. Pp. 65–72. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507524120081

ВВЕДЕНИЕ

Водная безопасность имеет особенно важное значение для достижения устойчивого развития Африканского континента, население которого быстро растет и все сильнее страдает от отсутствия развитой водной инфраструктуры и нехватки воды. Несмотря на то, что значительные запасы грунтовых вод имеются в различных его регионах, ресурсы поверхностных вод распределены крайне неравномерно. При этом большинство стран Африки южнее Сахары, обеспеченные достаточными водными ресурсами (реки, озера и пр.), не могут их использовать в полной мере из-за отсутствия инвестиций в развитие водного хозяйства и необходимых технологий забора и очистки воды¹.

Кроме того, быстрый рост населения в Африке, требующий существенного увеличения водозабора, ведет к истощению её водных ресурсов в ряде регионов, что провоцирует конфликты и возникновение гуманитарных проблем, связанных с доступом к чистой воде, которые в дальнейшем будут только усиливаться. Поэтому вопрос об обеспечении доступа к воде надлежащего качества в Африке в настоящее время является крайне актуальным и требующим решения.

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОДНОГО ХОЗЯЙСТВА АФРИКИ

Африка существенно уступает мировым показателям доступа к чистой воде. Так, в 2022 г. доля населения Африки, пользующаяся, как минимум, базовыми услугами по обеспечению питьевой водой, составляла 72,1%, в то время как среднемировой показатель достиг 91,2%². Более 300 млн африканцев не имели доступа к чистой питьевой воде, более 700 млн не пользовались канализацией³.

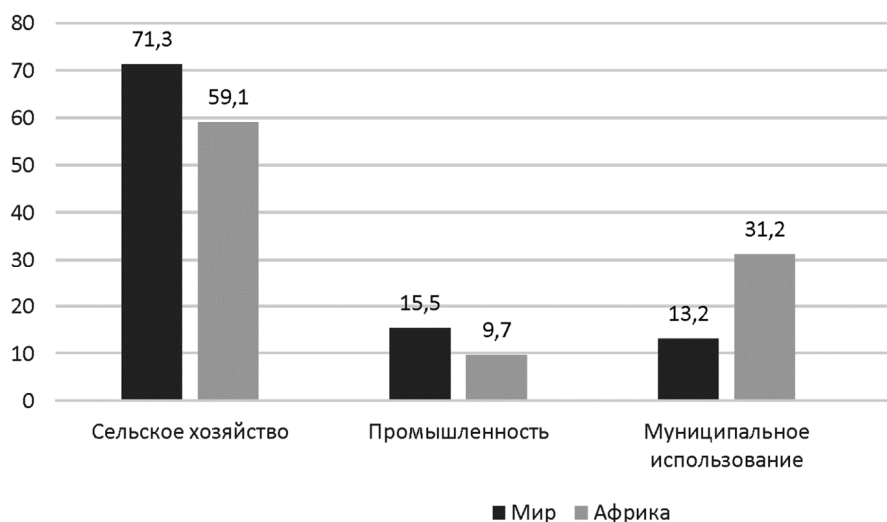

Диаграмма. Распределение забора пресной воды в 2020 г., %.
Diagram. Distribution of freshwater withdrawal in 2020, %.

Примечание: данные по мировым показателям из указанного источника и расчет автора по Африке на их основе.

Источник: Annual freshwater withdrawals, agriculture (% of total freshwater withdrawal), Annual freshwater withdrawals, industry (% of total freshwater withdrawal), Annual freshwater withdrawals, domestic (% of total freshwater withdrawal). <https://data.worldbank.org/indicator/ER.H2O.FWDM.ZS> (accessed 02.08.2024).

¹ Water for prosperity and peace. Facts, Figures and Action Examples. The United Nations World Water Development Report 2024. UNESCO. P. 8. <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000388952> (accessed 04.06.2024)

² People using at least basic drinking water services (% of population). <https://data.worldbank.org/indicator/SH.H2O.BASW.ZS> (accessed 03.08.2024)

³ Global leaders say Africa can achieve water security by 2030, present three pathways supported by action plan. African Union. 29 March 2023. <https://au.int/en/pressreleases/20230329/global-leaders-say-africa-can-achieve-water-security-2030-present-three> (accessed 28.05.2024)

Таблица. Страны Африки, испытывающие водный стресс, 2021 г.
Table. Water-stressed countries in Africa, 2021

Ниже среднего (10–20%)	
Бурунди	10,2
Нигер	11,0
Эритрея	11,2
Мадагаскар	11,3
Танзания	13,0
Мавритания	13,2
Сенегал	16,3
Малави	17,5
Выше среднего (20–40%)	
Руанда	20,2
Маврикий	22,0
Сомали	24,5
Эфиопия	32,3
Кения	33,2
Высокий (40–80%)	
Зимбабве	46,1
Марокко	50,8
Кабо-Верде	57,2
ЮАР	66,9
Эсватини	77,6
Крайне высокий (>80%)	
Тунис	98,1
Судан	118,7
Алжир	137,9
Египет	141,2
Ливия	817,1

Источник: составлено по Pressure on water resources. Water Stress. <https://data.apps.fao.org/aquastat/?lang=en> (accessed 25.08.2024)

Важнейшим показателем состояния водного хозяйства какого-либо региона или страны является уровень водного стресса, свидетельствующий о степени недостатка водных ресурсов для удовлетворения потребностей человека, его хозяйственной деятельности и обеспечения экосистем. Он определяется как процентное соотношение величины ежегодного забора пресной воды к имеющимся ресурсам пресной воды⁴. Выделяют следующие уровни водного стресса: низкий (<10%), ниже среднего (10–20%), выше среднего (20–40%), высокий (40–80%) и крайне высокий (>80%)⁵.

Мировой показатель водного стресса в 2021 г. был несколько ниже границы между уровнем ниже среднего и выше среднего и находился на отметке 18,6%⁶. Что же касается африканских стран, то низкий уровень водного стресса (<10%) был зафиксирован более чем в половине из них. Остальные государства классифицировались следующим образом.

Как явствует из таблицы, уровень водного стресса ниже среднего испытывали 8 африканских стран, расположенных на западе и востоке материка. Страны с его уровнем выше среднего (20–40%) находятся преимущественно на востоке Африки, с высоким (40–80%) – в основном на юге (Зимбабве, Эсватини, ЮАР) и отчасти на севере и западе, а страны с крайне высоким (>80%) уровнем водного стресса расположены на севере континента.

⁴ Руководство по комплексному мониторингу для ЦУР 6. Пошаговая методология мониторинга для показателя 6.4.2. С. 1. https://www.unwater.org/sites/default/files/app/uploads/2017/05/RU_Step-by-step-methodology-6-4-2_Revision-2017-01-18_Final.pdf (accesses 28.06.2024)

⁵ Partnerships and cooperation for water. The United Nations World Water Development Report 2023. UNESCO, Paris. 2023. P. 15. <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000384655> (accessed 03.06.2024)

⁶ Pressure on water resources. Water Stress. <https://data.apps.fao.org/aquastat/?lang=en> (accessed 25.08.2024)

Характерной особенностью водного хозяйства в Африке, особенно в странах с высоким и крайне высоким уровнем водного стресса, является очень сильная зависимость от ресурсов, поступающих из-за границы. Так, в 2020 г. в Египте забор пресной воды в процентах к ресурсам, формирующимся на его территории, достиг 7750%, в Ливии – 817,1%, Судане – 673,4%, Мавритании – 337,1%. В Тунисе этот показатель составлял 92,1%, Алжире – 87,2%, Нигере – 73,8%, Сомали – 55%, а в остальных странах Африки был менее 50%⁷. Высокая зависимость указанных стран от внешних водных ресурсов представляет собой серьезный риск их стабильного развития.

Одновременно с этим многие страны Африки, особенно её центральной части, ежегодно используют менее 10% своих внутренних ресурсов пресной воды. Так, например, в Габоне в 2019 г. забор пресной воды составил всего 0,085% от общего объема внутренних ресурсов, при этом 87,5% населения не имели доступа к безопасной питьевой воде [1].

ПРОГНОЗ ДОСТУПА СТРАН АФРИКИ К ЧИСТОЙ ВОДЕ

При сохранении нынешних темпов увеличения доступа к чистой воде, к 2030 г. только 37% населения стран Африки южнее Сахары будут использовать питьевую воду, подготовленную с соблюдением требований безопасности⁸, а для обеспечения всеобщего доступа потребуется их увеличить в 3–6 раз⁹.

Согласно резолюции 64/292 «Право человека на воду и санитарии», принятой Генеральной Ассамблеей ООН 28 июля 2010 г., каждый человек имеет право на доступ к воде для личных и бытовых нужд (от 50 л в сутки на человека – необходимое количество до 100 л – достаточное количество), при этом она должна быть безопасной, приемлемой по качеству и цене (затраты на неё не должна превышать 3% доходов домохозяйств). Вода также должна быть физически доступной (источник должен находиться в пределах 1000 м от дома, и на её набор должно уходить не более 30 минут)¹⁰.

Следует отметить, что обеспечение водой домохозяйств в Африке является важной обязанностью женщин и детей (чаще девочек). Так, по оценкам ЮНИСЕФ, в странах Африки южнее Сахары женщины и девочки тратят на доставку воды около 37 млрд часов в год, поскольку вынуждены ходить за ней на большие расстояния [4].

В 2020 г. потребление воды на необходимом уровне (50 л в сутки на человека) населением Африки, достигшим 1,4 млрд человек, равнялось 24 877,3 млн куб. м, а потребление воды на достаточном уровне (100 л в сутки на человека) – 49 754,6 млн куб. м, что составляло соответственно 33,5% и 67% забора воды на муниципальные нужды¹¹.

В связи с ожидаемым ростом численности африканцев к 2050 г. до 2,48 млрд человек, что примерно в 1,8 раза больше по сравнению с уровнем 2020 г., по меньшей мере в такой же пропорции должны увеличиться и объемы необходимого и достаточного уровня потребления воды для них. Ежедневный необходимый объем воды должен возрасти с 68 млн куб. м до 124,2 млн, а достаточный – с 135,9 млн куб. м до 248,3 млн¹². Поэтому можно говорить о том, что потребность в чистой воде в Африке к 2050 г., в связи с ростом африканского населения, увеличится почти вдвое, что приведет к усилению нагрузки на водные ресурсы континента.

Отдельная проблема, помимо увеличения численности населения, которая приводит к снижению доступа к чистой воде – рост африканских городов, неформальных поселений и не поспевающая за ними водная инфраструктура [2, p. 193].

Демографический рост вызовет также существенные социально-экономические изменения. Чтобы прокормить население планеты, которое достигнет 10 млрд человек в 2050 г., будет необходимо увели-

⁷ Annual freshwater withdrawals, total (% of internal resources) (accessed 04.08.2024)

⁸ State of the world's drinking water: an urgent call to action to accelerate progress on ensuring safe drinking water for all. WHO, UNICEF, World Bank. Geneva: World Health Organization. 2022. P. 17. <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/363704/9789240060807-eng.pdf?sequence=1> (accessed 12.07.2024)

⁹ Доклад о целях в области устойчивого развития. 2023 год. Специальный выпуск. ООН. С. 24. https://unstats.un.org/sdgs/report/2023/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2023_Russian.pdf (accessed 03.07.2024)

¹⁰ Водные ресурсы. ООН. <https://www.un.org/ru/global-issues/water> (accessed 17.07.2024)

¹¹ Annual freshwater withdrawals, total (billion cubic meters). <https://data.worldbank.org/indicator/ER.H2O.FWTL.K3> (accessed 06.06.2024). Annual freshwater withdrawals, domestic (% of total freshwater withdrawal). <https://data.worldbank.org/indicator/ER.H2O.FWDM.ZS> (accessed 31.07.2024) (расчет автора).

¹² Total and urban population, annual. <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.PopTotal> (accessed 23.07.2024) (расчет автора).

чить сельскохозяйственное производство почти на 50% по сравнению с 2012 г., что приведет к увеличению водозабора¹³.

Поэтому особую важность для африканских стран приобретает необходимость повышения эффективности водопользования в сельском хозяйстве, что может быть достигнуто за счет внедрения передовых технологий сбора и хранения воды, а также использования современных методов орошения¹⁴. В частности, эксперты рекомендуют переход к капельному орошению в сельском хозяйстве [3, с. 50].

Кроме того, доступное опреснение, недорогие датчики качества воды и «точное земледелие» (использование глобальной системы позиционирования (*GPS*), географических информационных системы (*GIS*), искусственного интеллекта, технологий оценки увлажнения, обнаружения вредителей и др.) могут помочь странам, особенно бедным, преодолеть «инфраструктурные пробелы», а фермерам более эффективно использовать имеющиеся ресурсы и повышать урожайность [4].

За период с 1961 по 2018 г. орошаемая площадь в мире увеличилась более чем вдвое: с 139 млн га до 328 млн га, что составило 20% от всех сельскохозяйственных угодий. При этом она обеспечила 40% мирового сельскохозяйственного производства¹⁵.

Доля орошаемых сельскохозяйственных земель в Африке в 5 раз ниже мирового показателя. Они находятся в Южной и Северной Африке, а в остальных регионах (Западной, Центральной и Восточной Африке) используется естественное увлажнение – осадки [5, р. 38].

Анализируя рост бытового и сельскохозяйственного водопотребления, следует также иметь в виду тот факт, что по мере развития экономики, расширения ирригации, санитарных услуг и муниципального водоснабжения, потребление воды на душу населения будет увеличиваться¹⁶, при этом её качество в результате роста загрязнения будет понижаться, что сделает очистку сточных вод еще более востребованной.

Важным фактором, помимо экономического роста, который будет влиять на объем водопотребления, является глобальное потепление, из-за которого обеспеченность большинства стран Африки водой может существенно ухудшиться [6, с. 7]. Кроме того, оно вызовет увеличение числа климатических потрясений (засухи, наводнения и пр.).

Из-за стихийных бедствий в 2022 г. в мире число внутренне перемещенных лиц составило 32,6 млн человек, в странах Африки южнее Сахары – 7,4 млн человек. Более всего пострадали Нигерия – 2,4 млн, Сомали – 1,2 млн, Эфиопия – 873 тыс., Южный Судан – 596 тыс., ДРК – 423 тыс., Кения – 318 тыс., Малави – 297 тыс., Мадагаскар – 291 тыс., Нигер – 248 тыс., Чад – 158 тыс., Мозамбик – 113 тыс., Судан – 105 тыс.¹⁷

По оценкам Всемирного банка, при отсутствии достаточных мер по борьбе с изменением климата к 2050 г. 216 млн человек могут быть вынуждены переехать в другие районы своих стран из-за последствий изменения климата¹⁸, т.е. произойдет увеличение внутренне перемещенных лиц в 6,6 раза в сравнении с 2022 г.

Конфликты и насилие также вызывают резкое увеличение численности внутренне перемещенных лиц. В 2022 г. в странах Африки южнее Сахары их число было свыше 9 млн человек. Больше всего внутренне перемещенных лиц в результате конфликтов было зафиксировано в ДРК – 4 млн, Эфиопии – более 2 млн, Сомали – 621 тыс., Буркина-Фасо – 438 тыс., Южном Судане – 337 тыс., Судане – 314 тыс., Мозамбике – 283 тыс., ЦАР – 290 тыс., Мали – 154 тыс., Нигерии – 148 тыс., Камеруне – 139 тыс. и 101 тыс. в Нигере¹⁹.

Какими бы ни были причины их перемещения, условия их жизни были существенно хуже, чем у коренных жителей. Так, например, в Буркина-Фасо и в ЦАР у перемещенного населения было гораздо меньше возможностей получить базовые услуги водоснабжения и санитарии, чем у остального населения этих стран. В 2020 г. 47% населения Буркина-Фасо пользовалось базовыми услугами доступа к питьевой воде, а у перемещенного населения этот показатель составил всего 30%. В ЦАР использовать

¹³ Water for prosperity and peace. Facts, Figures and Action Examples. The United Nations World Water Development Report 2024. UNESCO. P. 3. <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000388952> (accessed 04.06.2024)

¹⁴ Ibid. P. 3.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid. P. 2.

¹⁷ GRID 2023. Internal displacement and food security. IDMC. P. III. <https://www.internal-displacement.org/global-report/grid2023/> (accessed 09.08.2024)

¹⁸ Water for prosperity and peace. Facts, Figures and Action Examples. The United Nations World Water Development Report 2024. UNESCO. P. 4. <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000388952> (accessed 04.06.2024)

¹⁹ GRID 2023. Internal displacement and food security. IDMC. P. III...

базовые санитарные услуги имело возможность лишь 8% перемещенного населения, в то время как у населения страны в целом показатель был почти в 2 раза выше – 14%²⁰.

Конфликты также приводят к разрушению инфраструктуры водного хозяйства, в т.ч. оросительных сетей, что, в свою очередь, негативно влияет на продовольственную безопасность и может породить новый виток напряжения. Известно, что дефицит воды приводит к войнам, гражданским конфликтам, к снижению экономического роста [7].

Борьба за обладание источниками питьевой воды может стать причиной «водных войн» [8, с. 3]. В первую очередь это касается Сахеля, где возникают самые острые конфликты из-за нехватки воды и изменения климата между различными этническими группами, земледельцами и скотоводами²¹. Скотоводам приходится перегонять свой скот в поисках пастбищ, что приводит к конфликтам с местным населением, а фермеры вынуждены менять методы ведения хозяйства или даже покидать свои земли в поисках других, обеспеченных водой.

В некоторых районах эти конфликты перерастают в насилие, нападения на деревни и массовые убийства. Складывающейся ситуацией умело пользуются террористические группировки, базирующиеся в Сахеле («Боко Харам», «Аль-Каида»²² и др.), они вербуют отчаявшуюся молодежь в свои ряды.

Кроме того, существует вероятность возникновения конфликтов из-за границ, которые проходят по рекам, сокращение полноводности которых может привести к их смещению и возникновению войн²³.

В бассейнах рек Вольты, Замбези, Нигера и Нила находятся наиболее вероятные очаги возникновения подобных конфликтов. Так, в бассейне реки Нил расположены 11 африканских стран: Бурунди, ДРК, Египет, Кения, Танзания, Руанда, Судан, Уганда, Эритрея, Эфиопия и Южный Судан. Население стран, по территории которых он протекает, может вырасти к 2050 г. примерно в 2 раза, что приведет к уменьшению объема воды, приходящейся на душу населения, и может спровоцировать войну. Также строительство плотины Великого Возрождения Эфиопией и заполнение образованного ею водохранилища вызывает протесты Судана и Египта, которые никак не удается урегулировать и прийти к взаимоприемлемому соглашению.

Река Нигер, протекающая из Гвинеи через Мали, Нигер (по границе с Бенином) в Нигерию, имеет важное значение, особенно для Мали, одной из беднейших стран мира. Однако загрязнение её вод делает их все более непригодными для использования.

Река Замбези – одна из самых перегруженных в мире речных систем. Замбия и Зимбабве конкурируют за использование её вод для выработки электроэнергии, и их непродуманные действия в этой области могут привести к серьезным негативным последствиям. Например, открытие шлюзов плотины Кариба способно вызвать сильнейшее наводнение.

Экономическое развитие Ганы, в частности гидроэнергетики, во многом происходит благодаря реке Вольта. Однако регулярные засухи делают выработку электроэнергии ГЭС на плотине Акосомбо нестабильной и иногда вынуждают сокращать её поставку в соседние страны²⁴. Прорыв дамбы Акосомбо в 2023 г. и последовавшее за ним наводнение, из-за которого более 4 тыс. жителей Ганы покинули свои дома, поднимает вопросы безопасности, связанные с эксплуатацией этого гидросооружения.

Подавляющее большинство стран Африки южнее Сахары (42 из 48) имеют общие трансграничные бассейны (реки, озера и водоносные горизонты подземных вод). На Африканском континенте самая высокая доля трансграничных бассейнов – 64% площади суши, в сравнении с другими континентами. Трансграничное сотрудничество может способствовать смягчению водного риска, принятию более эффективных решений и восстановлению после засух и наводнений²⁵.

Примером этого может быть работа Комиссии по бассейну озера Чад. За последние 60 лет озеро Чад уменьшилось в размерах на 90%. Это привело к проблемам в экономической сфере и сфере безопасности в субрегионе. Однако в последние годы Ливия, Камерун, Нигер, Нигерия, ЦАР и Чад смогли придать новый импульс деятельности Комиссии по бассейну озера Чад и расширить её мандат (координа-

²⁰ Progress on household drinking water, sanitation and hygiene 2000-2020: five years into the SDGs. WHO, UNICEF. 2021. P. 24. <https://data.unicef.org/resources/progress-on-household-drinking-water-sanitation-and-hygiene-2000-2020/> (accessed 24.04.2024)

²¹ Bogmis A.S. Water, a crucial security issue in the Sahel. AA. 24.03.2023. <https://www.aa.com.tr/en/environment/water-a-crucial-security-issue-in-the-sahel/2854912> (accessed 05.06.2024)

²² Организации запрещены в РФ.

²³ Simpkins G. Africa Faces Water War Threats. Africa Rising 21st Century. 26 February 2010. <https://africarising2010.blogspot.com/2010/02/africa-faces-water-war-threats.html> (accessed 10.08.2024)

²⁴ Ibidem.

²⁵ Water for prosperity and peace. Facts, Figures and Action Examples. The United Nations World Water Development Report 2024. UNESCO. P. 8. <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000388952> (accessed 04.06.2024)

ция местного развития, обеспечение более эффективного использования вод бассейна и недопущение случаев возникновения разногласий между этими странами и общинами)²⁶.

Согласно докладу 2023 г. международной группы по инвестициям в водные ресурсы Африки «Растущая инвестиционная волна в Африке», достижение водной безопасности и устойчивой санитарии на Африканском континенте возможно к 2030 г. Для этого потребуется дополнительно привлечь \$30 млрд в год, или \$40 на одного африканца (в настоящее время ежегодно инвестируется лишь \$10–19 млрд) путем:

- повышения эффективности использования финансовых средств;
- мобилизации внутренних ресурсов;
- привлечения глобальных и континентальных инвестиций и финансирования.

А если принять в расчет, что каждый доллар, вложенный в водоснабжение, санитарию и адаптацию к изменению климата, приносит как минимум \$7 в виде экономической и социальной отдачи в результате достижения целей устойчивого развития и гендерного равенства, обеспечения продовольственной безопасности, сохранения окружающей среды, ускорение прогресса в энергетике, здравоохранении и образовании, то эти инвестиции, безусловно, оправданы. Из-за их недостатка, неэффективности и последствий изменения климата африканские страны ежегодно теряют до \$200 млрд²⁷.

Россия также может внести свой вклад в укрепление водной безопасности на Африканском континенте. Наша страна обладает современными компетенциями в водоочистке, строительстве водной инфраструктуры, занимается подготовкой высококвалифицированных кадров для этой сферы деятельности.

Сотрудничество с африканскими странами в водном хозяйстве может стать весьма перспективным. Это может быть комплекс программ по улучшению качества питьевой воды, внедрению современных технологий, которые будут способствовать снижению расхода воды, разработке новых образовательных программ, реализации проектов в энергетике, рыболовстве, сельском хозяйстве и промышленности [9, с. 66].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в Африке в настоящее время наблюдается дефицит безопасной пресной воды, что является серьезной угрозой для жизни и здоровья людей. При этом в странах Северной Африки недостаток пресной воды обусловлен дефицитом водных ресурсов, а в большинстве стран Африки южнее Сахары – слабым развитием водной инфраструктуры, в т.ч. водоочистки, в результате её недофинансирования и нехватки квалифицированных кадров.

Эта неблагоприятная ситуация в дальнейшем может ухудшиться в связи с ростом численности африканского населения, увеличением сельскохозяйственного производства, урбанизацией, загрязнением воды, климатическими изменениями и возникающими конфликтами, в т.ч. из-за дефицита воды, которые могут привести к социальной нестабильности, вооруженным конфликтам и миграции населения.

Для решения вопросов, связанных с доступом африканских стран к чистой воде, требуется заключение договоров о трансграничном сотрудничестве в водной сфере, реализация государственных и международных программ развития водной инфраструктуры, внедрение современных технологий очистки воды и методов ирригации, а также образование населения.

Россия может внести свой вклад в достижение Африкой всеобщего доступа к чистой воде благодаря наличию уникальных технологий водоочистки, подготовке квалифицированных кадров и реализации совместных проектов в водном хозяйстве.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Simpson G.B., Jewitt G.P.W., Mabhaudhi T., Taguta C., Badenhorst J. 2023. An African perspective on the Water-Energy-Food nexus. *Scientific Reports*. 06 October 2023. <https://doi.org/10.1038/s41598-023-43606-9> (accessed 31.05.2024)
2. Chitonge H. 2020. Urbanisation and the water challenge in Africa: Mapping out orders of water scarcity. *African Studies*. 79 (4). № 2. Pp. 192–211. DOI: 10.1080/00020184.2020.1793662. <https://researchgate.net/publication/3434>

²⁶ Водный кризис угрожает миру во всем мире (доклад). UNESCO. 22.03.2024. <https://www.unesco.org/ru/articles/vodnyy-krizis-ugrozhayet-miru-vo-vsem-mire-doklad> (accessed 21.08.2024)

²⁷ Global leaders say Africa can achieve water security by 2030, present three pathways supported by action plan. African Union. 29 March 2023. <https://au.int/en/pressreleases/20230329/global-leaders-say-africa-can-achieve-water-security-2030-present-three> (accessed 28.05.2024)

- 58649_Urbanisation_and_the_water_challenge_in_Africa_Mapping_out_orders_of_water_scarcity (accessed 27.07.2024)
3. Скубко Ю.С. Кризис водоснабжения в Кейптауне и в Крыму: некоторые схожие проблемы и пути решения. (На англ. яз.). *Ученые записки Института Африки РАН*. 2019. № 1 (46). С. 50–57. DOI: 10.31132/2412-5717-2019-46-1-50-57
Skubko Yu.S. 2019. Cape Town and Crimean Water Resources Crisis: Some Similar Problems and Possible Solutions. *Journal of the Institute for African Studies*. № 1 (46). Pp. 50–57. (In Russ.). DOI: 10.31132/2412-5717-2019-46-1-50-57
 4. Omolere M.P. 2024. Global Water Crisis: Why the World Urgently Needs Water-Wise Solutions. *Earth Org*. 12 March 2024. <https://earth.org/global-water-crisis-why-the-world-urgently-needs-water-wise-solutions/> (accessed 07.06.2024)
 5. Suri T., Udry Ch. 2022. Agricultural Technology in Africa. *The Journal of Economic Perspectives*. Winter 2022. Vol. 36. № 1. Pp. 33–56. https://jstor.org/stable/pdf/27099458.pdf?refreqid=fastly-default%3A1d06aef82d8c5c0e929635bd3668e4c8&ab_segments=0%2Fbasic_search_gsv2%2Fcontrol&origin=search-results&acceptTC=1 (accessed 18.04.2024)
 6. Абрамова И., Фитуни Л. Цена «голубого золота». *Азия и Африка сегодня*. 2008. № 12. С. 7–12.
Abramova I., Fituni L. 2008. The price of “blue gold”. *Asia and Africa today*. № 12. Pp. 7–12. (In Russ.)
 7. Emile R., Clammer J.R., Jayaswal P., Sharma P. 2022. Addressing water scarcity in developing country contexts: a socio-cultural approach. *Humanities and Social Sciences Communications*. <https://doi.org/10.1057/s41599-022-01140-5> (accessed 30.05.2024)
 8. Петров Н. Грядут ли «водные войны»? *Азия и Африка сегодня*. 2008. № 12. С. 3–6.
Petrov N. 2008. Are “water wars” coming? *Asia and Africa today*. № 12. Pp. 3–6. (In Russ.)
 9. Царев П.Г. Сотрудничество России и Африки в водной сфере. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2017. № 2 (39). С. 66–76.
Tsarev P. 2017. Russian-African cooperation in the sector of water resources. *Journal of the Institute for African Studies*. № 2 (39). Pp. 66–76. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Константинова Ольга Владимировна, кандидат экономических наук, научный сотрудник, Центр изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Olga V. Konstantinova, PhD (Economics), Researcher, Centre for the Study of the Russian-African Relations and African States' Foreign Policy, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 02.10.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 07.11.2024

Принята к публикации
(Accepted) 22.11.2024

DOI: 10.31857/S0321507524120092

«Интеллектуальное паломничество в буддизм»

© Бадмаев В.Н.^а, 2024

^а Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б.Городовикова, Элиста, Россия
ORCID: 0000-0003-1066-8314; badmav07@yandex.ru

Резюме. С 12 по 14 августа в г. Улан-Удэ прошел II Международный буддийский форум «Традиционный буддизм и вызовы современности» – значимое событие для всех стран буддийского мира. Были обозначены следующие цели Форума: актуализировать понимание буддийской культуры, философии и практики в условиях современного общества; укрепить международные связи буддистов; придать новый импульс научно-образовательному и культурному сотрудничеству буддийских организаций разных стран. Научная программа форума стала своего рода «интеллектуальным паломничеством в буддизм».

В рамках форума Институт монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБТ) Сибирского отделения РАН организовал международную научную конференцию «Буддизм в условиях изменяющегося мира», целью которой явилось обсуждение актуальных проблем изучения, сохранения и использования буддийского наследия в современных условиях, взаимодействия науки и буддизма, значения и роли буддизма в общественно-политической, экономической, нравственной жизни человечества и в разрешении проблем, конфликтов и противоречий современного мира.

Ключевые слова: Международный буддийский форум, буддизм в России, буддологические исследования

Благодарность. Обзор подготовлен в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (№ 075-03-2024-113 «Буддизм и глобальные вызовы современного мира»).

Для цитирования: Бадмаев В.Н. (Улан-Удэ). «Интеллектуальное паломничество в буддизм». *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 12. С. 73–76. DOI: 10.31857/S0321507524120092

“An Intellectual Pilgrimage to Buddhism”

© Badmaev V.N.^а, 2024

^а Kalmyk State University, Elista, Russia
ORCID: 0000-0003-1066-8314; badmav07@yandex

Abstract. On 12–14 August, the II International Buddhist Forum “Traditional Buddhism and Challenges of Modernity” was held in Ulan-Ude – a significant and important event for all countries of the Buddhist world. The following goals of the Forum were outlined: to update the understanding of Buddhist culture, philosophy and practice in the conditions of modern society; to strengthen international ties of Buddhists; to give new impetus to scientific-educational and cultural cooperation of Buddhist organizations of different countries. The scientific program of the Forum became a kind of “intellectual pilgrimage to Buddhism”.

As part of the forum, the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences organized an international scientific conference “Buddhism in a Changing World”. The purpose was to discuss current issues of studying, preserving and using Buddhist heritage in modern conditions, the interaction of science and Buddhism, the significance and role of Buddhism in the socio-political, economic, moral life of humanity, and in resolving problems, conflicts and contradictions of the modern world.

Keywords: International Buddhist Forum, Buddhism in Russia, Buddhist studies

Acknowledgement. The review was prepared on the basis of a state assignment from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (№ 075-03-2024-113).

For citation: Badmaev V.N. (Ulan-Ude). “An Intellectual Pilgrimage to Buddhism”. *Asia and Africa today*. 2024. № 12. Pp. 73–76. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507524120092

С 12 по 14 августа в г. Улан-Удэ прошел II Международный буддийский форум **«Традиционный буддизм и вызовы современности»** – значимое событие для всех стран буддийского мира. Организаторами форума выступили правительство Республики Бурятия, Буддийская традиционная сангха России, Фонд содействия буддийскому образованию и исследованиям при поддержке Фонда Росконгресс.

Были обозначены следующие цели Форума:

- актуализировать понимание буддийской культуры, философии и практики в условиях современного общества;
- укрепить международные связи буддистов;
- придать новый импульс научно-образовательному и культурному сотрудничеству буддийских организаций разных стран.

Необходимо отметить, что если в I Международном буддийском форуме, который состоялся также в г. Улан-Удэ в августе 2023 г., приняли участие более 600 человек из 13 стран, то участниками нынешнего форума стали более 3000 гостей из 15 стран (Бангладеш, Белоруссия, Бразилия, Бутан, Вьетнам, Индия, Камбоджа, Китай, Лаос, Монголия, Мьянма, Непал, Таиланд, Шри-Ланка, Япония) и 40 регионов России. Иностранные делегации были представлены ведущими учеными, буддийскими деятелями, представителями дипломатического корпуса.

Форум сопровождался мероприятиями обширной культурной программы и религиозными обрядами (учение Белой Тары и построение мандалы, йога-ретрит, фестиваль восточных единоборств, мастер-класс по традиционному ушу от мастеров храма Шаолинь, открытие выставки «Шедевры буддийского бурятского искусства из Государственного Эрмитажа», концерт мастеров искусств Республики Бурятия и др.). Не менее насыщенной и богатой была научная программа форума, ставшая своего рода «интеллектуальным паломничеством в буддизм».

12 августа в рамках форума Институт монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБТ) Сибирского отделения РАН организовал международную научную конференцию **«Буддизм в условиях изменяющегося мира»**, целью которой явилось обсуждение актуальных проблем изучения, сохранения и использования буддийского наследия в современных условиях, взаимодействия науки и буддизма, значения и роли буддизма в общественно-политической, экономической, нравственной жизни человечества и в разрешении проблем, конфликтов и противоречий современного мира.

Пленарное заседание открыл директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБТ) Сибирского отделения РАН, академик РАН **Б.В.Базаров**. В своем докладе *«Буддизм и вызовы третьего тысячелетия»* он отметил, что «современное человечество вошло в зону турбулентности и неопределенности на фоне грозного экономического кризиса в перекрестии системных переустройств» и в этих условиях изменениям подвергаются «наиболее консервативные, традиционные формы мировоззрения, к которым относятся религии, в том числе и буддизм».

Заведующий отделом философии, культурологии и религиоведения ИМБТ СО РАН, профессор, д.филос.н. **Л.Е.Янгутов** в докладе *«Буддологические исследования в ИМБТ СО РАН»* представил широкий спектр буддологических исследований Института, охватывающий историю, философию, сотериологию, психологию буддизма России, стран Центральной и Восточной Азии, которые проводятся на базе оригинальных источников на китайском, тибетском, старописьменном и современном монгольском, японском, корейском языках.

Профессор Калмыцкого государственного университета, д.филос.н. **В.Н.Бадмаев** в своем выступлении *«Буддологические исследования в КалмГУ»* поделился результатами этих исследований. По его мнению, востоковедно-буддологические исследования российских ученых своей внешней направленностью и внутренним содержанием подчеркивают евразийство российского государства, исторически отличавшегося своей поликонфессиональностью и полиэтничностью; отмечают евразийство российской культуры, ставшей «духовным домом» для всех населяющих Россию народов.

К.филос.н. **Ч.О.Адыгбай** свой доклад *«Возрождение буддизма и буддологические исследования в Туве»* посвятила анализу процесса возрождения буддизма в Туве (обучение тувинских монахов в буддийских монастырях Индии, получение ими академической степени геше – доктора буддийской философии; восстановление во всех кожуунах¹ Республики Тыва буддийских ступ, строительство новых

¹ Наименование муниципальных районов в Республике Тыва (прим. ред.).

буддийских храмов – хурээ) и его влиянию на развитие современных буддологических исследований в республике.

Директор Института философии Академии наук Монголии, профессор **Б.Пурэвсурэн** в докладе «*Буддизм и сфера монгольской культуры*» рассмотрел основные направления влияния буддизма на монгольскую культуру, вопросы взаимодействия буддизма и кочевой цивилизации Монголии, важность духовного и морального воспитания современной монгольской молодежи через приобщение к ценностям буддизма.

Профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, д.филос.н. **А.К.Хабдаева** в докладе «*Исследования буддизма в Китае*» представила анализ изучения китайской традиции буддизма. На основе подробного историко-библиографического обзора она сделала вывод о том, что «буддология становится заметным явлением китайской гуманитарной науки».

Конференция продолжила работу в формате секционных заседаний: «Буддологические исследования в России и мире: опыт, проблемы и перспективы»; «Буддийские источники и философия буддизма»; «История буддизма»; «Наука и буддизм: параллели взаимодействия и пути решения глобальных проблем современности». Кроме того, был организован Круглый стол «Буддийское искусство. Традиции и современность».

13 августа состоялось официальное открытие II Международного буддийского форума. Президент Российской Федерации В.В.Путин, министр иностранных дел России С.В.Лавров направили приветственные послания участникам форума, отметив значимый вклад буддистов в сохранение мира, согласия и взаимопонимания в обществе, в развитие межрелигиозного и межнационального диалога.

Работа форума началась с заседаний дискуссионных панелей по направлениям: «Буддийское образование», «Буддизм и сознание», «Традиции восточной медицины в современной жизни», «Буддизм и экология», «Ценности буддийской и национальной культуры как драйверы развития туризма и гостеприимства», «Буддизм и традиционные ценности», «260-летие института Пандито Хамбо-лам России».

На дискуссионной панели «*Буддийское образование*» ректоры российских университетов (Бурятский государственный университет, Забайкальский государственный университет, Калмыцкий государственный университет, Тувинский государственный университет), исследователи из российских и зарубежных университетов (Буддийский университет Лумбини, Непал); Университет народной медицины, Шри-Ланка); Университет Гонконга; Делийский колледж Захира Хусейна, Индия); Белорусский государственный университет) в своих докладах обсудили такие вопросы, как научное сотрудничество в области буддийского образования между ведущими отечественными и зарубежными университетами; организация сетевого взаимодействия учебных заведений для создания единого образовательного пространства; консолидация научно-исследовательского потенциала светских и религиозных, отечественных и зарубежных учебных заведений; перспективы развития буддийского образования в мире.

Обсуждению взаимосвязи буддийской концепции сознания и современных научных открытий, специфики буддийского понимания природы сознания, его структуры и уровней, формирования новых научных направлений, таких как медитативная нейробиология, а также опыта и перспектив сотрудничества современной науки и буддийской философии было посвящено заседание дискуссионной площадки «*Буддизм и сознание*».

Участники дискуссионной панели «*Традиции восточной медицины в современной жизни*» обсудили состояние традиционной медицины в странах Востока и в России, а также широкий спектр вопросов интегративной медицины, сочетающей буддийские традиции и достижения науки. Были представлены доклады, посвященные опыту традиционной медицины в Шри-Ланке; консультированию и психотерапии больных на основе буддийских писаний; уникальной монгольской терапии «золотой иглой»; оригинальной акупунктурной терапии «золотой иглой» в монгольской медицине; экосистеме «Традиционная медицина Бурятии»; компендиуму тибетской медицины и др.

Секция «*Буддизм и экология*» объединила участников форума вокруг таких вопросов, как опыт и потенциал буддийской культуры в решении экологических проблем, принявших не только глобальный, но и мировоззренческий характер; буддийское отношение к окружающей среде; роль экологического просвещения; экологические традиции буддизма; взаимосвязь экологии этноса и традиционной буддийской культуры. В ходе состоявшейся дискуссии поднимались проблемы, связанные с особенностями буддийских подходов к экологии, отношением буддизма к экономическим проблемам и проблемам потребления. Было отмечено, что буддийские морально-этические принципы сострадания, альтруизма

и ненасилия, а также учение о всеобщей взаимозависимости помогают сформировать экологическое видение, объединяющее все аспекты экосферы (людей, животных и растительный мир) на основе принципа взаимной связи.

На дискуссионной панели «*Ценности буддийской и национальной культуры как драйверы развития туризма и гостеприимства*» были представлены доклады, посвященные исследованию роли ценностей и культурного наследия буддизма в достижении устойчивого мира; опыта Камбоджи в развитии религиозно-паломнического туризма; роли буддизма в культурном диалоге Шри-Ланки и России; взаимосвязи спортивного ушу и религиозного туризма; религиозного туризма как фактора развития экономики Республики Тыва; просветительского проекта «Ехэ гороо»² для развития местных сообществ и сельских территорий и др. По итогам обсуждения участники панели приняли решение о рекомендации по формированию межрегионального туристского проекта «Алтан Гороо», объединяющего паломнические маршруты по крупнейшим буддийским святыням России на основе единой концепции и брендинга.

Участники дискуссионной площадки «*Буддизм и традиционные ценности*» обсудили вопросы отношения буддизма к традиционным ценностям народов ареала его распространения. Особое место заняли вопросы, связанные с бытованием буддизма в России, влиянием буддийских идей и ценностей на культуру народов России. Обсуждались доклады, посвященные взаимоотношениям буддизма и традиционных ценностей; современному буддизму в Китае, Корее и Японии; сравнительному анализу концепта горы Меру в космологии индуизма и тибетского буддизма; исследованию буддийских идей в культуре России как фактора формирования общенациональных ценностей и др.

Особое место в работе форума заняла дискуссионная панель, посвященная «*260-летию института Пандито Хамбо-лам России*».

Как известно, 260 лет назад указом российской императрицы Екатерины II был утвержден институт Пандито Хамбо-лам – духовных лидеров буддистов, что стало официальным признанием буддизма в Российской империи, важнейшим фактором в истории и культуре российского государства. В ходе работы данной панели обсуждались такие вопросы, как история развития института Пандито Хамбо-лам в России, деятельность I Пандито Хамбо-ламы Д.Д.Заяева, деятельность XII Пандито Хамбо-ламы Даши-Доржо Этигилова, буддизм в России и роль Бакула Римпоче³.

14 августа в Иволгинском дацане состоялись проведение Хурала «Бурхан Багшын магтал», поклонение нетленному телу XII Пандито Хамбо-ламы Даши-Доржо Этигилова, пленарное и секционные заседания конференции «Феномен XII Пандито Хамбо-ламы Даши-Доржо Этигилова».

По итогам работы форума была принята резолюция, в которой была отмечена необходимость научного изучения буддизма, его наследия, культуры, литературы объединенными усилиями ведущих ученых и исследователей всего мира.

Было принято решение о проведении III Международного буддийского форума «Традиционный буддизм и вызовы современности» в 2025 г. в Республике Калмыкия.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бадмаев Валерий Николаевич, доктор философских наук, профессор, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б.Городовикова, Элиста, Россия.

Valeriy N. Badmaev, Dr.Sc. (Philosophy), Professor, Kalmyk State University, Elista, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 01.09.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 18.10.2024

Принята к публикации
(Accepted) 15.11.2024

² Паломнический тур по дацанам и святым местам Бурятии (прим. ред.).

³ Крупный международный буддийский деятель, политический деятель Республики Индия (прим. ред.).

DOI: 10.31857/S0321507524120103

Россия – Африка: помня уроки прошлого, мостить дорогу в будущее (заметки советского/российского посла)

© Зайцев А.С.^а, 2024

^а МИД РФ, Москва, Россия
az4774@mail.ru

Резюме. В статье анализируется внутривнутриполитическая ситуация в Народной Республике Конго во второй половине 1980-х гг., показано воздействие на её развитие кардинальных перемен во внутренней и внешней политике СССР. Отмечено влияние форсирования процесса демократизации на внутривнутриполитическую стабильность страны. Прослеживаются последствия сокращения экономического и дипломатического присутствия России на Африканском континенте после распада СССР.

По мнению автора, для выстраивания и успешной реализации курса России на всеобъемлющее и равноправное сотрудничество со странами Африки особое значение имеет объективная оценка уроков прошлого, сохранение и использование позитивного опыта, наработанного за прошедшие десятилетия наших взаимоотношений.

Ключевые слова: Народная Республика Конго, Республика Конго, саммиты Россия – Африка

Для цитирования: Зайцев А.С. Россия – Африка: помня уроки прошлого, мостить дорогу в будущее. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 12. С. 77–81. DOI: 10.31857/S0321507524120103

Russia – Africa: Remembering the Lessons of the Past, Pave the Way for a Future (Notes by the Soviet/Russian Ambassador)

© Anatoly S. Zaytsev^а, 2024

^а Ministry of Foreign Affairs,
Russian Federation, Moscow, Russia
az4774@mail.ru

Abstract. the article analyzes the political situation in the People's Republic of Congo in the second half of the 1980s, shows the impact on its development of cardinal changes in the internal and foreign policy of the USSR. The influence of the acceleration on the domestic political situation of the country is noted. The consequences of the reduction of Russia's economic and diplomatic presence on the African continent after the collapse of the USSR are traced.

The article ends with a conclusion about the particular importance for building and successfully implementing Russia's course towards comprehensive and equal cooperation with African countries of an objective assessment of the lessons of the past, preservation and use of positive experience gained over decades of our relationships.

Keywords: People's Republic of Congo, Republic of Congo, Summits Russia – Africa

For citation: Zaytsev A.S. Russia – Africa: Remembering the Lessons of the Past, Pave the Way for a Future. *Asia and Africa today*. 2024. № 12. Pp. 77–81. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507524120103

ВВЕДЕНИЕ

Во второй половине 80-х гг. реализация политики перестройки в СССР оказала глубокое влияние на развитие социально-экономических процессов в странах Африканского континента. В Конго (Браззавиль), где широкий размах получило движение за обновление общественно-политической системы, противоборство основных политических сил привело к затянувшемуся на многие годы внутривнутриполитическому кризису.

Последовавшие после распада СССР шаги России в отношении стран Африки в значительной мере затронули наше разностороннее сотрудничество с Республикой Конго, опиравшееся на фундамент близости внешнеполитических целей и экономическую заинтересованность.

АККРЕДИТАЦИЯ

22 ноября 1989 г. прямым рейсом Аэрофлота я прилетел в Браззавиль, столицу страны моего нового назначения – Народной Республики Конго (в 1991 г. возвращено прежнее название – Республика Конго). Повсюду царил чемоданное настроение, послы из Болгарии, Чехословакии и ГДР ждали решения своей судьбы, скорого закрытия посольств. Все пристально следили и не без тревоги комментировали происходящее у себя дома, строили предположения, в каком направлении будут развиваться дальше перестроечные процессы в Советском Союзе и как это может сказаться на ситуации в их собственных странах. Сетовали на спад двусторонних экономических связей с Конго по причине невыполнения конголезской стороной взятых на себя обязательств по заключенным ранее контрактам.

Церемония вручения верительных грамот, назначенная на 9 декабря, по конголезскому протоколу включала беседу один на один с президентом НРК Д.Сассу-Нгессо и интервью для местной прессы и телевидения.

Затем с президентом перешли в отдаленную часть зала, проведя за беседой около получаса. Президент держался подчеркнуто дружелюбно, его в первую очередь интересовало происходящее у нас в стране и у наших восточноевропейских союзников. Остановившись на двусторонних связях, заверил главу конголезского государства в неизменности стремления руководства нашей страны и дальше «поддерживать и развивать отношения дружбы и сотрудничества с Народной Республикой Конго».

Перешел затем к теме – этого президент явно ожидал – его официального визита в СССР. (Отмена в 1988 г. по нашей инициативе его визита в Москву оставила у конголезской стороны негативный осадок.) Развеять эти настроения должно было переданное мною устное послание Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Составленное в обтекаемой форме, оно было призвано создать у адресата, выслушавшего послание с очевидным удовлетворением, впечатление, что вопрос о его визите не снят нами с повестки дня и дело только за согласованием взаимоприемлемых сроков. (Россию президент Д.Сассу-Нгессо посетил лишь в 2006 г. в качестве приглашенного на саммит «Восьмерки» в С.-Петербурге.)

Так я официально вступил в новую должность: первые два года в качестве посла СССР в Народной Республике Конго и еще более двух с половиной последних лет – посла Российской Федерации, уже в Республике Конго.

ПЕРЕСТРОЙКА «ПО-КОНГОЛЕЗКИ»

Страну я застал почти на пике политического и социально-экономического кризиса. Сложную внутривнутриполитическую обстановку в стране усугублял продолжающийся спад экономики, которая так и не оправилась после кризиса 1985 г., вызванного падением цен на нефть, главный источник её валютных поступлений.

В конголезском обществе, традиционно очень политизированном, росло движение за перемены, в котором всё активнее участвовали профсоюзы и студенты. Внутри правящей Конголезской партии труда (КПТ) (её председателем четыре месяца назад был переизбран на новый срок президент страны Д.Сассу-Нгессо), переживавшей острый идейный кризис, усилилось влияние «реформаторского крыла», которое выступало за разрыв с идеологическим наследием 60-х гг., обновление всей общественно-политической системы страны.

25 февраля 1991 г. под давлением профсоюзов и оппозиции была созвана Национальная конференция, в которой приняли участие представители свыше ста партий и ассоциаций. Однако её работа вскоре зашла в тупик. С одной стороны, по причине неготовности руководства страны к радикальным шагам в направлении демократизации жизни страны, с другой – нерешительности самой оппозиции, которая, настаивая на своих требованиях, не была готова к решительным мерам из-за опасений насильственных действий со стороны властей. Руководство КПТ тогда еще надеялось, что удастся обеспечить мирный конституционный переход к многопартийности, избежав при этом конфликтов и применения силы, подобно тому, как это было в Мали, Камеруне и ЦАР.

Послы большинства аккредитованных в Браззавиле африканских стран, особенно тех, которые еще не затронули такого размаха обновленческие процессы, воспринимали происходящее в Конго с нескрываемой тревогой, примеряя происходящее здесь на себя. В беседах они, подкрепляя свою точку

зрения экскурсами в историю и ссылками на специфику своих стран и Конго, подчеркивали опасность форсирования процессов демократизации, к чему конголезцы, судя по тому, как развивались события, оказались явно неподготовленными.

Западные же партнеры Конго, в первую очередь его главный донор – Франция, поначалу придерживались выжидательной позиции, не будучи уверенными в конечном исходе конференции. Однако обуславливая предоставление финансово-экономической помощи Конго прогрессом на пути демократизации, они, по существу, подталкивали события, поощряя на более активные действия политические силы, под флагом «демократических перемен» добивающиеся власти.

Накануне открытия Национальной конференции 17 февраля 1991 г. поддержать Д.Сассу-Нгессо прилетел Н.Мандела, тогда в качестве вице-президента АНК, с которым мне довелось встретиться дважды – на приеме и во время устроенной для него с приглашением нескольких послов прогулки по реке Конго. Когда Д.Сассу-Нгессо представил меня легендарному борцу с апартеидом, Н.Мандела повел себя довольно сдержанно, к продолжению беседы со мной интереса не проявил.

К июню 1991 г. президенту РНК все же удалось – в попытках обеспечить политическую стабильность и преемственность в процессе формирования в условиях многопартийности новых властных структур в стране – найти приемлемый компромисс с большей частью оппозиции, добиться сохранения президентского поста, хотя и со значительно урезанными функциями. Чем он еще раз подтвердил свою репутацию ответственного, сильного и решительного политика.

После бурных дискуссий Национальная конференция закрылась достижением – в результате взаимных уступок и политического лавирования – консенсуса на 12-месячный переходный период, во время которого предусматривалось проведение конституционного референдума (намеченный на ноябрь 1991 г., он так и не состоялся), парламентские и президентские выборы.

Как показали дальнейшие события, это не принесло нормализации ситуации в стране, став лишь краткой передышкой перед чередой драматических событий, захлестнувших страну на пять последующих лет.

После проведенных в июне – августе 1992 г. парламентских и президентских выборов противостояние ведущих политических сил в стране вылилось в прямые кровопролитные столкновения между сторонниками пропрезидентского альянса и вооруженными формированиями оппозиционного блока, оппортившего результаты второго тура президентских выборов.

Массовые обстрелы с применением гранатометов подразделениями армии и полиции двух густонаселенных районов города, куда проникли вооруженные отряды оппозиции, привели к многочисленным жертвам среди населения. Они особенно усилились в июне и ноябре 1993 г. и после короткой паузы вновь возобновились в декабре 1993 – январе 1994 г. Серьезно пострадали посольства, расположенные в зоне перекрестного обстрела.

В Браззавиле был введен комендантский час. Передвижения по городу были затруднены из-за обстрелов и проверок на блокпостах. На них, несмотря на ноты протеста, продолжали задерживать дипломатов, включая послов в автомашинах под флагом, что приводило к многочисленным инцидентам и было поводом для официальных представлений.

Во время одной из таких стычек был убит посол Ливии. Мне как исполняющему в это время в отсутствие посла Камеруна обязанности дуайена дипкорпуса довелось возглавить траурные мероприятия и по просьбе («Из соображений безопасности», – как он объяснил) прибывшего из Триполи специального представителя президента Ливии сопровождать после краткой церемонии вместе с несколькими послами гроб с телом убитого коллеги в аэропорт¹.

Не меньше проблем доставляли длительные перебои со снабжением города продовольствием. Ситуация заметно ухудшилась после вывода из строя единственной железнодорожной магистрали, по которой в столицу доставлялось продовольствие (страна почти полностью зависела от его импорта из порта г. Пуэнт-Нуара). В самые трудные периоды мы обращались за помощью к нашему посольству в Заире, которое выписывало продукты питания через иностранную фирму.

¹ Отсутствие на церемонии послов западных стран объяснялось их позицией бойкота Ливии, обвиняемой в организации теракта, приведшего к гибели в сентябре 1989 г. пассажирского самолета DC-10 авиакомпании ЮТА. Это трагическое происшествие поставило НР Конго, выступавшую с трибуны ООН за пресечение международного терроризма, в двусмысленное положение, так как этот самолет вылетел с международного аэродрома Браззавиля, а главный свидетель – конголезец – вскоре «исчез» при загадочных обстоятельствах из браззавильской тюрьмы.

В связи с резким обострением обстановки осенью 1993 г. пришлось эвакуировать в Москву членов семей сотрудников нашего посольства.

СОТРУДНИЧЕСТВО В НОВЫХ РЕАЛИЯХ

Ко времени моего приезда наше присутствие в Народной Республике Конго заметно сократилось. В первую очередь это затронуло технико-экономическое сотрудничество. Главным образом – по причине резкого сокращения советских кредитов, в счет которых осуществлялись командирование наших специалистов, поставки техники, материалов и горючего.

Были закрыты представительства ГКЭС и Экспортфильма, корпункты ТАСС и АПН. Еще функционировали, при постоянно сокращаемых финансировании и штатах, торгпредство, Культурный центр и представительство Аэрофлота, работали группы геологов, преподавателей лицеев, профтехучилищ и военных специалистов.

Основная волна сокращений пришлась на конец 1991 – начало 1992 г. после произошедших у нас в стране событий, приведших к распаду Советского Союза.

В конце декабря 1991 г. изменился статус нашего посольства и посла, соответственно. Как и официальное название страны пребывания, которой несколькими месяцами раньше было возвращено прежнее название – Республика Конго.

В ноябре 1991 г. было получено указание о переводе с января следующего года работы наших специалистов на коммерческую основу и проведении в срочном порядке с конголезской стороной переговоров для заключения соответствующих контрактов.

Прекращение нашей безвозмездной помощи и кредитов Конго, на которых держался и без того заметно сократившийся в последние годы объем двустороннего технико-экономического и культурного сотрудничества, поставило как конголезцев, так и посольство в крайне затруднительное положение.

Участившиеся задержки военных поставок по ранее заключенным контрактам, необходимых для поддержания в должном состоянии летной техники, острая нехватка авиационного керосина для учебно-тренировочных полетов, затягивание ремонтных и регламентных работ из-за недопоставок запчастей всё острее сказывались на работе поредевшей группы наших военных советников, в том числе летчиков-инструкторов, помогавших конголезцам осваивать поставленные им в прошлые годы истребители МИГ-21.

С досрочным отъездом в Москву большей части наших специалистов, затягиванием конголезской стороной подписания коммерческих контрактов, в коллективах остающихся специалистов росли напряжение и нервозность, которые усиливали приходящие вести об экономических тяготах дома.

Выстраивание отношений с Конго в условиях произошедших в обеих наших странах коренных политических и социально-экономических перемен потребовало от всех нас немалых усилий. Прежде всего, нуждалась в обновлении и приведении в соответствие с новыми реалиями договорно-правовая база сотрудничества СССР – НРК, заложенная в иных социально-экономических условиях.

Начав вместе с представителями конголезских ведомств с заключенных ранее двусторонних соглашений, посольство в своей работе и в направляемых в Центр предложениях старалось сохранить всё полезное из наработанного за 30 лет опыта сотрудничества с Конго.

УЙДУТ ЛИ РУССКИЕ ИЗ АФРИКИ?

В мае 1992 г. вместе с информацией о закрытии в африканских странах 9 посольств, 4 консульств, большого числа торговых представительств и культурных центров пришли указания о прекращении деятельности генконсульства в г. Пуэнт-Нуаре. Получил сообщение о планируемом закрытии нашего посольства в соседней ЦАР и моем назначении в Банги послом по совместительству (позднее перерешили, и посольство в ЦАР было сохранено).

В беседах с нами в тот период конголезскими представителями различного уровня, особенно после закрытия нашего генконсульства в экономической столице Конго – г. Пуэнт-Нуаре, неизменно высказывалась озабоченность по поводу «сокращения присутствия России в Конго и Африке». Рассеять подобные сомнения не помог и блиц-визит в начале 1992 г. министра иностранных дел РФ А.В.Козырева в Анголу, ЮАР и Египет. По оценке руководства конголезского МИД, эта поездка не столько убедила

страны континента в намерении России играть более активную роль в Африке, сколько вызвала разноречивые предположения насчет «приоритетов нового российского руководства на африканском направлении».

Проведенные в рамках состоявшихся в Браззавиле в сентябре 1992 г. межмидовских консультаций беседы подтвердили, что у наших стран сохраняются определенные возможности для взаимодействия по политическим вопросам с учетом того, что конголезцы разделяют подходы России к урегулированию конфликтных ситуаций на Африканском континенте, в частности в Анголе, Мозамбике, Сомали и на юге Африки.

Переводя на новую основу торговые и экономические связи, посольство делало упор на освоение новых форм сотрудничества, активное привлечение, помимо государственных, коммерческих структур. Ценой немалых усилий с обеих сторон в июле 1992 г. удалось провести в Москве 2-е заседание Смешанной двусторонней комиссии по экономическому, научно-техническому сотрудничеству и торговле. Однако выполнение принятых решений, наталкиваясь на многочисленные трудности, главным образом финансовые, затягивалось, как и рассмотрение конголезской стороной переданных ей проектов двусторонних соглашений.

С трудом продвигались инициированные Москвой переговоры об урегулировании конголезской задолженности. Конголезская сторона возражала против включения в общий объем долговых обязательств военных поставок, заявляя, что «рассматривает получение советской военной помощи как форму оказания бескорыстной поддержки со стороны СССР борьбы с империализмом».

Ободряло же нас то, что, вопреки всем трудностям, удалось поддерживать на плаву сотрудничество в области образования и культуры: продолжали работать Российский культурный центр и группа преподавателей в местных лицеях и профтехучилищах, сохранилась практика приема (теперь уже на компенсационной основе) конголезских студентов на учебу в российские вузы.

За 30 лет со дня установления дипломатических отношений с НР Конго в вузах Советского Союза было подготовлено свыше 7 тыс. конголезских специалистов, из которых более трети находились на ключевых постах в различных отраслях экономики, министерствах и ведомствах, в т.ч. в МИДе. Эту помощь нашей страны в подготовке национальных кадров специалистов, как и в других областях взаимного сотрудничества, конголезцы до сих пор высоко ценят.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из воспоминаний о работе в Республике Конго взял, на мой взгляд, актуальное для нынешнего момента, когда для успеха России на африканском направлении особенно важно объективно оценить уроки прошлого, сохраняя и используя все позитивное из наработанного за прошедшие более шести десятилетий опыта наших отношений со странами Африки.

За последние годы взаимовыгодное сотрудничество России и Республики Конго заметно выросло и сегодня выходит на новый уровень. Крепнут хорошие отношения, переданные по наследству от Советского Союза и проверенные годами. Намерение сторон развивать совместные проекты во многих отраслях экономики подтвердили визиты в июле 2022 г. и июне 2024 г. в Республику Конго министра иностранных дел России С.В.Лаврова.

Проведенные в Сочи и Санкт-Петербурге саммиты Россия – Африка придали новый импульс развитию и укреплению многопланового партнерства наших двух стран.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Зайцев Анатолий Сафронович, кандидат экономических наук, посол СССР/РФ в НРК/РК в 1989–1994 гг.; заместитель председателя Ассоциации российских дипломатов МИД России, Москва, Россия.

Anatoly S. Zaytsev, PhD (Economics), Ambassador of USSR/RF in NRC/RC (1989–1994); Deputy Chairman, Association of Russian diplomats, Ministry of Foreign Affairs, Russia, Moscow.

Поступила в редакцию
(Received) 06.06.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 02.10.2024

Принята к публикации
(Accepted) 18.11.2025

Новая книга академика А.М. Васильева

Среди многочисленных публикаций, посвященных Аравийскому полуострову, «История Саудовской Аравии» и в первых, и в последующих изданиях на русском, арабском, английском языках занимает уникальное место. В ней охвачена эволюция саудовского общества примерно с середины XVIII в. до третьего десятилетия XXI в.

Кроме исторического нарратива, автор исследует идеологию и движение реформаторов-ваххабитов (салафитов), которые называли себя «единобожниками»; различные стадии развития саудовского государства; роль «нефтяного фактора» в трансформации саудовского общества; появление новых классов и социальных групп; роль Саудовской Аравии на международной арене, ее отношение с СССР/Россией; серьезные реформы последних лет.

Книга основана на различных источниках. Среди них арабские летописи, включая оригинальные аравийские хроники, написанные как сторонниками, так и противниками династии Саудидов; отчеты европейских путешественников, дипломатов, ученых и разведчиков, начиная с XVIII по XX в.; документы и публикации Британской администрации в Индии; оригинальные арабские источники XX в., включая не

только официальные саудовские публикации, но также заметки участников описываемых событий; работы видных американских, европейских и российских ученых; российские архивные материалы, многие из которых впервые введены в научный оборот.

Первые издания данной книги на русском, арабском и английском языках были исключительно тепло встречены в России и за рубежом. Книжное обозрение *Choice* включило ее в разряд «выдающихся академических книг», а журнал *Middle East Quarterly* писал: «...великое достижение автора в том, что он объединил в одно целое прежде разрозненную историю страны. Если вы намерены прочитать или иметь всего одну книгу о Саудовской Аравии, то именно эту книгу».

Среди работ А.М. Васильева – более 40 монографий, в т.ч. «Король Фейсал. Личность. Эпоха. Вера», «Египет и египтяне», «Мост через Босфор», «Факелы Персидского залива», «От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке» и др.

- «Алексей Васильев создал выдающееся исследование саудовского государства, которое богато исторической документацией. Эта книга – полная и взвешенная». *Профессор Фред Холлидей, Лондонская школа экономических и политических наук*

- «Это, возможно, наиболее солидный и детальный анализ истории и политики Саудовской Аравии, когда-либо предпринятый. Работа станет настольной книгой для всех, кто интересуется формированием и развитием страны за более чем два века». *Профессор Тим Ниблок, Даремский университет*

- Эта книга, принадлежащая перу выдающегося российского ученого, специалиста в своей области, объединяет богатство любопытных деталей с точным и глубоким анализом. *Профессор Бернард Льюис, Принстонский университета*

- «Представляя собой авторитетный анализ исторических корней и современной политической и социальной истории Саудовской Аравии, эта книга будет прочитана не только учеными и студентами, но также всеми, кто хочет лучше понять последние драматические события в Заливе и арабском мире». *Бутрос Бутрос-Гали, Генеральный секретарь ООН*

- «Труд Алексея Васильева известен не только в России, но и на Западе, и в арабском мире. Эту книгу стоило бы прочитать всем, кто не только профессионально занимается, но и интересуется проблемами истории Ближнего Востока, нефти, ислама, международных отношений». *Академик Е.М. Примаков*